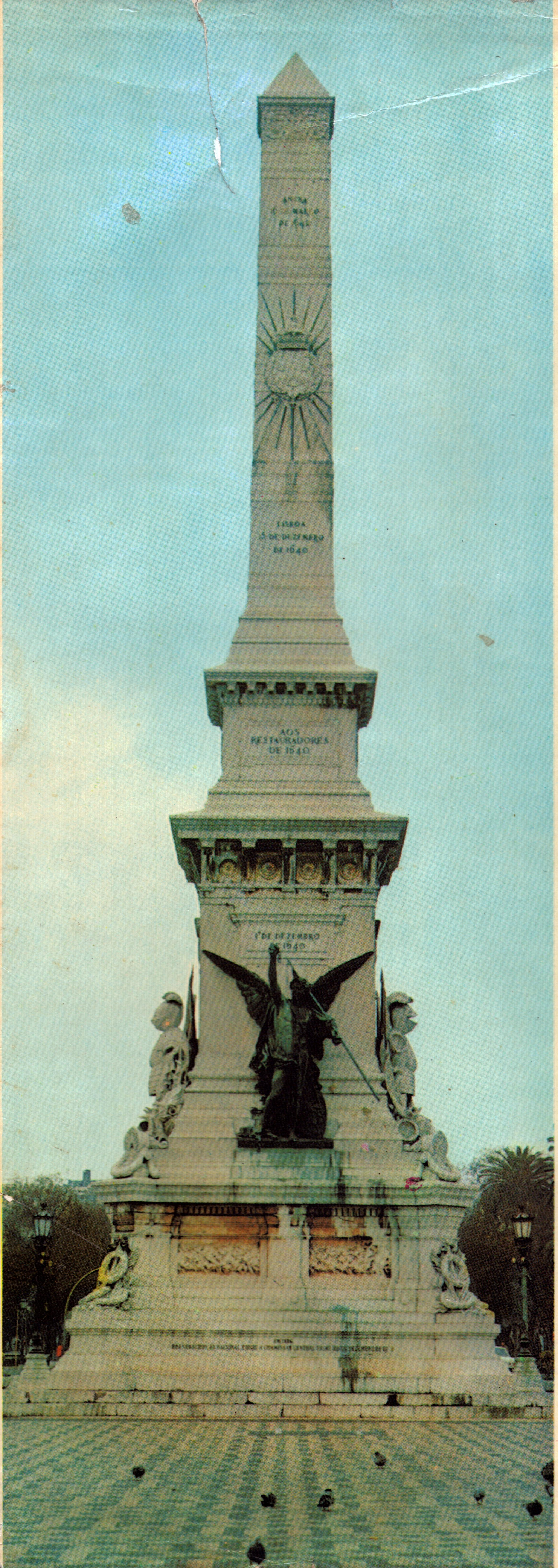


ПОРТУГАЛИЯ

ПОРТУГАЛИЯ

СТРАНЫ
МИРА

ПОРТУГАЛИЯ

ФОТООЧЕРКИ
О СТРАНЕ

Краткие географические сведения

Португалия — государство на крайнем Юго-Западе Европы. Расположено в Западной части Пиренейского полуострова, а также на островах Азорских и Мадейра в Атлантическом океане. На Востоке и Севере Португалия граничит с Испанией. Площадь 92,1 тыс. кв. километров, в том числе островов свыше 3 тыс. кв. километров. Население десять млн. человек, Столица — город Лиссабон.

Олег Игнатьев

ПОРТУГАЛИЯ

ФОТООЧЕРКИ О СТРАНЕ

МОСКВА
ПЛАНЕТА
1984

77+32 И (Порт.)
И26

Автор текста
и составитель ОЛЕГ ИГНАТЬЕВ

Фото ОЛЕГА ИГНАТЬЕВА

Художник БОРИС УШАЦКИЙ

© «Планета», 1984

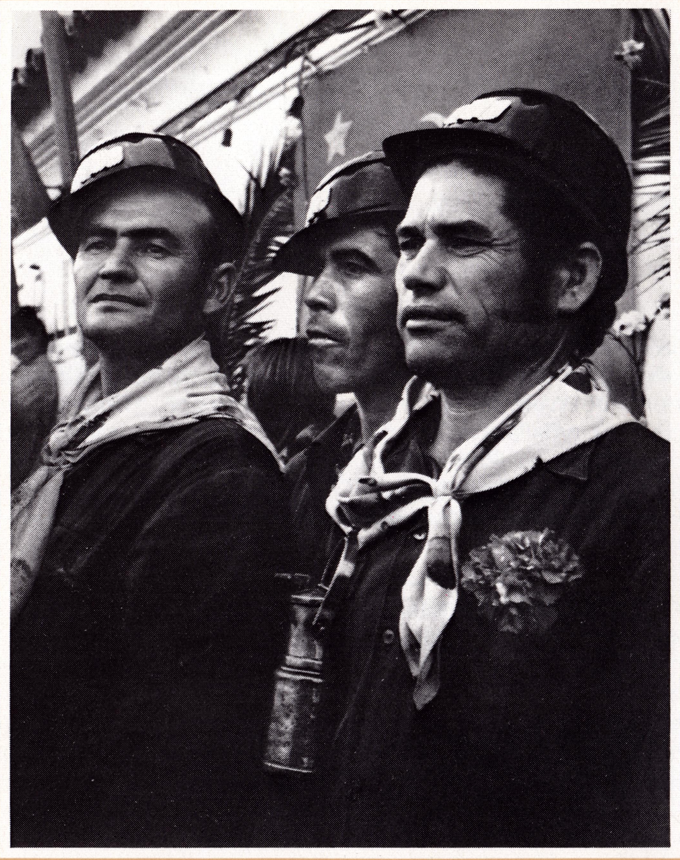
Вы видели, что этому народу,
Которым можно только восхищаться,
Пришлось в боях отстаивать свободу
И с маврами всесильными сражаться,
Пришлось пройти через судьбы невзгоды
И от кастильцев ярых отбиваться.
В сраженьях Португалия рождалась
И славою сынов своих держалась.

Луис ди Камоэнс
Из поэмы «Лузиада», песня 1
Перевод Ольги Овчаренко

REFORÇO DA ALIANÇA DAS MASSAS POPULARES COM O MFA
PRESENTE
PCP
POR UMA ARQUITECTURA SERVIÇO DO POVO
CONCELHO DO SEIXAL PRESENTE
TRABALHADORES BANCÁRIOS SAÚDAM O PCP
ORGANISMO DOS ESCRITÓRIOS
CELULA DO PARTIDO COMUNISTA PORTUGUÊS NA PHILIPS

Впервые мне удалось попасть в Португалию лишь через три недели после революции 25 апреля 1974 года, свергнувшей фашистский режим. Поэтому, естественно, не я являюсь автором снимков, опубликованных на этих двух страницах. Их сделал португальский коммунист, всю свою сознательную жизнь посвятивший борьбе за счастье народа Португалии. Внимательно посмотрите на эти исторические фотографии, запечатлевшие крутой поворот в истории страны. Танки на улицах Лиссабона, восторженные лица демонстрантов, приветствующих зарю свободы — день 25

апреля. Грандиозная манифестация трудящихся — первый свободный Первомай! Годы после свершения революции отмечены событиями, оказавшими глубочайшее влияние на дальнейшее развитие нации. Победа над фашизмом явилась лишь началом нового этапа противоборства между силами реакции и демократии, продолжающегося и в наши дни. Нет на земле ясновидцев, способных предугадать в деталях, как будут развиваться те или иные события, но поступательное движение истории — истина непреложная. Это целиком и полностью относится к стране и народу Португалии.



ПОРТУГАЛИЯ АПРЕЛЯ

Дым из фабричных труб устремляется
в вышину,
ароматы земли покидают сонную тень.
Навстречу открытому настеж окну
прорывается день, прорывается день.

Стонущий голос реки наполняет даль,
но в жалобе гневной не скорбь слышна,
то не слеза, не холодная то печаль.
То песнь одна.

Край Апреля, моя Португалия, твердый
кристалл,
сеятель новых рассветов, чистый душой.
Руки твои, еще изнуренные, налитые,
блеск твоей соли — едкою белизной.

Марио Каштрим
Перевод с португальского Инны Тыняновой

КТО, ГДЕ, КОГДА

Чтобы познать настоящее, нужно хорошо знать прошлое. Потому что основы сегодняшнего дня закладывались вчера, и корни событий, происходящих в нынешнем веке, уходят в глубь веков минувших.

Этот фотоальбом о Португалии и португальцах. Естественно, что рассказ о нынешней Португалии я начну с прошлого страны и народа.

С того места, где река Окреза вливается в Тежу и далее по течению до самой испанской границы на протяжении сорока километров, можно встретить тысячи выбитых на скалах рисунков зверей, исчезнувших задолго до появления первой «Красной книги». Археологи утверждают, что первые рисунки можно отнести к седьмому тысячелетию до нашей эры, а последние появились «лишь» три тысячи лет назад.

Можно предположить, что люди, создавшие их, были предками галлаэси, лузитан, или селтов, остатки племенных поселений которых сохранились до наших дней. Одно из них — Ситаниа ди Бритейруш — находится на покрытых соснами холмах в полутора десятках километров от города Гимараэша. Развалины «дома собраний», жилых построек и помещений для скота, каменные линии акведука и крепостных стен, гранитные глыбы фундамента языческого храма и плиты от склепов свидетельствуют, что земля эта была родиной для многих поколений людей той далекой эпохи.

Потом во втором веке до нашей эры началось и продолжалось почти триста лет завоевание Иберийского полуострова римлянами. На португальской территории римляне возводили крепости и поселения, строили мосты и прокладывали дороги. Римские легионы обосновывались во многих городах северной части нынешней Португалии. Остатки некоторых сооружений времен римского владычества можно и в наши дни видеть в разных частях страны. Например, в Эворе сохранился полукруг колонн римского храма, посвященного богине Диане. Величественный арочный мост в Шавиш, построенный римлянами для переправы своих легионеров через реку Тамега, не только служит сейчас пешеходам, он выдерживает тяжесть многотонных грузовиков.

Потом в начале III века на территорию Португалии пришли арабы, господствовавшие здесь до конца XII века. Лиссабон был освобожден от арабского владычества только в 1147 году.

Римляне и арабы оказали очень большое влияние на формирование португальской нации. Оно сохранилось до сих пор в привычках, во внешнем облике жителей, в языке. Сказывается это влияние и в архитектуре. Так, на юге страны дома во многом сохранили мавританский стиль, а португальский язык возник на базе латинского языка римлян. Любопытно, что, хотя арабское господство продержалось на несколько веков больше римского, в нынешнем разговорном португальском языке сохранилось всего лишь около шестисот арабских слов, не считая географических названий. Например, Коимбра раньше называлась Конимбрига или Колимбриа, произошедшая от арабского Кулумбриййа, а Лиссабон (по-португальски Лижбоа) именовался Олисипо или Олисипона. Название страны «Португалия» берет начало от старого произношения города Порту, который еще во времена римлян именовался Портукале. На диалекте местных племен, обитавших около Портукале, это слово звучало как «Португал». Так и осталось до наших дней «Португал» — по-русски «Португалия».

Объединение Португалии под властью единого правителя стало возможным только в XII веке, когда в 1179 году римский папа Александр III признал Афонсо Энрикеша королем Португалии.

Читая книги по истории страны, написанные португальцами, всегда удивляешься калейдоскопу заговоров, локальных войн, междоусобиц и переворотов. Десятки князьков, принцев, кардиналов, отпрысков королевских фамилий, внебрачных сыновей и дочерей испанской и португальской знати грызлись между собой за власть, деньги, землю, наследства, за «право» вершить суд и расправу над народом Португалии.

XII век считается важным периодом формирования португальской нации. Даже называют человека, объявившего миру о появлении на тогдашней географической карте нового независимого государства,— князя дона Энрике. О городе Гимараэше говорят, что он — «колыбель Португалии». В Гимараэше находится величественная крепость, возведенная по приказу дона Энрике. Именно в этой крепости дон Энрике возвестил о независимости страны, после чего его стали величать «основателем португальской нации».

Провозгласить что-либо можно с легкостью необыкновенной, но осуществить на практике несравненно сложнее. Так было и с португальской независимостью. Страну продолжали раздирать междоусобицы, распри между князьями, кардиналами, епископами, баронами и принцами. Каждый мнил себя

властителем и сувереном, сколачивая собственное воинство, превращая «свой» район в изолированный мирок. Картина была бы не полной без упоминания о непрекращавшихся попытках испанцев подчинить себе молодое португальское государство. Как память о тех временах осталось множество крепостей. За годы работы в Португалии я посетил их и снял на фотопленку около полутора сотен, а всего, как считают знатоки, включая форты и укрепленные пункты, их свыше трехсот. Для страны, территория которой чуть больше девяноста двух тысяч квадратных километров — количество внушительное.

В кратком очерке не расскажешь о всех событиях, происшедших в стране после провозглашения независимости, но на одном периоде нельзя не остановиться. Я имею в виду эпоху великих географических открытий, в которой Португалии принадлежит выдающаяся роль.

Во многих книгах по истории упоминается имя португальского короля Генриха Мореплавателя. На самом же деле этот Энрике (так по-португальски звучит имя Генрих) дальше Марокко никуда не путешествовал, и при его жизни были организованы всего лишь две небольшие морские экспедиции к западному побережью Африки, во время которых были открыты Азорские острова, острова Зеленого Мыса и побережье нынешней Гвинеи-Бисау. Каковы же были причины, побудившие направить эти экспедиции для открытия неведомых земель? Тяга к путешествиям? Желание принести славу молодой португальской нации? Стремление познать окружающий мир? Ни то, ни другое, ни третье. Португальский ученый Оливейра Маркиш пишет в книге «История Португалии», что дон Энрике жил не по средствам, вечно нуждался в деньгах, а так как грабить в собственной стране было уже нечего, то он решил поживиться на стороне. Таким образом, толчком к началу эры великих географических открытий послужили обычные корыстные интересы. Однако этот факт ни в коей мере не принижает значимости и величия подвигов, совершенных португальскими мореплавателями.

Наибольшего успеха португальские мореплаватели достигли во времена правления инфанта дона Жоао (впоследствии Дон Жоао II), который в 1474 году взял на себя «управление заморскими открытиями». Именно он разработал со своими советниками план достижения Индии морским путем и в 1482 году отправил первую экспедицию, возглавляемую Диогу Као, во время которой европейцы впервые вступили на землю нынешних Габона, Заира и Анголы. Пять лет спустя вторая экспедиция, возглавляемая Бартоломеу Диасом, открыла путь в Индийский океан.

Король Жоао II умер в конце октября 1495 года, и вступивший на трон его шурин Дон Мануэл I принял решение продолжить осуществление планов прокладки морского пути в Индию.

8 июля 1497 года из порта Лиссабона вышли три каравеллы: «Сао-Габриэл», «Сао-Рафаэл» и «Беррио». С ними шло небольшое вспомогательное судно, на котором находились запасы воды и провианта, перегруженные затем на каравеллы. Экспедицию возглавлял капитан-мор Васко да Гама. К моменту начала экспедиции ему уже исполнился тридцать один год. Всего в походе принимали участие 148 человек. Васко да Гама командовал каравеллой «Сао-Габриэл», капитаном «Сао-Рафаэл» был его старший брат Пауло да Гама, а «Беррио» находилась под началом Николау Коэльу, который до вступления на борт корабля занимал пост королевского слуги и в мореходных делах разбирался слабо.

Точных данных о водоизмещении каравелл Васко да Гамы нет, но по отдельным отрывочным сведениям можно сделать вывод, что у «Сао-Габриэл» оно равнялось 120 тоннам, у «Сао-Рафаэл» 100 тоннам, а «Беррио» была совсем крохотной — водоизмещением всего лишь в 50 тонн. Нужно обладать незаурядным мужеством, чтобы решиться идти в двухлетнее плавание по неизведанным местам на таких скорлупках! О колоссальных трудностях, которые пришлось вынести участникам экспедиции, свидетельствует хотя бы такой факт. Как уже говорилось, из Лиссабона вышли в поход 148 человек. За два года экспедиции умерли или погибли 93 человека, а на родину в конце лета 1499 года вернулись всего лишь 55.

Любопытно, что в Португалии, где на каждом шагу можно увидеть монументы и статуи различным генералам, королям, принцам и князьям, нет ни одного памятника Васко да Гамы. Правда, в Лиссабоне, в верхней части триумфальной арки, сооруженной у выхода с улицы Аугушта на площадь Комерсиу, установлены четыре пятиметровые статуи. Одна из них — великого мореплавателя. Но она столь неприметна, что о ее существовании даже не подозревают многие жители португальской столицы. Умер Васко да Гама 24 декабря 1524 года, и прах его покоится в саркофаге в соборе Жеронимуш.

Упомянем здесь еще одну экспедицию, завершившуюся открытием европейцами Бразилии. В марте 1500 года из лиссабонского порта вышли 13 кораблей

под командованием Педро Алвареса Кабрала. Взяв курс на запад, они через месяц с небольшим достигли берегов Южной Америки. 22 апреля на берегу был установлен католический крест. Так началась португальская колонизация ныне самой большой страны южноамериканского континента — Бразилии.

Опустим несколько столетий из истории Португалии. Но прежде чем перейти к событиям XX века, вспомним о двух португальцах, современниках Васко да Гама и Педро Алвареса Кабрала. Один из них — всемирно знаменитый поэт Луис ди Камоэнс, автор бессмертной эпической поэмы «Лузиада». Второй — учитель начальной школы, парикмахер, фельдшер госпиталя Санто-Антонио в городе Визеу, знавший механику и астрономию, Жоао ди Алмейда Торту. Имя это мало кому известно в Португалии. Из десятимиллионного населения страны вряд ли найдется сотня человек, которые слышали что-то об Алмейда Торту. Знают и заучивают в школах имена королей, их жен, принцев, кардиналов и генералов, а о том, что в XVI веке жил Алмейда Торту, и понятия не имеют.

Алмейда Торту можно назвать португальским Икаром. Он задался целью доказать, что человек может летать, как птица. По собственным чертежам построил крылья и, укрепив их за спиной, 20 июня 1540 года бросился с купола собора Визеу. Несколько секунд ему удалось парить в воздухе, но потом летательный аппарат сломался, и смельчак погиб. Три века спустя попытку покорить небо предпринял немец Отто Лилиенталь, которая тоже закончилась трагически. Я рассказал этот случай только для того, чтобы показать, насколько история порой засорена никчемными именами, а люди, достойные глубокого уважения потомков, канули в небытие, хотя именно благодаря им рождается уважение к стране, к ее народу.

Монархический строй просуществовал в Португалии почти восемь веков. В 1910 году монархия была свергнута и провозглашена первая республика, которой была уготована короткая жизнь. в 1926 году к власти в Португалии пришел фашизм. И всех страниц книги не хватит для перечисления преступлений фашизма за сорокавосьмилетнее господство в Португалии. Вспомним лишь, какой была Португалия 24 апреля 1974 года, накануне того дня, когда восставшая армия при поддержке народа покончила с ненавистным режимом.

Страну, по праву гордившуюся своим прошлым, фашизм превратил в придаток агрессивного Североатлантического блока, в политические задворки Европы, изолировав от большей части внешнего мира. Продолжалась чуждая народу колониальная война в Африке. Рабочего из Сетубала и крестьянина из Траз-уж-Монтиш заставляли убивать жителей Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бесау во имя чуждых им интересов. Прямо пропорционально кровавому счету загубленных жизней возрастал банковский счет фашистской верхушки.

В крепости Пенише, застенках Кашиаш, лагере смерти Таррафал, разбросанных по всей стране бесчисленных тюрьмах салазаровской охранки ПИДЕ истязали, пытали патриотов, стремясь сломить их, согнуть, уничтожить, преследуя главную цель — ликвидировать тех, кто держал поднятым знамя борьбы,— бойцов Португальской коммунистической партии.

Несколько строчек статистики. Документы Организации Объединенных Наций фиксируют в 1973 году:

«Португалия занимает 39-е место среди капиталистических стран по уровню жизни, замыкая список западноевропейских государств».

«В Португалии на 1973 год 39 процентов взрослого населения неграмотно».

«В Португалии на 1973 год 67 процентов населения, занятого в сельском хозяйстве,— безземельные (батраки) и малоземельные крестьяне».

«В Португалии на январь 1973 года среднемесячный доход на душу населения составлял 59 долларов».

Такой пришла Португалия к 25 апреля 1974 года.

Вести о переменах, поступавшие в то лето семьдесят четвертого.

Читатели помнят их. Португальцы их никогда не забудут.

...Запрещена фашистская партия... Распущены салазаровские организации... ПИДЕ прекратила существование... Революционные власти гарантируют осуществление демократических свобод... Компартия после сорока восьми лет выходит из подполья... Главное — покончить с колониальной войной...

В те дни недалеко от дворца Сао-Бенту бросалась в глаза написанная краской на стене фраза: «Народы португальских колоний в Африке и португальский народ хотят быть свободными и жить как братья». Это еще с октября 1957-го. Слова из декларации пятого съезда Португальской коммунистической партии. Потребовалось почти семнадцать лет самоотверженной борьбы африканских и португальских патриотов, чтобы мечта поколений африканцев осуществилась. Знамя свободы Португалии взметнулось в небо вместе с флагами независимости африканских государств. Начался отсчет нового времени в жизни португальского народа.

Революция принесла народу аграрную реформу. Революция принесла народу ликвидацию монополии финансовой олигархии, национализацию основных отраслей промышленности. Революция открыла Португалии двери внешнего мира: были установлены отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

За годы, прошедшие с момента свершения апрельской революции, народу Португалии приходится постоянно бороться за сохранение нового, прогрессивного. Будь то национализация или размеры пенсий, аграрная реформа или внешнеполитические проблемы. Битва идет везде. Здесь хочется привести слова, произнесенные генеральным секретарем Португальской коммунистической партии Алваро Куньялом в 1979 году на IX съезде компартии: «Португальская революция жива, ею наполнена действительность страны, она живет в мужестве и решимости народного и рабочего движения, в продолжающемся росте нашей партии, в ее связях с массами... Португальский народ, португальская демократия имеют достаточно сил, чтобы противостоять реакции и в конечном счете обеспечить претворение в жизнь целей, выдвинутых национальной, демократической революцией».

ГОРОД СЕМИ ХОЛМОВ

Города подобны людям. Может быть, потому что сотворены их руками, разумом и сердцем. Города рождаются и достигают поры зрелости, приобретая свой характер, нрав, облик. И наш слух воспринимает привычно, казалось бы, неправомерные словосочетания: жизнь города, лицо города. Да, мы относимся к городам, как к живым существам: одни любим, другие стараемся избегать.

Сразу же признаюсь: мне нравится Лиссабон. Может быть, оттого, что впервые познал его в пору буйного цветения гвоздик мая тысяча девятьсот семьдесят четвертого года, когда город срывал с себя истлевшие лохмотья почти полувековой диктатуры фашизма и примерял яркий кумачовый наряд, так гармонировавший с безоблачным небом и поднявшимся над горизонтом солнцем освобождения.

О Лиссабоне времен апрельской революции снято много фильмов, написаны книги. Для нас, тех, кому посчастливилось сопереживать с лиссабонцами крутой перелом в жизни страны, события 25 апреля 1974 года и последовавший за ними период политических, социальных и экономических потрясений могут показаться главной вехой в развитии португальской истории. Но не нужно забывать, что у каждого поколения прародителей нынешних жителей португальской столицы были свои главные вехи.

Когда же возник Лиссабон, кто были его первые обитатели? Старинные летописи об этом умалчивают. Одно из самых ранних упоминаний об Олисипо — старом названии Лиссабона — мы встречаем в «диалогах» Платона «Тимей» и «Критий», написанных в IV веке до нашей эры, но есть и достоверные сведения, что еще две тысячи лет до нашей эры на холме Монсанто, входящем ныне в черту португальской столицы, имелись финикийские поселения, и устье реки Тежу служило водной дорогой для финикийцев и греков в их передвижениях по этой части Иберийского полуострова. От эпохи римского владычества сохранился документ, свидетельствующий, что в 138 году до нашей эры по приказу Децима Юния Альбина Брута было завершено возведение крепостных стен вокруг Олисипо. Примерно в это время римляне строят и величественную крепость Сао-Жоржи, до сих пор возвышающуюся над городом.

В 409 году нашей эры римлян из Лиссабона (в ту пору превратившегося из Олисипо в Олисипоне) вытеснили пришедшие сюда с севера свевы и вестготы. Они владели городом триста пять лет, до 714 года, пока не были изгнаны маврами. При свевах и вестготах произошла очередная трансформация названия города. Из Олисипоне он превратился сначала в Лиссабона (вот откуда русское произношение «Лиссабон»), а потом — в Лижбона.

В 1147 году дон Афонсо Энрикеш, будущий король Португалии, окончательно отвоевывает город у мавров, название которого к тому времени, наконец, приобрело свое нынешнее звучание — «Лижбоа».

Сто восемь лет спустя, в 1255 году, Лиссабон провозглашается столицей португальского королевства. В те времена понятие «столица» измерялось несколько другими мерками. Когда дон Афонсо Энрикеш, воспользовавшись помощью крестоносцев, изгнал из Лиссабона мавров, площадь города составляла всего-навсего 15 гектаров и число жителей не превышало 16 тысяч человек. За сто последующих лет его территория увеличилась до 25 гектаров, а население выросло еще на 10 тысяч жителей. Этого оказалось вполне достаточно для принятия королем доном Афонсо III решения о перенесении столицы в Лиссабон.

Присутствие королевского двора способствовало быстрому развитию города как политического, экономического, социального и религиозного центра страны. Возводились общественные здания, сооружались церкви и монастыри, в Лиссабон сгоняли мастеровой люд, строивший великолепные дворцы для многочисленных придворных. В 1373 году был издан королевский декрет, по которому предписывалось начать строительство новой городской стены, огородившей территорию в сто один с половиной гектаров. Уже в те времена о Лиссабоне говорили как об одном из красивейших городов Европы.

Соответствовало это действительности или нет, нам судить трудно, потому что сейчас от Лиссабона XIV века почти ничего не осталось. И от Лиссабона XV века. И от построек шестнадцатого и семнадцатого веков. И от того, что было сооружено в первой половине восемнадцатого века. Ни дворцов, ни замков, ни памятников, ни документов. Потому что 1 ноября 1755 года небывалой силы землетрясение превратило Лиссабон в руины.

Был праздник. День всех святых. Многие лиссабонцы в половине десятого утра еще спали, не подозревая, что жить им осталось всего лишь десять минут. Первый толчок гигантской мощности произошел в девять часов сорок минут. Спустя шесть минут — второй. Тридцать тысяч человек — шестая часть жителей города — погибли. Около восьмидесяти процентов всех зданий не выдержали натиска

стихии. Устояли только такие монументальные сооружения, как крепость Сао-Жоржи и Главный городской собор. Практически столицу после землетрясения нужно было строить заново. И лиссабонцы решили эту задачу, для той эпохи необычайно сложную во всех отношениях.

Возрождение города велось по четко разработанному плану. В то трагическое для Португалии время всю реальную власть в свои руки взял премьер-министр короля, пятидесятишестилетний Жозе Себастиао ди Карвалью-э-Мелу, больше известный в португальской и мировой истории как маркиз ди Помбал. Существование сегодняшнего Лиссабона — во многом его заслуга.

А сейчас, познакомившись немного с прошлым города, давайте совершим экскурсию по улицам Лиссабона последней четверти двадцатого века.

Не знаю почему, но о многих красивейших городах мира говорят, что они построены на семи холмах. Например, о Москве, о Киеве, о Риме. То же утверждают и о Лиссабоне, хотя, по моим подсчетам, холмов в португальской столице не менее двух дюжин. Но будем придерживаться апробированных данных.

Каждый из семи холмов имеет свое название: Сао-Висенти, Санто-Андре, Каштелу, на котором возвышается крепость Сао-Жоржи, Сантана, Сао-Роки, холм Шагаш и последний, седьмой по счету, зовется Санту-Катарина. Поднимемся на Сао-Роки, потому что оттуда, со смотровой площадки, открывается прекрасный вид на восточную часть города и реку Тежу. Крыши португальских домов в большинстве своем черепичные. Согласитесь, жилище, крытое черепицей, выглядит гораздо уютней зданий, покрытых кровельным железом или шифером.

На смотровую площадку Сао-Роки проще всего попасть с площади Рештаурадореш, в центре которой возвышается обелиск в честь борцов 1640 года за восстановление независимости страны, шестьдесят лет находившейся под испанским владычеством. Рештаурадореш по-португальски и означает «восстановители» (независимости). Здесь, около дворца Фош, в ущелье между взбирающимися по склону холма домами можно сесть на лифт-трамвайчик, который, не торопясь, довезет вас до верха.

Таких лифтов-трамвайчиков в Лиссабоне два. Построены они были инженером Раулем Меснером в конце прошлого века и вот уже почти сто лет исправно служат жителям столицы. В Лиссабоне имеются также сооруженная два десятилетия назад линия метро с двумя ответвлениями, много автобусных маршрутов и трамвайная сеть. Таких, как в Лиссабоне, трамваев уже ни в одной стране Европы не встретишь. Сделаны они были в Англии в 1898 году и до сих пор резво бегают и на окраине и даже на оживленных лиссабонских проспектах.

Холм Сао-Роки застроен улочками Байру Алту. Когда-то он считался аристократическим районом, потом захирел, зачах и в наши дни приобрел довольно сомнительную славу уголка города, где лучше прогуливаться при дневном освещении. Со смотровой площадки Сао-Роки видны возвышающиеся друг над другом старые здания, покрывшие склоны холма Сантана, а еще дальше холма Каштелу. Очень бывает приятно побродить в свободное время по перепутанному серпантину их улочек, тупиков и закоулков, присесть на лавочку в крошечных, с полдюжиной запыленных деревьев, сквериках, полюбоваться старинными фонарями, висящими на фигурных чугунных кронштейнах, вбитых, может быть, две сотни лет назад в кирпичные стены обшарпанных домов.

Кто никогда не заходил сюда, кто ограничивал круг своего знакомства с португальской столицей районами Байши, Шиаду, Рештелу, Белема, районами с зеркальными витринами дорогих магазинов, утопающими в зелени виллами, толпами иностранных туристов, увешанных фотоаппаратами, дефилирующими по улице Аугуста на четырехсотметровом отрезке между триумфальной аркой от Террейру ду Пасу до площади Россиу, тот никогда не может сказать, что знаком с настоящим Лиссабоном.

Потому что не на проспекте Либердади и не на улицах Алешандре Эркулано и Сао-Марсал живет большинство лиссабонцев. Их дома находятся в Байру Алту, в районах Ажуда, Алкантара, Алту ду Пина, Оурики, Эстефания и других местах, где мостовые вымощены булыжником, где через улочки на высоте второго и третьего этажей переброшены веревки, на которых сушится белье, где дома зачастую лишены самых элементарных удобств и воду приходится таскать ведрами из уличной колонки, сооруженной еще при маврах.

Они выглядят романтично, старые лиссабонские кварталы. Да, по ним приятно изредка побродить час-другой, но жить на этих улочках очень тяжело. А ведь многие поколения лиссабонцев там родились и прожили всю жизнь, и для многих практически нет шансов оттуда вырваться.

В Лиссабоне около миллиона человек. Более ста

тысяч из них живут в бараках и трущобах. Более полумиллиона ютятся в обветшалых домах кварталов, о которых шла речь выше. Жилищная проблема — самая острая не только в Лиссабоне, но и в Порту, Коимбре и других португальских городах. Столичный муниципалитет разрешить ее не в состоянии, а строительные частные фирмы, возводящие новые дома, заламывают за квартиры цены, абсолютно недоступные даже для семей со средним достатком. А ведь жить особенно тяжело, когда у человека нет никакой надежды, что завтрашний день, возможно, принесет ему облегчение.

Но продолжим нашу экскурсию по португальской столице. Выйдем на парадную артерию города — Авенида да Либердади — проспект Свободы. В городской черте на улицах, как правило, мало зелени, и Авенида да Либердади — одна из немногих приятных исключений. Ширина ее немного меньше московского Садового кольца, а в длину она вытянулась почти километровой стрелой. По обеим сторонам проспекта тянутся два уютных бульвара, на скамейках которых отдыхают почтенного возраста лиссабонцы, тешащие себя иллюзией, что нанесенная на асфальте мостовой белой краской разметка для автомобилистов оберегает их от выхлопных газов множества проносящихся мимо легковых машин и автобусов.

Авенида да Либердади начинается на площади Рештаурадореш и заканчивается на ротонде — площади Маркеш ди Помбал, в центре которой громоздится гигантский памятник маркизу. Первый камень этого памятника заложили еще в 1882 году — в день столетия со дня смерти маркиза, но строительство было завершено лишь в конце тридцатых годов нашего века. Я говорю «строительство», а не «создание», потому что, по правде сказать, большой художественной ценности памятник не представляет, а выделяется лишь своими размерами: раз в десять выше памятника гениальному Луису Камоэнсу.

Справа от ротонды — парк Эдуарда VII. Центральная часть его с разбитыми на пологом склоне террасами, геометрической сеткой газонов и подстриженными кустами напоминает прилизанные лондонские парки. В глубине его большая теплица, которая почему-то называется «Эштуфа фриа» («Холодная печка»), с тропическими растениями и увитым зеленью небольшим бассейном, по которому важно расхаживают несколько пар розовых фламинго. Между их ног спокойно проплывают золотые рыбки, но птицы явно игнорируют их, как будто понимая, что не все то золото, что блестит.

Минутах в десяти ходьбы от парка Эдуарда VII — третий зеленый уголок Лиссабона: парк Фонда Галуста Гюлбенкяна, где находится культурный центр Фонда с музеем, хорошей картинной галереей, библиотекой, залами для концертов, спектаклей, конференций и симпозиумов. Деятельность Фонда занимает значительное место в культурной жизни страны, и поэтому следует рассказать о нем несколько поподробней.

Галуст Гюлбенкян был одним из богатейших нефтяных магнатов конца прошлого и первой половины нынешнего века. Его иначе не называли, как «мистер 5 процентов», потому что ему принадлежало 5 процентов почти всех нефтяных компаний капиталистического мира. Он родился в Армении и до Великой Октябрьской революции владел многими нефтяными промыслами в Баку. Под конец жизни Гюлбенкян обосновался в Португалии, увлекся коллекционированием произведений искусств и в своем завещании большую часть оставленного наследства передал португальскому народу с условием, что будет создан специальный фонд его имени. В завещание входил также подробно разработанный статус будущей культурной организации. Предусмотрительность мецената была не лишней, учитывая размах коррупции и казнокрадства, существовавших в салазаровской Португалии.

Деятельностью Фонда сейчас руководит специальный комитет. Средства Фонда расходуются на издательскую деятельность, содержание прекрасного симфонического оркестра и балетной труппы, организацию художественных выставок произведений португальских и иностранных мастеров живописи, скульптуры, на предоставление стипендий для посылки за границу на учебу талантливых португальских молодых музыкантов, композиторов, художников. За счет Фонда приглашаются на гастроли в Португалию всемирно известные музыканты, оперные певцы и дирижеры. Без преувеличения можно утверждать, что Фонд Гюлбенкяна делает для распространения культуры в Португалии значительно больше, чем все государственные учреждения вместе взятые.

Несколько слов о культурной жизни столицы. В городе после апрельской революции было два театра, получавших государственную субсидию, но после прихода в 1980 году к власти правых правительств средства на культурные нужды были сокращены, и дотацию стали давать лишь театру Марии II. В Лиссабоне несколько актерских трупп ставят интересные, высокопрофессиональные спектакли, пользующиеся большой популярностью. Постановка каждой новой пьесы сопряжена с колоссальными финансовыми трудностями, актеры живут на мизерный заработок, но труппы продолжают существовать и радовать зрителей своим искусством. Столичные кинотеатры большей частью крутят заграничные фильмы. На экраны потоком идет низкопробная американская киномакулатура. Кинозритель считает, что ему повезло, если на дюжину просмотренных лент попадется одна, в какой-то степени имеющая право называться «художественным фильмом». В то же время многие талантливые португальские кинорежиссеры, операторы лишены возможности снимать фильмы. Главная причина: отсутствие средств. Местное телевидение ведется по двум каналам. Здесь полное засилье американщины, причем в подавляющем большинстве пошлой, вульгарной, примитивной. Ведущим португальским писателям, композиторам, художникам, поэтам чрезвычайно трудно пробиться на телевидение. Дело в том, что лучшие композиторы, музыканты, писатели, поэты, исполнители эстрадных песен придерживаются прогрессивных взглядов, многие из них — члены Португальской коммунистической партии, а это не устраивает тех, кто считает себя хозяином лиссабонского телевидения.

Выйдя из парка Гюлбенкяна, пересечем дорогу, повернем налево и дойдем до небольшой улицы, носящей имя писателя-коммуниста Соэйро Перейра Гомеша. Здесь, в рабочем районе, находится здание, построенное на средства, собранные народом Португалии. В этом здании работает Центральный Комитет Португальской компартии и находится редакция боевой газеты коммунистов «Аванте!», пятидесятилетнее существование которой, в том числе 43 года в подполье, отмечалось португальцами в 1981 году.

От улицы Соэйро Перейра Гомеша мы пройдем пешком переулками до проспекта Республики, где расположена остановка метро «Энтре Кампуш». В подземном переходе по обе стороны тоннеля устроились лотошники, торгующие в основном контрабандными товарами: бижутерией, сумками, гребенками, зонтиками, магнитофонными кассетами с отвратительного качества записями наимоднейшей джазовой музыки, шейными платками и другой дребеденью, неизвестно какими путями попадающей к ним, как правило, из Гонконга, Макао, Бангкока и других районов Юго-Восточной Азии. Досужие журналисты подсчитали, что только в Лиссабоне таких бродячих торговцев около восьми тысяч. Большинство из них принадлежит к цыганской общине. На окраинах Лиссабона проживают примерно пятнадцать тысяч цыган.

Недалеко от «Энтре Кампуш» — Университетский городок и расположенная в современном, хорошо оборудованном здании Национальная библиотека. Мне часто приходилось работать в читальных залах библиотеки, и каждый раз поражало сравнительно небольшое число посетителей. Поражало, потому что публичных библиотек в столице мало, но, видимо, нет среди широких слоев населения и особо большой тяги к чтению. Одна из причин — чрезвычайно высокие цены на книги, тираж которых, скажем художественной литературы, редко превышает три тысячи экземпляров.

Лиссабон — политический и торговый центр страны. Здесь сосредоточены все министерства и большинство государственных учреждений, головные отделения многих сотен различных фирм и компаний, управления банков и страховых обществ, директораты различных предприятий, концернов и обществ. В пределах городской черты практически нет крупных промышленных объектов, но они широким кольцом окружают Лиссабон, образуя так называемый «красный пояс столицы». В Алмаде, Амадоре, Лоуреше, Сетубале, на верфях «Лижнави», на предприятиях «Кимигала», «Петрогала», металлургических, электротехнических, машиностроительных заводах и фабриках трудятся сотни тысяч рабочих. Подавляющее большинство их входит в профсоюзы, объединяющиеся во Всеобщую конфедерацию португальских профсоюзов — Национальный интерсиндикал. Из двухмиллионной армии португальских трудящихся миллион семьсот тысяч принадлежит к «Интеру». Штаб Интерсиндикала находится в столице.

Конечно, вы познакомились только с малой толикой того, что вбирают в себя три слова «Лиссабон — столица Португалии», но, чтобы рассказать обо всем, нужно было написать не одну главу, а много книг.

У РЫБАКОВ ПЕНИШИ

— Вот здесь, пожалуйста, распишитесь.— Полицейский ткнул пальцем в бумажку с отпечатанным текстом, где говорилось, что «никто, кроме меня, не несет ответственность за любую неприятность или ущерб, причиненные мне, которые могут иметь место во время пребывания на борту судна». На этом все формальности были соблюдены, и я получил законное право отправиться в Атлантику с рыбаками «Румо ао социализму».

«Румо ао социализму» — «Курсом к социализму». Так называлось рыболовецкое судно, на которое определили меня руководители объединения рыбацких кооперативов «Уникоопешка». У кооператива имеются семнадцать сейнеров. Каждому присвоено имя: «Плоды свободы», «Курсом мира», «Свободная Португалия», «Борьба рыбаков», «Свобода», «Начало жизни» и даже «Рыбацкий алтарь».

Но прежде чем вступить на борт сейнера, нужно, пусть в самой сжатой форме, познакомить читателя с рыболовецким флотом и рыбаками Португалии вообще.

Знатоки утверждают: когда в 1497 году португальский король Мануэл I приказал снарядить экспедицию для открытия морского пути в Индию, то назначенный руководителем похода Васко да Гама высказал пожелание набрать в экипажи судов как можно больше рыбаков, считая их самыми опытными мореплавателями. Так это или не так, но не подлежит сомнению, что слава о мастерстве португальских тружеников моря идет из глубины веков и сохраняется до нашего времени. Верно и то, что еще совсем недавно рыболовецкий флот страны состоял в большинстве своем из старых деревянных судов, лишенных какой бы то ни было техники, а заработки рыбаков были нищенскими. Если они работали на хозяина, то их грабил хозяин. Если они ловили рыбу на собственных шаландах, то их грабили перекупщики или торговцы-оптовики. Рыбаки не знали о существовании профсоюзов, им никто не платил пенсий, большинство начинали рыбачить в 13—14 лет и оставались на берегу только тогда, когда старческим рукам уже было не под силу вытаскивать сеть.

Такова была жизнь у рыбаков Вьяна-ду-Каштелу и Назаре, Матозиньюша и Алгарви. Ничем от нее не отличалась и жизнь рыбаков Пенише, небольшого приморского поселка, где живут тысяч десять человек, судьба большинства которых с первого до последнего дня завязана крепким морским узлом с волнами Атлантики. Казалось, так будет продолжаться вечно. Что XV век эпохи Генриха Мореплавателя, что беспросветное полстолетие салазаровского режима. Но вот пришел апрель тысяча девятьсот семьдесят четвертого. Революция. Страстные речи на митингах. Лозунги, призывы на стенах домов и даже на каменных блоках крепости-тюрьмы Пениши. Будоражащие душу звонкие слова «свобода!», «демократия!», «будущее!». С той поры минуло ровно десять лет, можно оглянуться, оценить пройденный путь, сравнить былое с днем сегодняшним. Для рыбаков «Уникоопешка» апрель семьдесят четвертого был и остается рубежом, за которым осталась старая жизнь и с которого ведется отсчет новой.

Мы сидели в правлении «Уникоопешка», и три члена руководства объединения рассказывали, как оно рождалось, что сделано за эти годы и, конечно, о планах на будущее. Собственно говоря, «Уникоопешка» — вроде межкооперативного координационного центра.

— Вот, посмотрите на графики роста капиталовложений и выручки от уловов за шесть лет нашего существования,— говорил, раскрывая солидную конторскую книгу, главный бухгалтер Антониу Жозе Коррейа.— Если в 1976 году мы выручили 39 миллионов эскудо за добытую рыбу и вложили в строительство новых судов, модернизацию старых и на приобретение техники 24 миллионов эскудо, то в прошлом году наши доходы превысили 240 миллионов эскудо, и мы смогли реально инвестировать 180 миллионов эскудо. Наглядное доказательство наличия у кооператива прочной финансовой базы.

— Конечно, улучшение экономического положения кооператива — важнейший фактор для рыбаков,— вступил в разговор Флориану Сабину, сам бывший рыбак,— и времена фашизма для рыбаков как дурной сон. Скажу вам, что за эти годы их заработок вырос в четыре раза. Но я бы хотел отметить одну особенность, появившуюся у рыбаков: веру в силу коллектива. Изменилось их сознание. Нет, не думайте, что до апрельской революции я и мои товарищи были этакими кустарями-одиночками. Достаточно вспомнить, как рыбаки старшего поколения еще в шестьдесят первом году здесь, в Пенише, провели полумесячную стачку, требуя от судовладельцев повышения заработка. Да что ворошить события двадцатилетней давности, достаточно напомнить о забастовке, которая началась в феврале семьдесят четвертого и продолжалась до революции 25 апреля. Но тогда была одна борьба, сейчас другая. Они поняли преимущества коллективного труда. Они — хозяева своего труда. Они чувствуют, понимают, осязают.

Под конец нашей встречи Алейшу Браз — также в недавнем прошлом рыбак, моторист, а сейчас тоже член руководства «Уникоопешка», поглаживая аккуратно подстриженную рыжеватую бороду, показывал проекты по расширению хозяйства «Уникоопешка» на территории зоны, отведенной в новом рыбном порту для нужд объединения. Уже строится «социальный центр» для рыбаков, крытое помещение для сетей, разрабатывается документация для будущей фабрики рыбных консервов годовой производительностью 14 миллионов банок и еще одной фабрики, на которой станут изготавливать рыбную муку.

— Мы рассчитываем,— с уверенностью произнес Алейша Браз,— что оба предприятия начнут действовать уже в следующем году. Тогда рыбаки получат еще большую уверенность, что результаты их труда никто не станет выбрасывать за борт.

Смысл последней фразы дошел до меня несколько позднее, уже на борту рыбацкого судна.

«Румо ао социализму» стояло на якоре, недалеко от выхода из бухты, и добираться пришлось на рабочей самоходной шлюпке вместе с другими членами экипажа. Алейшу попросил молодого рыбака Антониу Пайву опекать меня. К моменту прихода шлюпки на причале собрались почти все члены экипажа. Каждый рыбак подходил, неся в руке «фарнел» — плетеную корзинку с домашней провизией. Лишь у меня вместо «фарнел» был кофр с фотоаппаратурой, но предусмотрительный Пайва заверил, что содержимого его «фарнел» достаточно для хозяина и гостя. В экипаже был еще один новичок — мальчуган лет пятнадцати, впервые выходивший в море и поэтому старавшийся держаться как можно более независимо, не обращая внимания на иронические взгляды старых морских волков, многие из которых были всего лишь на несколько лет старше парнишки.

Шлюпка доставила нас на борт «Румо ао социализму». Сейнер небольшой, всего 26 метров длины. На полуюте возвышался уложенный пластами восьмисотметровый невод, а в палубу полубака были утоплены шесть прямоугольных емкостей, которые могли вместить до семи тонн сардин. Наш сейнер специализировался на ловле именно этой рыбы.

Капитан Куштодиу включил селектор и, соединившись с управлением «Уникоопешка», доложил, что экипаж на борту и судно уходит в район лова.

Капитанская рубка оборудована новыми приборами. Кроме селектора, здесь есть радар и эхолот, с помощью которого обнаруживают косяки рыбы. Конечно, и радарами, и эхолотами пользуются давным-давно, так что слово «новые» здесь употреблено лишь для того, чтобы подчеркнуть изменения, происшедшие на судах рыболовецкого кооператива за последние несколько лет. Да что говорить об эхолотах, если только четыре года назад на сейнерах кооператива установили неводовыборочные машины, лебедки для тяги канатов и оборудовали поворотные площадки для выметывания невода. Так что совсем-совсем недавно все делали руками, используя одну лишь мускульную силу.

Мы держим курс к нескольким судам «Уникоопешка», которые ведут сейчас лов сардин милях в пятнадцати на восток от Пениши. «Румо ао социализму» идет не торопясь со скоростью узлов 7—8, так что часа через два будем на месте. Моторист Рикарду хозяйничает в машинном отделении, капитан (или, как его называют здесь на малых судах, «мештри» — «мастер») сам стоит за штурвалом в рубке, а на носу, у самого форштевня устроился новичок. Ему поручили выполнять обязанности впередсмотрящего, чтобы чем-то занять, потому что из рубки у «мештри» Куштодиу обзор гораздо лучше и в «впередсмотрящих» он не нуждается.

Остальные рыбаки коротают время в кубрике: десяток двухъярусных коек, стол с двумя скамейками по бокам и плоский шкафчик с посудой — все это на площади не более десяти квадратных метров. Четыре рыбака сидят у стола и играют в местного «подкидного», остальные отдыхают на своих койках: никто не знает, как сложится рейс, удастся ли передохнуть в эту ночь или нет, поэтому лучше заранее подкопить силенок.

Ровно через два часа в кубрике раздались три резких электрических звонка. Сигнал, что обнаружен косяк сардин. Моментально, как по боевой тревоге, кубрик опустел. Спустить моторную лодку с тремя рыбаками, к которой прикреплен один конец невода, выметать все восемьсот метров невода,— на все ушло не больше полутора минут. Пока все идет без накладок. Больше всего в этой операции меня поразили чайки. С первых секунд выметывания невода откуда ни возьмись появились сотни чаек и стали беспорядочно метаться над кормой. Кто-то из рыбаков потом рассказал мне, что достаточно на сейнере раздаться трем звонкам, как через несколько секунд к корме слетаются чайки.

Тут же началась выборка невода. На эту операцию уходит больше часа. А если как раньше, без механизмов? И за гроши, которые платили рыбакам судовладельцы! Только тут начинаешь отчетливо представлять себе, сколь разительные перемены произошли в рыбацкой жизни после апрельской революции. Самый почтенный член экипажа нашего сейнера — пятидесятидевятилетний рыбак Иву Шалабарду. Он рыбачит уже сорок шестой год. Его место около лебедки для тяги канатов. Работает без суеты, каждое движение выверено до автоматизма. Иву, видимо, любит поворчать на молодых. Вот и сейчас он бурчит себе под нос, недовольный медлительностью напарника: «Руками больше работай, а не сваливай все на машину. Молодежь пошла, не знает, как брать рыбу. Вот раньше рыбаки, бывало...»

Нет, не прав старина Иву. Не желают молодые рыбаки сейнера возврата тех времен, когда рыба была «тяжелой». Поэтому и называется их судно «Руму ао социализму». В этом для них заключается большой смысл революции 1974 года. Аграрная реформа — для крестьян, национализированные предприятия — для рабочих, а для рыбаков Пениши — «Уникоопешка».

Уже полчаса прошло, как начали выбирать невод. «Мештри» Куштодиу спускается из рубки на палубу, подходит к борту, качает головой. На его лице явное разочарование. Увидев меня, виновато развел руками: не взяли сардин. Наклонился над люком в машинное отделение, крикнул: «Рикарду, пойдем на Эрисейру». Это миль двадцать южнее. Значит, раньше трех-четырех часов утра о возвращении в Пениши думать не приходится.

Наконец сеть выбрана, уложена, сверху водружена поднятая шлюпка. Куштодиу поднимается в рубку, мы спускаемся в кубрик, сбрасываем штормовки, скидываем неуклюжие резиновые сапоги. На одной из верхних коек, завернувшись в одеяло, лежит парнишка-новичок — беднягу укачало, и рыбаки беззлобно подшучивают над ним. Спрашиваю у Пайвы, будет ли кому принять рыбу поздно ночью, если вернемся с уловом. «А как же,— произносит рыбак,— если тринадцатого февраля сардины не пропали, то сейчас и подавно весь улов возьмут».

Тринадцатое февраля надолго останется в памяти у всех жителей Пениши. Накануне в стране произошла всеобщая забастовка против политики правительства блока правых партий, в которой участвовало полтора миллиона португальских трудящихся. В Пениши бастовали все рыбаки до единого. На другой день, в субботу 13 февраля вышли, как обычно, в море. Вернулись с богатым уловом: все емкости на сейнерах были доверху заполнены сардинами, в среднем по шесть тонн на каждом судне. Обычно весь улов тут же перекладывают в пластмассовые или деревянные ящики с размельченным льдом и отвозят на расположенный метрах в ста от причалов оптовый рыбный рынок, где почти непрерывно идет своего рода аукцион между перекупщиками, забирающими оптом весь улов, чтобы тут же отправить закупленную рыбу владельцам рыбных магазинов и мелким торговцам. У оптовиков — монополия. Они диктуют цену на рыбу. Скажем, сегодня берут у рыбаков сардину по 20 эскудо за килограмм, а поставляют ее розничным торговцам или в рыбные магазины по 60 эскудо. Покупатель же платит за тот же килограмм 70 эскудо. Так вот, когда 13 февраля сейнеры вошли в порт Пениши, то оказалось, что оптовый рынок закрыт на замок: перекупщики решили наказать рыбаков за участие в забастовке и объявили бойкот. А рыба долго лежать не может, и, когда не находится на улов покупателя, сейнеры выходят из бухты и выбрасывают сардины за борт. Но на этот раз события развивались так, как не могло быть в старые времена.

Профсоюз рыбаков договорился с руководством местного холодильника, чтобы сложить туда улов всех сейнеров. Потом бросили по поселку клич всем, кто может, идти в порт помогать переправлять рыбу в холодильники. И люди шли ночью с корзинками, старыми тележками. Пришли женщины, подростки, старики. Все. Между тем профсоюз связался с крупным оптовиком из Матозиньюш и предложил ему закупить весь улов дня по сходной цене. Сделка состоялась, и перекупщики Пениши остались с носом. Однако не это главное. Главное в том, что рыбаки одержали победу, что они еще раз убедились в силе коллектива, еще раз увидели, что могут добиться, если будут выступать единым фронтом.

И опять раздались три резких звонка: под килем сейнера косяк сардин. Дальнейшие события развивались точно так же, как и часов пять назад, но на этот раз после выбора сети в емкостях оказалось около семи тонн первосортных сардин. Можно было спокойно возвращаться в порт.

...Мы шли с Пайвой по прилегающим к порту улочкам. Было около пяти часов утра, но навстречу попадалось много прохожих. Некоторые, узнав Пайву, спрашивали: «Как улов?» Пайва отвечал: «Нормально». И я тоже говорил: «Нормально».

ОДИН ДЕНЬ С ПОЛПРЕДАМИ

Полотнище советского флага медленно поднималось по флагштоку. Завершалась церемония передачи очередного судна, построенного корабелами верфи Вьана-ду-Каштелу для Советского Союза.

История торговых отношений между нашими странами еще очень коротка и практически ведет отсчет с конца 1974 года. Но и за эти несколько лет португальцы могли убедиться в надежности и выгодности таких связей.

Есть такое выражение: показать товар лицом, а уж где-где, а в международной торговле необычайно важно показать все преимущества товара, предлагаемого покупателю. И здесь велика роль людей, которым поручена эта ответственная задача,— советских специалистов. О двух из них, работавших в Португалии, мне и хотелось бы рассказать.

* * *

— Познакомьтесь: это владелец трактора сеньор Домингуш Робалу, а сеньоры Вячеслав и Владимир — представители завода. Приехали из Советского Союза посмотреть, как «здоровье» вашей машины, какая ей нужна помощь.

Алфреду Виейра — инспектор по продаже советских тракторов отделения португальской фирмы «Импорэште» в округе Каштелу Бранку, завершив церемониал встречи, отошел в сторону, предоставив решение деловых вопросов заинтересованным лицам: крестьянину Домингушу и двум советским специалистам — Вячеславу Михайловичу Волковскому и Владимиру Ивановичу Трубникову.

Мы находились километрах в трехстах от Лиссабона, в деревушке Роса Комета. Добраться до нее можно за час езды от Каштелу Бранку на автомашине, способной передвигаться по не очень комфортабельным дорогам португальской глубинки. Волковский работал в Португалии уже четвертый год, а Трубников — всего лишь несколько месяцев. Оба они — инженеры-конструкторы, специалисты по тракторам. Вячеслав Михайлович с Минского тракторного, а Владимир Иванович — с Липецкого. И тот и другой находились здесь по командировке нашего внешнеторгового объединения «Трактороэкспорт». Они давали консультации и советы португальской фирме, занимающейся продажей и эксплуатацией советских тракторов, выезжали на места к владельцам «Беларусей», «Владимирцев», чтобы постоянно знать, с какими трудностями сталкиваются их хозяева. Для двух человек задача не из простых, если учесть, что число советских тракторов на португальской земле к началу 1982 года перевалило за четыре сотни и разбросаны они почти по всем провинциям — от Вьана-ду-Каштелу на севере до Фару на юге.

Крестьяне севера страны, как правило, люди степенные, невозмутимые. А тут Домингуш Робалу был явно взволнован и польщен. Подумать только, иностранные инженеры приехали специально посмотреть его трактор, посоветовать, как нужно за ним ухаживать. Он сбегал в сарай, принес ящик с инструментами, достал ветошь, смахнул налипшие на радиатор комья земли и потом стал подробно рассказывать Волковскому о каких-то своих трудностях.

— Что-нибудь серьезное? — спросил я Вячеслава Михайловича.

— Да нет,— ответил Волковский,— отказала гидравлическая система, по-моему, попала грязь и стал зависать припускной клапан. Сейчас мы с Володей посмотрим, может быть, механика не нужно будет вызывать из Каштелу Бранку.

— Значит, вам приходится выполнять роль и специалиста-консультанта, и механика по ремонту?

Волковский улыбнулся:

— Конечно, нас никто бы не упрекнул, если бы мы, обнаружив дефект, вернувшись в Каштелу Бранку, просто сообщили руководителям местного филиала по продаже тракторов о необходимости прислать сюда механика. Механик может приехать завтра, а может — послезавтра и сделает все, как нужно. Но у трактора-то будет простой сутки или двое, а главное — что подумает о нас, советских специалистах, этот крестьянин, который стоит сейчас рядом с машиной и ждет, что мы ему поможем. Именно мы, инженеры, специально приехавшие посмотреть его трактор. Ну и что? Приехали и уехали? Согласитесь, что так не пойдет. Руки останутся чистыми, а честь марки запятнаешь. Правда?

Вячеслав Михайлович подошел к ящику с инструментами, отобрал какой-то ключ, прихватил отвертку и присоединился к Трубникову, который, то и дело поправляя сползающие с переносицы очки, над чем-то колдовал у машины. К восторгу Домингуша Робалу минуты через две гидравлика послушно заработала.

— Вот и все,— произнес Трубников, вытирая ветошью перепачканные маслом руки.— Можно ехать дальше.

А хозяин трактора тихонько спросил у меня, что сказал этот специалист, так быстро исправивший его машину.

— Он,— пояснил я,— просто сказал, что все в

порядке, и мы отправимся сейчас смотреть еще один трактор в другую деревню.

Но прежде чем попрощаться с Домингушем Робалу, Волковский еще довольно долго терпеливо объяснял ему, какой уход любит трактор, какое давление воздуха должно быть в передних, а какое — в задних колесах и почему отказала гидравлическая система. И все это на португальском языке.

А потом мы поехали в деревню Ладуэйру, где работали два наших трактора, один — владимирского, а второй — минского заводов. У владельца «Владимирца» трактор стоял в гараже, и молоденький паренек-тракторист, возбужденно размахивая руками, стал тут же, как мы вошли, доказывать, что трактор невозможно завести, а вот когда он работал целый год на «англичанине», то там, хотя и бывали частые поломки, но трактор всегда заводился без всякого труда.

И опять Вячеслав Михайлович молча стал что-то проверять в железных тракторных внутренностях. Не прошло и нескольких минут, как мотор послушно затарахтел, к великому удивлению тракториста. Волковский успокоил паренька, сказав, что во всем виноват просевший процентов на 40 аккумулятор. Сеньор Алфреду Виэйра сделал пометку в блокноте: «Сменить аккумулятор у трактора Т-25-А2, купленного хозяином Жозе Монтейру Фолгаду в деревне Ладуэйру», а Волковский, в свою очередь, попросил Трубникова тоже записать для памяти, что необходимо проследить, чтобы механики фирмы перед отправкой тракторов покупателю тщательно проверяли состояние аккумуляторов.

В Ладуэйру мы еще заглянули к крестьянину Антониу Консейсао Кабелу. Собственно говоря, это посещение не было запланировано, так как никаких жалоб от хозяина в контору филиала фирмы не поступало, да и гарантийный срок обслуживания трактора давно истек. Но Вячеслав Михайлович в прошлом году бывал у Антониу Кабелу, и если пришлось быть рядом, то почему бы не проявить внимание к клиенту.

День клонился к вечеру, погода стояла промозглая, плотный туман лег на землю, и казалось, его можно было даже пощупать, а тут еще порывы ветра невесть откуда несли с собой клубы водяной пыли. Вячеслав Михайлович почти на ощупь вел «Жигули» по раскисшей проселочной дороге (кстати, единственные во всей Португалии «Жигули»), добродушно посмеиваясь над своей «заграничной жизнью», стараясь не проскочить место, где у поваленного плетня мы должны были повернуть налево, к жилищу Кабелу.

Трактор стоял на обочине около участка. Он выглядел, можно сказать, нарядно, ухоженно. Очень чистенький, нигде ни царапины. Прямо из тумана на нас вышел мужчина, держа под мышкой крошечного ягненка. Узнав Волковского, широко улыбнулся:

— О, сеньор Слава, как поживаете? Рад вас видеть. В гости к нам?

— Решили посмотреть, как ваш трактор,— пояснил Волковский.— Жалоб нет?

— Нет-нет,— взмахнул рукой крестьянин, чуть не выронив ягненка.— Как тогда, в прошлом году, поправили, так все время и работает. Очень я доволен. Мои друзья сначала говорили: «Намучаешься ты с этим советским трактором. Никто его не знает, раз он дешевле других, значит — плохой», а сейчас уже многие думают тоже обзавестись таким же «Беларус».

Антониу Кабелу произнес «Беларус», сделав ударение на «а». Так здесь называют любой советский трактор, не только минского завода.

Вячеслав Михайлович завел трактор, постоял, прикусив нижнюю губу и склонив на плечо голову, послушал, зачем-то притронулся к корпусу, выключил зажигание, произнеся:

— Нормально.

— Знаете, Вячеслав Михайлович,— сказал я Волковскому, когда мы возвращались в Каштелу Бранку,— вы с таким отрешенным выражением на лице слушали, как работает двигатель, что казалось, шум этот для вас слаще любой музыки.

Волковский усмехнулся:

— Музыку тоже люблю, я даже закончил музыкальную школу в Кобрине, в моем родном городе. Может, слышали, есть такой хороший городок недалеко от Бреста. Там по сей день живут и работают мои родители. Отец у меня заслуженный рационализатор и очень много сделал для города. Так вот, он с детства прививал мне любовь к технике. Передо мной возникла дилемма: или музыка, или техника. Выбрал технику. Закончил Минский политехнический и стал инженером-конструктором-исследователем. А музыку продолжаю любить.

...В Каштелу Бранку гостиница «Каравелла» находится впритык к авторемонтной мастерской «Империа», половину помещения которой занимает Каштелу-Бранкский филиал фирмы «Беларус». Филиал специализируется на «Владимирцах» — машинах Владимирского тракторного завода.

В первые годы работать было труднее. Наши трактора должны были еще завоевывать признание у потенциальных покупателей, а конкуренция солидная, фирмы других стран обосновались в Португалии давно, и встать в их ряд, показать себя, завоевать себе достойное место было не так просто. И здесь очень ответственна роль наших инженеров.

Недаром и Волковский и Трубников, имея высокую квалификацию, готовились на своих заводах к поездке больше года.

Собираясь в чужую страну, хочется еще до отъезда как можно больше узнать о ней. И конечно, было необходимо овладеть хотя бы основами незнакомого для них португальского языка.

Пожалуй, последнее оказалось самым сложным: при заводах существуют курсы иностранных языков, но преподавателей португальского — нет, и обоим пришлось изучать испанский (тоже романский язык и может пригодиться).

Вячеслав Михайлович чувствовал себя если и не как рыба в воде, то, по крайней мере, уверенно при обсуждении на португальском языке любых «тракторных дел», а Владимир Иванович первое время старался побольше слушать и поменьше вступать в разговоры.

— Вот вы спрашиваете: приносит ли мне нынешняя работа удовлетворение? — повторил мой вопрос Волковский и повернулся к сидевшему рядом Трубникову.— Я думаю, Володя со мной согласится, если я скажу: да — и за себя, и за него. Интересная работа, дающая нам как инженерам-конструкторам много. А потом здесь по-особому переживаешь за машины, сделанные в своей стране. Вот, например, мы регулярно проводим демонстрацию работы советских тракторов и каждый раз волнуемся: будь ты сто раз уверен в машине, а волнуешься. Вспоминаю весну 1979 года. Тогда в Монтижу, это недалеко от Лиссабона, проходила очередная демонстрация нашей продукции, и я первый раз принимал в ней участие. Вывел трактор на поле, хотя «полем» место испытания назвать было нельзя, просто гигантская лужа, заполненная грязью. И вот наш «Беларус», пройдя несколько метров, завязает в грязи буквально по «шею» и ложится на трансмиссию. Другую машину пришлось бы вытаскивать двумя бульдозерами, а мы вышли из положения, потому что у нашего трактора такая превосходная система гидравлики, что он буквально вырвал себя, как здесь говорили, «за волосы», вылез из грязи. Трактор купили.

Расскажу еще об одном случае. Мы демонстрировали работу липецких тракторов на севере страны, в Гуарда. Участок выделили, прямо скажем, плохой. Крутые склоны, местность каменистая, неровная. Понаблюдать, как мы станем действовать, приехал представитель фирмы «Фергюссон». Увидел он, что за «поле», возьми да и скажи: «Если удастся вспахать такую почву, то мне здесь делать нечего». А наш трактор пошел прекрасно. Смотрим, представитель «Фергюссона», ни слова не говоря, поворачивается, садится в машину и уезжает. Даже не попрощался. Я понял тогда, что значат минуты полного удовлетворения.

Местные владельцы тракторов хотя и имеют водительские права, но в большинстве случаев слабо знают технику, теряются при малейшей неисправности. Наша задача — помочь приобрести уверенность в своих силах. Поэтому здесь, в Португалии, и проводишь треть жизни в командировках. Плохо, что с семьей редко приходится бывать. Наташа, жена моя, по профессии — биохимик, работала в Академии наук Белоруссии, а здесь какая же работа. Сидит дома с дочкой. Правда, Нине — Володиной жене, еще труднее с двумя маленькими ребятишками, но что поделаешь?

...Рано утром выехали из Каштелу Бранку в Лиссабон. Первые километров пятьдесят прошли, как и вчера, сквозь густой туман, а потом выглянуло солнце, погода стала похожа на нашу весеннюю.

— Какой же сегодня день? — вдруг спросил Волковский.

— Суббота,— подсказал я.

— Может быть, Володя,— обратился он к Трубникову,— заберем наши семейства и съездим завтра на несколько часов в лес?

— Согласен,— ответил Трубников. Потом, чуточку помолчав, осторожно добавил: — Если что-нибудь не помешает.

Через несколько дней, сев писать о нашей поездке, позвонил домой Вячеславу Михайловичу, чтобы уточнить какую-то деталь. К телефону подошла Наташа, сказала, что муж вместе с Владимиром Ивановичем уже три дня как уехал в командировку на юг страны.

— А в прошлое воскресенье удалось съездить в лес? — поинтересовался я, вспомнив разговор в машине.

— Нет,— ответила Наташа.— У них с Володей были опять какие-то срочные дела.

Ничего не поделаешь, такова уж «заграничная жизнь» наших специалистов.

СКАЗОЧНЫЙ МИР ЖОЗЕ ФРАНКО

От деревни Собрейру до Эрисейра несколько километров. Если рано утром можно выкроить часок-другой, то Зе Франко обязательно отправляется в Эрисейру, на берег океана, чтобы посидеть на пустынном берегу, послушать шум прибоя и помечтать.

— У океана,— говорит, улыбаясь, Зе Франко,— мне легче думается.— Темы моих многих скульптурных композиций рождались именно у кромки океана. Если бы я не любил так свое ремесло, то непременно стал бы моряком.

Зе Франко — мастер художественной керамики. В Португалии ценят и понимают толк в керамических изделиях. Каждый год устраивается множество выставок народного творчества, где почетное место занимает художественная керамика. Причем произведения, созданные в Траз-уж-Монтиш, отличаются от рожденных в Калдаш-ди-Раинья, как скажем, у нас гжельскую керамику не спутаешь со скопинской. Среди многочисленной группы португальских мастеров-керамистов Зе Франко стоит в первом ряду.

Он лепит из глины фигурки крестьян и рыбаков, пахаря за плугом и пастуха овец, деревенскую пряху и дровосека. Очень интересно сидеть рядом с Зе и наблюдать, как он кусок бесформенной глины превращает в легкую, как стихи, рыбу, тончайшую вазу или лирического поросенка. Да, лирического. Такой уж большой мастер Жозе Силош Франко.

Мне довелось познакомиться с ним в 1980 году во время одной из поездок в городок Мафра, известный своим архитектурным комплексом XVIII века. Жители уезда говорят: «У нас есть две достопримечательности: в самой Мафре — дворец, а в деревне Собрейру — художник-керамист Зе Франко».

Дом Жозе Силоша Франко стоит в нескольких метрах от шоссе, протянувшегося от Мафры к океану. Проехать мимо, не заметив его, нельзя, потому что вдруг за очередным поворотом вам с правой стороны дороги сразу же бросается в глаза необычный сказочный мир, возникший из чьего-то далекого детства.

Крутится бесконечно гонимый ветром разноцветный хоровод четверки мельничных крыльев.

Синими наличниками улыбаются прохожим маленькие окошки хижины, крытой веселой ярко-красной черепицей.

Весело журчит вода, падая на лопасти со скрипом поворачивающегося замшелого деревянного колеса.

По обеим сторонам яркой клумбы виднеются почти по горловину вкопанные в землю глиняные сосуды для молодого вина, такие же, как когда-то украшавшие праздники в честь Диониса — сына Зевса и Семелы, и сейчас, две с половиной тысячи лет спустя, возрожденные руками Зе Франко, перекочевавшие с земли Эллады на землю потомков древних лузов.

Подойдите к двери и слегка ударьте по висящему рядом бронзовому колоколу бронзовым язычком. Тогда на пороге появится хозяин — плотно сбитый мужчина лет пятидесяти с доброй улыбкой и взглядом мечтателя. Так состоится ваше знакомство с Жозе (или просто Зе) Силошем Франко.

Он введет вас в воссозданный им мир салойо, покажет и расскажет, как они жили давным-давно, как продолжают жить сейчас. Лучше его это вряд ли кто знает. Но сначала о том, кто же такие салойо.

Когда в 1147 году Дон Афонсо Энрикеш отвоевал у мавров Лиссабон, он издал специальный королевский указ, по которому «всем салойо, осевшим в округе, разрешается сохранить за собой дома и имущество с непременным условием выплаты победителю его величеству Афонсо I, королю Португалии, ежегодной дани». Слово «салойо» происходит от арабского «салом». Португальцы часто слышали, как мусульмане-мавры во время молений говорят «салом». Не зная значения его, всех мавров называли сначала «салом», а потом с годами это слово стали произносить «салойо». Спустя несколько веков чисто маврские поселения исчезли, но крестьян, которые живут в этих местах, издревле зовут салойо, и это не идет наперекор истине, потому что у каждого из них осталась еще какая-то частица, связывающая с далекими предками-маврами. И в одежде, и в конструкции жилищ, и в домашней утвари что-то сохранилось от мавров — салойо. Так оно и дошло до наших дней — салойо и салойо. Зе Франко — салойо и жена его тоже салойо.

Дом Зе Франко — его мастерская и к тому же еще музей, даже целых два.

Один музей крестьянского быта, где не только собраны коллекции отдельных предметов: старинных прялок, кузнечных инструментов, домашней утвари,— все они составляют единую композицию. Посетитель видит настоящую старинную кухню, где все такое, от половников до ухвата, прислоненного к плите из необожженной глины, как было в этих местах 200 или 300 лет назад; пекарню, которую увидишь разве что на старинных гравюрах, и многое-многое другое.

Зе Франко начал собирать старинные предметы салойского быта лет тридцать назад, а потом принялся возводить на своем участке «кузницу», «магазины», «дом богатого», «дом бедного крестьянина» салойо. Все делал один. На свои деньги, своими руками.

И еще музей. Музей-панорама, музей-модель. На участке земли создан макет деревушки салойо. Около дома Зе Франко течет с холма небольшой ручей. Зе использовал силу падения воды и соорудил экспозицию в движении, где крохотный лесоруб пилит без устали крохотное дерево, где девушка в длинном, похожем на наш сарафан платье непрерывно перекачивает бадьей воду из колодца на огородные грядки, где сеятель взмахом руки бросает семена в солончаковую почву, а два кузнеца бьют и бьют по наковальне.

Ходишь и смотришь, как Гулливер, попавший в Лилипутию, а Джонатан Свифт — Зе Франко. Он все придумывал сам и не получал ни от кого помощи: ни от центральных властей, ни от муниципалитета. Зе не сетует, не жалуется и не обижается.

— Это мир моей мечты,— говорит он,— и я чувствую себя счастливым, осуществив ее. Не столько для себя, сколько для людей.

В этом музее есть один уголок, не существующий, пожалуй, ни в одном другом музее мира. На небольшой площадке установлены качели, небольшая карусель, песочница. Уголок детских игр. Для осмотра «музеев» не нужно покупать билет. Вход в них бесплатный. Ежедневно к дому Зе Франко приходят и приезжают экскурсанты. Большинство из них — дети.

— Признаться,— замечает Зе,— все это я старался сделать для детей. Доставлять им радость и исподволь привить чувство уважения к прошлому нашего народа, к людям, трудившимся раньше на нашей земле. Надеюсь, что посещение ими моего дома оставит в памяти приятные воспоминания и, может быть, станет маленьким светлым пятном их детства.

У Зе Франко детства не было. Работать пришлось начать в двенадцать лет. Отец был добрым, мечтательным человеком, но нужда не уходила за порог дома сапожника Франко. Иногда семья даже не могла купить на ужин куска хлеба. Зе окончил лишь начальную школу, а потом решил помогать родителям. Перепробовал множество профессий, пока не нашел призвание в керамике. Женился, и первые годы молодая семья жила буквально в нищете. Однажды его пригласили участвовать в выставке португальского народного творчества, после которой пришли успех и признание. Только тогда он решил осуществить свою мечту — создать музей.

...Мы прощаемся с Зе Франко. Он возвращается в мастерскую, где на столе его ждет кусок глины, которому суждено превратиться в еще одно произведение искусства.

Журчит, падая с холма, кристально чистая ручьевая вода. В лилипутской деревне девица продолжает качать воду, кузнецы — стучать по наковальне, старуха — вертеть колесо прялки.

А с площадки, где качели, слышится детский смех.

ВИЗИТ НА БАЗУ ЛАЖИШ

Автобус остановился у проходной. Гид, предъявив часовому пропуск и постучав пальцем по микрофону, объявил: «А сейчас мы въезжаем на территорию военной базы Лажиш. По всему маршруту нашей экскурсии можете фотографировать все, что вам покажется интересным».

Шел третий день пребывания на Азорах группы Ассоциации иностранных журналистов, аккредитованных в Португалии. Программа, подготовленная для нас хозяевами — региональным правительством Азорских островов, была рассчитана на восемь дней, но гвоздем ее была экскурсия на базу Лажиш.

В последние десятилетия сотни советских людей побывали на Азорах туристами, транзитом в аэропортах Понта — Делгада или острова Санта-Мария, но вот военную базу Лажиш никто до нас не посещал, и нам, трем советским журналистам, входившим в состав группы Ассоциации, выпала роль первооткрывателей.

Те, у кого имелись фотоаппараты, приготовились к съемкам. Асфальтовое полотно шоссе петляло между аккуратными одноэтажными домиками, проходило рядом с длинными, из гофрированного железа полуцилиндрическими амбарами, приспособленными под жилье, возле которых на веревках сушилось выстиранное белье. Но ни взлетающих сверхзвуковых самолетов, ни десантников в пятнистых плащ-палатках, ни нацеленных в безоблачное небо межконтинентальных ракет на нашем пути не попадалось.

Гид между тем пояснял: «Мы находимся с вами на португальской части базы. Посмотрите направо — в этих домах живут семьи младшего офицерского состава. Посмотрите налево — там здание колледжа для детей военнослужащих, принадлежащих к персоналу базы. А это церковь, построенная недавно, и сейчас там регулярно проходят службы. А это....» Наконец, автобус остановился, и гид сказал, что мы приехали в административное здание, где нам расскажут, что такое база Лажиш, и ответят на все интересующие сеньоров журналистов вопросы.

Нас было двадцать человек, и мест в аудитории хватило на всех. Около окна стояла школьная доска с выведенными на ней мелом английскими фразами: «Как вас зовут? Который сейчас час? Я могу читать и писать по-английски». По всей видимости, до нашего приезда здесь проходил урок английского языка. В помещение вошел худощавый, подтянутый, симпатичный военный лет сорока пяти. «Бригадейро Фернандо Моуро ди Карвальо, командующий португальской базой Лажиш,— представился он.— Я расскажу вам о нашей базе и потом готов ответить на вопросы».

Бригадейро (бригадный генерал) рассказал, что на базе находится тысяча португальских военных и пятьсот человек вольнонаемного португальского персонала, в основном из жителей острова Терсейра. База Лажиш является португальской, генерал с подчеркнутой интонацией произнес эти слова, и часть ее отдана в аренду Соединенным Штатам. США платят Португалии за аренду 20 миллионов долларов в год. На базе нет атомного оружия. Движение самолетов через базу интенсивное, но американцы не обязаны объявлять, сколько их проходит через Лажиш. Страны НАТО, прежде чем пользоваться услугами базы, должны получать на это разрешение португальского правительства. Что же касается американского персонала, то всего в Лажиш находится 1500 человек. Никаких скрытых подземных сооружений на территории, арендованной США, как ему известно, не существует. Потом бригадейро попытался нарисовать более широкую картину международной обстановки, чтобы доказать жизненную необходимость существования НАТО. Главное, к чему сводилась его речь,— это «необходимость усиления военной мощи сил демократии, чтобы сдержать гегемонистские устремления коммунистов». Генерал совершенно серьезно заявил, что «без существования НАТО Норвегия не была бы независимой страной», «НАТО возникла в результате совместного усилия демократических стран, чтобы противостоять агрессивным устремлениям стран Варшавского блока», видимо, запамятовав, что, наоборот, Варшавский Договор был подписан в 1955 году, чтобы противостоять агрессивным планам созданного в 1949 году блока НАТО, и что, если с самого начала фашистский режим Салазара был полноправным членом НАТО, то о каком «союзе демократических стран» могла идти тогда речь?

Но простим генералу его неосведомленность в вопросах международной политики и лишь позволим себе привести для читателя несколько иные сведения о «части территории португальской базы, отданной в аренду Соединенным Штатам».

Гид, перед отъездом на базу, сообщил нашей группе, что число американцев в Лажиш составляет 5 тысяч человек.

Журнал «Вида мундиал» в номере 1866 от 19 июня 1975 года писал на странице 52: «...Для нас не составляет секрета, что на острове Терсейра находится атомное оружие, в частности, на подземных складах в Кабритос и Бискойтос, которые постоянно закрыты для любых португальских или иностранных представителей. Кроме того, на острове Терсейра находится морская база (США) для заправки подводных лодок, оборудованная на Прайа да Витория, которая, по мнению военных, является одной из самых современных в мире».

Другой португальский журнал — «Рефлексо» в номере от 6 марта 1975 года поместил статью «Стратегическая важность Азор и потребности США», где говорилось: «Чуть больше 16 месяцев тому назад база Лажиш служила для заправки американских транспортных самолетов, которые принимали участие в воздушном мосту, использовавшемся Соединенными Штатами для транспортирования в Израиль около 22 500 тонн военных материалов, с помощью которых израильтянам удалось добиться «ничьей» в военных действиях».

Прощаясь с нами, генерал Фернандо Моуро ди Карвальо, узнав, что в состав журналистской группы входили советские корреспонденты, был несколько смущен и выразил сожаление «по поводу отдельных резких высказываний в адрес социалистических стран и планов международного коммунизма». Мы ответили, что не стали спорить с хозяином потому, что за имевшиеся в нашем распоряжении несколько минут вряд ли смогли бы переубедить его, так же, как и он ничего нам не смог доказать.

Вторая часть экскурсии проходила по той территории португальской базы, которая «арендована Соединенными Штатами». По правде сказать, эта часть экскурсии почти ничем не отличалась от предыдущей. «Посмотрите направо, взгляните налево...» Вот домики для солдат, а вот там домики для сержантского состава. Это бейсбольная площадка. Здесь недавно построена католическая церковь, а вон там церковь протестантская, а может быть, лютеранская, разве все названия запомнишь? Нам показали клуб для американских сержантов (куда также могут быть приглашены сержанты португальские). В баре клуба продавались беспошлинные напитки и сигареты. Мы выпили там по чашечке кофе и отправились смотреть американскую радиотелевизионную станцию, где пояснения давал крепенький, похожий на гриб-боровик американский военнослужащий (не то сержант, не то генерал).

Протискиваясь через узенькие коридоры в небольшие помещения, заставленные студийными магнитофонами, коробками с записанной на пленку музыкой и прислоненными к стенам заставками телепередач, мы следовали за сопровождающим, который сыпал техническими терминами, растолковывая организацию работы на радиотелестанции.

В одной из крошечных студий стояла телевизионная камера, и на табурете высилась стопка цветных иллюстраций на библейские темы. Здесь только что закончилась передача церковной службы по замкнутой цветной телевизионной сети, а сейчас, это было видно на мониторе, крутили полученную из Штатов видеозапись какой-то гвоздевой программы с несколько фривольным уклоном.

Экскурсия длилась минут пятнадцать. У выхода, уже прощаясь и поблагодарив гриба-боровика, каждый называл ему свою фамилию и газету или журнал, которые представлял. Услышав, что с группой находились три советских корреспондента, наш генерал-сержант тоже немножко изменился в лице, но, будучи воспитанным человеком, пожал каждому из нас руку и, покривив душой, произнес: «Очень приятно было познакомиться».

Потом, выезжая с территории базы, сопровождающий обратил наше внимание еще на одну церковь, а на пригорке остановил автобус и предложил желающим сфотографировать летное поле, где на этот раз стоял большой пузатый самолет с внушительными пропеллерами.

Так закончилась наша экскурсия на «португальскую военную базу Лажиш, часть которой отдана в аренду Соединенным Штатам Америки». Откровенно говоря, у многих членов нашей группы осталось впечатление, что мы осматривали не военную базу, а побывали не то в семинарии, не то в ватиканском комплексе, уменьшенном до масштабов, приличествующих Азорским островам.

На другой день рано утром мы улетали с Терсейры на остров Файал. Накрапывал мелкий дождик. Автобус проехал мимо унылых заграждений из колючей проволоки и закутанного в плащ-палатку американского часового у входа на базу Лажиш. Он стоял, поеживаясь от сырости, охраняя церковь католическую, церковь протестантскую, беспошлинные бутылки виски, годовой запас цветных видеофильмов. А также другие атрибуты американской демократии, увидеть которые нам не удалось.

ЗЕЛЕНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

— Через несколько минут наш самолет,— доносится из динамиков голос стюардессы,— приземлится в аэропорту Санта-Катарина города Фуншал — столицы Мадейры — автономного района Португалии.

А внизу вода и только вода. Но как всегда вовремя под колесами многотонной воздушной махины возникает бетонная полоска финишной прямой. Мы на Мадейре. Впереди несколько дней островной жизни. Не так уж много (когда хочется как можно больше увидеть и понять), если вспомнить, что площадь Мадейры составляет больше трети территории Люксембурга. Но и не так уж мало, если учесть, что большинство достопримечательностей и половина из почти двухсотпятидесятитысячного населения сосредоточена в главном городе острова и его окрестностях.

В 1419 году каравеллы португальских мореплавателей Жоао Зарко и Тристао Тейшейра подошли к побережью острова, и первооткрывателей поразило обилие укропа, сплошным ковром покрывавшего в те далекие времена склоны гор. По-португальски укроп называется «фуншу». И когда тридцать три года спустя на месте первой высадки возвели поселок, его назвали Фуншал. Потом поселок вырос, стал городом, укроп на склонах гор весь вытоптали, но название осталось: город Фуншал — город Укропа.

Существует такое выражение: индустрия туризма. Если пользоваться им, то Мадейру можно считать индустриально-аграрным районом Португалии, где львиную долю «индустриального сектора» занимает туризм. В основном — туризм для иностранцев — в районе Фуншал и его окрестностях.

Туристы и трудовой люд Мадейры живут как бы в двух мирах, находящихся в разных измерениях. Обитателей отелей «Шератон» или «Жирасол», «Рейд» или «Касино парк» разделяет бездонная пропасть не только от рыбаков Камара ди Лобуш или крестьян Сантаны, но и от тех семи тысяч, кто кормит, поит, возит туристов, выращивает для них фрукты и цветы, мастерит сувениры, убирает, чистит и ухаживает за приезжими. При кажущейся гармонии это два антагонистических мира.

В этих путевых заметках речь пойдет не о жизни в отеле «Шератон», где за сутки, проведенные в номере, нужно выложить сумму, превышающую трехмесячный заработок рабочего банановых плантаций, где чашечка кофе стоит в девять раз дороже, чем в любой лиссабонской таверне,— 85 эскудо (больше рубля на наши деньги), а о тех двухсотпятидесяти тысячах португальцев, чьим трудом этот клочок земли в океане превращен в зеленую жемчужину, подобно которой трудно отыскать на нашей планете.

Мадейра — остров гористый, и здесь не найти больших полей и равнин. Горы, холмы, долины, а на побережье — круто обрывающиеся к воде скалы. Климат благодатный, и в году существуют, пожалуй, всего лишь два сезона — лето и весна. Но райская жизнь на Мадейре очень и очень трудная, особенно у крестьян, составляющих большинство островитян.

С мыса Жирао, в девятнадцати километрах к западу от Фуншала, с почти шестисотметровой высоты открывается красивый вид на южное побережье острова: на рыбацкий порт Камара ди Лобуш, на зеленые банановые плантации и виноградники пригорода столицы автономного района, на слегка прикрытые дымкой облаков горные вершины. И куда ни поглядишь, везде склоны гор расчерчены террасами, созданными руками человека.

По пути в Камара ди Лобуш мы остановились у подножия небольшой горы, на одной из террас которой что-то копали мотыгами человек десять мужчин, женщин и ребятишек. По каменистой тропинке, осторожно придерживаясь за колючие ветки кустарников, поднялись к ним. Оказывается, две крестьянские семьи копали картофель на крохотном, не больше четырех соток, участке. Работа, видимо, подходила к концу, и на краю террасы уже стояли три джутовых мешка, наполненных крупными клубнями. Народ здесь, как, впрочем, и везде в Португалии, вежливый и приветливый. Не прошло и нескольких минут, как мы уже беседовали о житье-бытье, о земле, об урожае. На каждую семью приходится примерно по полгектара земли, только участки разбросаны по разным местам. На этом и еще на двух — выращивают картофель, а еще есть немного виноградников и около хижин высажены банановые деревья. Здесь везде, можно сказать, вертикальное расположение культур. В долине — банановые плантации, чуть повыше — виноградники, еще выше — хорошо растет картофель, бахчевые культуры, другие овощи. В горах, на севере — пасут скот, в основном, занимаясь овцеводством, а в некоторых деревнях живут ремесленники, мастерят из лозы мебель, различные корзины, сумки, подносы, а женщины плетут кружева.

Но что значит посадить картошку на террасе, добираться до которой нужно, преодолев пятидесятиметровую кручу? Крестьяне рассказали, что сначала необходимо эту террасу сделать своими руками: расчистить склон, сложить из камней стенку, мешками натаскать из долины почву, удобрить ее морским илом, потому что покупать химические удобрения в магазине мелкому крестьянину не по карману. Потом можно сажать на террасе картошку и ходить окучивать ее, опять таскать ил, а если год выдался засушливый, то и поливать растения: благо метрах в тридцати из горы бьет ключ. Хватает ли на жизнь? В разговор вступает женщина: «Конечно, не хватает. Откуда взять, если цены за все дерут и бога не боятся. А перекупщики! Ребята в школу не ходят, книги не на что купить. Мужик работает от зари до зари, я тоже спины не разгибаю».

Женщина в сердцах стукнула тяпкой о землю.

Почти все дороги Мадейры проложены в горах, и куда ни поедешь — везде склоны испещрены террасами. На многих участках фигурки работающих крестьян. И теперь уже отчетливо представляешь себе, сколько труда нужно вложить, чтобы вырастить обыкновенный картофель.

Камара ди Лобуш считается одним из двух рыбных портов Мадейры. Второй — Машику — в двадцати шести километрах к востоку от Фуншала. В Камара ди Лобуш мы приехали в канун праздника в честь святого — покровителя рыбаков и мореплавателей. Если сказать по-честному, то Камара ди Лобуш портом можно назвать с очень большой натяжкой: в небольшой бухточке помещалось десятка три маленьких рыбацких лодок и шхун, из которых самая большая, водоизмещением тонн около ста, выглядела среди остальных Голиафом.

Большинство рыбацких семей живет не в поселке Камара ди Лобуш, а метрах в пятидесяти от него, в поселке, который называется Ильеу, что в переводе означает «скалистый островок», хотя никакой это не островок, а просто на скалистом склоне горы вырублены серпантином уступы, на которых примостились неказистые хижины барачного типа. Вдоль жилищ проходит выложенная булыжником мостовая метра четыре шириной, отгороженная от обрыва каменным парапетом, достаточно высоким, чтобы ненароком ребятня не свалилась в океан. Жители Ильеу всей коммуной готовились к празднику рыбаков. Группы женщин, вооружившись жесткими щетками на длинных ручках, скребли булыжники мостовой, поливая ее морской водой. Около единственной колонки с пресной водой выстроилась очередь с бидонами и кувшинами. Тут же мамаши купали в лоханках в корытах чумазых ребятишек, визжавших от удовольствия, а поодаль старик в кожаном фартуке, зажав губами с десяток мелких гвоздей, прибивал каблук какой-то местной моднице. Сопровождавший меня местный рыбак пригласил зайти в один из бараков. Две маленькие комнатки метров по шесть каждая. В одной из них в углу трехконфорочная плитка на ящике, под ним два небольших баллона с газом, а около окна сложенные раскладушки. Во второй комнате кровать и развешенная на гвоздях одежда, прикрытая простыней. Здесь живет семья из шести человек: отец, мать, четверо детей, старшему из которых десять лет. Потолка у барака нет, а над стропилами виднеется крыша из белой жести. Уже близится вечер, а на улице с океана дует легкий ветерок, а здесь в помещении душно: за день очень накалилась крыша. В таких условиях живет большинство рыбаков Ильеу, и самая серьезная беда в том, что никаких надежд на получение от государства человеческого жилья у этих людей нет.

Несколько лет назад мне попалась в португальской прессе одна публикация о Мадейре, где упоминался поселок Ильеу. Там говорилось, что в отличие от Фуншала в Ильеу не видно никаких рекламных объявлений, кроме одного, извещающего жителей поселка, что похоронное бюро работает круглые сутки. Я тоже увидел его на стене дома: «Похоронное агентство Камара ди Лобуш. Обслуживание днем и ночью. Телефон 94317».

Рассказ о посещении поселка рыбаков не хотелось бы завершать на такой минорной ноте. Выехав на шоссе, мы снова остановились у смотровой площадки, откуда открывался изумительно красивый вид на бухточку с лодками и шхунами, разукрашенными флагами расцвечивания. Отсюда, с высоты, все казалось сказочным, будто только что сошедшим со страниц одной из новелл Александра Грина: и домики-кубики Ильеу, и ниточка-серпантин четырехметровой булыжной мостовой, и забавная змейка-очередь маленьких фигурок возле колонки с водой, и тихонько покачивающиеся на воде посудинки, на которых, говорят, настоящие рыбаки отваживаются выходить в настоящий океан.

Наступила пора расставания.

Самолет совершает короткий разбег. Делаем прощальный круг над Мадейрой. С высоты она кажется зеленой жемчужиной, брошенной в океан. Не возражайте: мол, зеленых жемчужин в природе не бывает. Так может утверждать только тот, кто не видел Мадейру с десятикилометровой высоты.

ЖОАО ГАЙТА И ЕГО ДРУЗЬЯ

В комнате довольно прохладно и примостившийся на диванчике Луиш-Мануэл то и дело откладывает учебник, протягивает руки под стол и потирает ладони. Странно, у меня тоже замерзли руки, а ногам почему-то тепло, хотя пол покрыт не то линолеумом, не то какой-то плиткой.

— А Вы подвиньтесь к столу, погрейтесь,— предлагает Луиш.

— Почему к столу? В комнате же везде температура одинаковая.

Луиш-Мануэл улыбается (очень у него приятная улыбка), приподнимает край скатерти: «Здесь же «бразейра а пику».

Отопления в доме нет, обогревать жилье электропечками недоступная роскошь, а «бразейра а пику» — покрытая решеткой круглая жаровня с пышущими углями, вполне по карману. Вот и стоит она на полу под столом, создавая «уют домашнего очага».

Луиш-Мануэл недавно пришел с томатной фабрики, где работает, а сейчас готовится к занятиям. Ему 19 лет и он учится в одиннадцатом классе вечерней школы. Мечтает стать врачом.

Скрипит входная дверь и входит Жоао Гайта — глава дома. Высокий, поджарый, чуть тронутые сединой черные волосы, немного грустный взгляд, не вяжущийся с веером разбегающихся от уголков глаз веселых морщинок.

Хозяйка — добродушная сеньора Адриана — начинает собирать на стол. Сегодня в семье гость, и по такому случаю к ужину приготовлена фейжуада и поджарены домашние шоурисош — своего рода копченые колбаски собственного приготовления. Теперь, когда все уселись, можно представить читателю хозяев, у которых я поселился. Жоао Гайта — земледелец. Обрабатывает около полутора гектаров, арендуемых у помещика. Жена Адриана занимается детьми, домашним хозяйством и еще ухаживает за мулом, свиньей и полдюжиной кур. У супружеской четы три сына и двухлетняя дочь Ирмелинда. Старший — Луиш-Мануэл. Семнадцатилетний Жозе-Карлуш трудится подсобным рабочим в строительной компании, а десятилетний Жоао-Паулу ходит в четвертый класс начальной школы.

Жоао Гайта не просто арендатор, а член руководства коллективного объединения сельскохозяйственного производства — КОСП, которое называется «Кооператив Агру Кампу-Майор». Это нечто вроде товарищества по совместной обработке земли, но с более широкими функциями. Большинство из членов объединения, а их 550 человек, собственной земли не имеют и вынуждены арендовать ее у помещиков и крупных землевладельцев Кампу-Майор. Кампу-Майор не деревня в нашем представлении, но и городом его можно назвать с натяжкой, так как большинство жителей занимается сельским хозяйством. Я бы назвал его сельским городишком. Находится Кампу-Майор на самой границе с Испанией.

Утром мы отправились с Гайтой осматривать достопримечательности Кампу-Майор. По количеству исторических памятников Португалия может поспорить даже с Италией или Грецией, но в этот раз меня повели осматривать машинно-тракторную станцию, а потом свиноферму, чтобы затем завернуть на завод оливкового масла.

На фасаде помещения мастерских машинно-тракторной станции надпись: «Кооператив «Единство трудящихся». Нас встречает у ворот невысокого роста угловатый крепыш в черной кожаной куртке. Протягивает руку, представляется: «Жоао Карита — инженер-механик кооператива «Единство трудящихся». Рукопожатие твердое, а на лице мягкая, застенчивая улыбка.

— Выходит,— неуверенно говорю я,— что кооператив «Агро Кампу-Майор» называется «Единство трудящихся?»

— Нет,— отвечает Карита.— «Единство трудящихся»—это коллективное хозяйство, а «Агро Кампу-Майор» объединяет мелких землевладельцев и арендаторов. Нас связывает тесная дружба, взаимная поддержка и общие действия в защиту тех, кто своими руками ухаживает за землей.

— Вот например, скажу,— добавляет Гайта,— что без помощи их товарищей нам было бы очень трудно управиться в этом году с севом. Взять тракториста Агостинью Камабадинья. Тот после рабочего дня на кооперативных полях пригнал трактор на наши земли, пахал всю ночь до утра, и ни он, ни кооператив не захотели взять от нас ни одного эскудо. Сказали: «Товарищам нужно помогать». Такое не забывается.

Километрах в двух от поселка находятся участки, где растут оливковые деревья. Здесь они не очень большие, на четыре, максимум на пять метров, тянутся в высоту верхние ветки кроны, а вообще-то в других странах попадаются настоящие гиганты — до двенадцати метров. Недалеко от проселочной дороги среди оливковой рощи человек десять крестьян. У каждого в руках длинный тонкий шест. Ими бьют по ветвям, сшибая на землю черные, спелые плоды маслин. Потом собирают их с земли в мешки, заполняют кузов потрепанного грузовичка и отвозят на принадлежащий кооперативу небольшой завод оливкового масла.

Увидев нас, крестьяне решили передохнуть, а заодно и познакомиться с приезжим.

— Много еще осталось? — спросил Карита.

— Да примерно около тысячи корней,— ответил пожилой крестьянин в брезентовом фартуке, прикрывавшем колени, чтобы, собирая плоды, хоть немного предохранить одежду.— Сегодня уже отправили на завод два грузовика.

В этот год португальская «зима» выдалась на редкость засушливой. За два месяца не выпало ни одного дождя. Гибли посевы, пожухла трава на пастбищах. Говорили, что из-за отсутствия кормов может быть большой падеж скота. А для оливков лучше такой погоды не сыщешь: маслины не впитывают много воды и возрастает процент выхода чистого масла. Это, пожалуй, одна из немногих культур, не боящихся засухи.

— Сколько же лет этим деревьям?

— А кто знает,— махнул рукой крестьянин,— может быть, их выращивал даже дед моего деда, а мне уже самому пошел седьмой десяток.

— Оливковые деревья,— пояснил Гайта,— плодоносят лет по триста, а то и больше. В среднем, с каждого ствола мы собираем килограммов по тридцать — сорок, а если хорошо удобрять и ухаживать, то можно было бы и по шестьдесят килограммов.

— Пока мы не станем вкладывать много денег,— подключился к разговору стоявший поодаль, опершись на шест, сухопарый мужчина, то и дело затягивавшийся сигаретой-гвоздиком.— Кто их знает, помещиков, могут завтра пожаловать с жандармами и сказать: убирайтесь отсюда. Земля не ваша, оливки наши. Так уже не раз бывало за эти годы. Мы, дорогой товарищ, ученые насчет таких фокусов.

«Так уж не раз бывало» — горькая правда в этих словах. Когда мы отправились дальше, то, проезжая мимо одного из участков, увидели оливковую плантацию, деревья которой сплошь были усыпаны плодами. На просьбу остановиться, чтобы сделать несколько снимков, Карита покачал головой:

— Лучше сфотографируешь в другом месте, чтобы не нарваться на неприятность. Это было наше поле, наши оливы. В прошлом году его привели в порядок, каждое дерево подкормили, а урожай снять так и не довелось. Эту землю у кооператива отобрали и передали помещику. Причем даже не португальскому, а испанскому, который и живет-то постоянно, кажется, в Бадажосе.

— В Бадахосе? — поправляю я.

— По-испански Бадахос, а по-нашему, по-португальски Бадажос. Вон там,— и Карита махнул рукой на видневшееся вдали скопление белых домишек,— там этот испанец живет, а сюда только изредка наведывается с друзьями покутить «на природе». И видит, какие маслины, но не снимает. Часть уже опала, остальные сгниют на ветках. Мы даже согласны купить у него весь урожай, так нет, ни в какую не желает продавать.

— Почему?

— Говорит, лучше пусть пропадут, чем достанутся коммунистам. Для него раз кооператив, значит там все коммунисты. Фашист несчастный!

— А в Кампу-Майор много товарищей состоят в компартии?

— У нас очень крепкая ячейка. И Гайта коммунист, и я, и из тех, с кем мы тебя знакомили, многие тоже коммунисты.

За разговором не заметили, как добрались до маслозавода. Небольшое, видно недавно возведенное, одноэтажное здание: еще не успели вывести на свалку остатки строительного мусора. Сбоку под навесом двое рабочих сбрасывают черные маслины на ленту транспортера, уходящую в подвальное помещение, где плоды очищают от земли, потом распаривают, и мякоть отделяется от косточек. После этого черная оливковая масса поднимается по трубе в цех. Там четверо рабочих намазывают ее толстым слоем на круглые плоские прокладки, изготовленные не то из войлока, не то из синтетического материала, и такие метрового диаметра бутерброды накладываются один на другой, пока не образуется полутораметровой высоты цилиндрический слоеный пирог. Затем всю стопу подвозят к прессу, крепят и выжимаемое масло стекает по трубе в баки. Из тонны оливок получают 250 килограммов оливкового, или, как его еще у нас называют, прованского масла высшего качества.

Вчера с Жоао Гайтой прошлись по улочкам городка.

— Вот,— показывал Гайта,— это здание, по-моему, самое большое в Кампу-Гранди принадлежит виконту ди Аливау. После революции он уехал за границу, а в доме сейчас живет его родственница. Одна в сорока комнатах. Я, конечно, к ней в гости не ходил, но люди говорят, что не меньше сорока.

А это здание на другой стороне скверика — собственность латифундиста Франсишку Луиша Кандеры. Когда у нашего кооператива «Агру Кампу-Майор» незаконно отобрали винный склад, в переоборудование которого крестьяне вложили 420 контуш (около 5 тысяч 300 рублей), то возле скверика крестьяне устроили митинг в защиту «Агру Кампу-Майор», а жена Кандеры выстрелила из окна и ранила девочку. Помещице ничего за это не было.

Вдоль и поперек городок можно было спокойно обойти минут за сорок, а мы потратили больше трех часов, потому что Гайту знал здесь буквально каждый второй прохожий. То его останавливали, то он кого-то расспрашивал, в чем-то убеждал, что-то советовал. И все не торопясь, спокойно, уважительно, очень дружески и непременно представляя меня собеседнику. Так что за несколько часов я перезнакомился с половиной жителей Кампу-Майор. Конечно, как зовут моих новых знакомых я не запомнил, а записал лишь одно имя — женщины Франсишки Роса, у которой дочка студентка и учится в ... Киеве!

— В том, что меня многие знают,— сказал Гайта,— ничего удивительного нет. «Агру Кампу-Майор» мы создали в 1976 году и у меня удостоверение номер 2 члена кооператива, а в компартию вступил сразу же после революции 25 апреля 1974 года. Такая жизнь, все вместе, все с людьми — очень интересная. Только вот бывает трудно, потому что грамоте я не обучен.

Вот уж никак не мог даже предположить, что этот трезво мыслящий крестьянин — неграмотный.

— А что в этом странного,— пожал плечами Гайта.— У нас большинство крестьян моего возраста неграмотны. При фашизме было не до грамоты, а после революции все времени не хватает. Встаешь с петухами, а ложишься за полночь.

Мы ходили и смотрели на плоды труда Жоао Гайты и его товарищей. «Единство трудящихся» строит теплицы для выращивания томатов, ведет «лесоразработки». Несколько гектаров земли, правда, не единым массивом, а в разных местах, заняты эвкалиптовыми посадками, и кооператоры сейчас производят выборочную рубку. Эвкалипт растет очень быстро, и руководство кооператива при помощи специалиста так экономно спланировало заготовку древесины по делянкам, что рощам не грозит уничтожение. Один из лесорубов, показывая на видневшуюся полоску леса, произнес:

— Вон там деревья гниют, а эти дряни трех зайцев гоняют.

Не поняв, кто гоняет, каких зайцев, я с недоумением посмотрел на спутников. Карита поясняет:

— Товарищ имеет в виду те земли, где растет лес. В прошлом году его отняли у нас и отдали латифундисту. Он лес не использует, а приезжает сюда лишь охотиться на зайцев.

— Сколько же у вас забрали всего земли?

— Три года назад в кооперативе «Единство трудящихся»,— отвечает Жоао Карита, которого, уверен, даже ночью разбуди, сразу же выложит все цифры, касающиеся кооператива,— было 7 600 гектаров. А с того момента, когда в Собрании республики так называемый социалист Баррето провел закон против аграрной реформы, у нас отняли пять с половиной тысяч гектаров! И не только землю. Забрали две трети поголовья скота и много машин. Двадцать девять раз за эти годы приезжали чиновники из министерства сельского хозяйства в сопровождении отрядов жандармов и отрезали в пользу помещиков лучшие, самые плодородные участки. Раньше кооператив объединял 450 семейств, а сейчас осталось только 150 семейств. Чтобы вы имели представление, как действует реакция, приведу лишь один пример: несколько раз мы подавали в суд на незаконную конфискацию нашей земли. Суд выносил постановления в нашу пользу. Мы предъявляли бумаги с решениями суда чиновникам из министерства и жандармерии, а они издевательски отвечали, мол, «убирайтесь подальше с вашими бумажками, потому что мы здесь власть». Вот так приходится жить. Но сдаваться не собираемся. И главное — крестьяне прекрасно понимают, что значит для них кооператив, коллективная работа, взаимная поддержка, и никогда не согласятся жить по-старому.

В четыре часа дня из Элваша, что километрах в восемнадцати от Кампу-Майор, отходил междугородный автобус на Лиссабон и пора было прощаться с друзьями. Готовясь к командировке, всегда по справочникам ищешь, какие же достопримечательности есть в местах, где придется побывать. Так вот в Кампу-Майор находится церковь «Носса сеньора да Эшпектасао», другая церковь, которая называется «Сао-Жоао Баптишта» и, как в любом мало-мальски заметном португальском населенном пункте, замок, возведенный еще в первом десятилетии XIV века. Ни один из трех объектов «туристского набора» на этот раз посетить не довелось, но мне кажется, удалось увидеть лучшее, чем может гордиться этот городок: два кооператива — «Агру-Майор» и «Единство трудящихся».

КОИМБРА ДРЕВНЯЯ, КОИМБРА НАШИХ ДНЕЙ

В сотне километров отсюда дыбятся волны Атлантики. Зимой на этих широтах гуляют штормы и даже ураганы. Недаром и в Северном и в Южном полушарии моряки называют сороковые параллели «ревущие сороковые». А сюда ветер доходит уже обессиленный и лишь изредка пытается порывисто хлестнуть, разбрасывая мелкую водяную пыль, вырванную из обложивших небо грозовых облаков.

От площади старого собора я иду, не торопясь, по улочке Кабиду. Семь часов вечера, а здесь вокруг как будто все вымерло. Узенький тротуар не освещен. Прохожих не видно, на окнах домов жалюзи опущены. Тишина. Но вот вдали слышится ритмичное неторопливое цоканье. Такое впечатление, будто навстречу движется всадник. Вот так, наверное, полтысячи лет назад добирался сюда, в Коимбру, будущий студент университета, какой-нибудь старший сын знатного провинциального дворянина, сопровождаемый мальчишкой-конюхом для ухода за гнедым и слугой для ухода за молодым сеньором. Пришпоривая коня, въезжал он в тихий городок на берегу реки Мондегу. Здесь начнется новая беззаботная жизнь, минимально обремененная университетскими премудростями. Сердобольные родители не дадут оскудеть кошельку наследника. Не спеша переползет он с курса на курс, получая диплом к тридцати или даже сорока годам, а с ним приобретет право пристегнуть к дворянскому титулу и родовитой фамилии почетную приставку «доктор».

...Все ближе и ближе мерный перестук копыт. И вот из-за угла появляется ослик, нагруженный двумя вязанками сучьев. Рядом, закутавшись в рваный брезентовый плащ и надвинув на глаза видавшую виды фетровую шляпу, шагает погонщик.

— Доброй ночи, сеньор! — дружелюбно произносит он.

— Доброй ночи! — отвечаю я.

Нет, прошло то время, когда по этим улочкам гарцевали всадники, спешившие в здешнюю колыбель наук.

У Коимбрского университета многовековая история. По возрасту он стоит восьмым в числе старейших европейских университетов. Правда, место его рождения — Лиссабон, год 1290-й, и лишь 18 лет спустя он переехал в Коимбру. Но на этом путешествия университета не закончились, его еще дважды переводили в Лиссабон, пока в 1537 году он, наконец, окончательно не обосновался в Коимбре, где и находится по сей день, всемирно известный, почтенный и уважаемый.

Во время первого приезда в Коимбру с университетом знакомил меня профессор Антониу Жозе Авеланш Нунеш — видный экономист, автор многих научных работ, общественный деятель, один из членов совета ассоциации «Португалия — СССР».

Первым делом Антониу Жозе решил показать территорию старого университета на Велью-Пасу. Здесь размещаются ректорат и административные службы, актовый зал, где проходит защита диссертаций, и здание библиотеки Жоанины. Библиотека-музей насчитывает десятки тысяч томов редких книг, к большинству которых за последние 200 с лишним лет не прикасалась рука человека. Здесь же, на площади, в левом углу от колоннады Виа Латина, украшающей фасад главного здания, возвышается башня с колокольней и часами. Один из колоколов звонницы почему-то называется кабра — «коза», и в былые времена звон «козы» возвещал о начале и окончании лекций. Башня же так и не получила собственного имени. Ее все называют просто «башня», что, однако, ничуть не умаляет ее значения для коимбрян: они уже два с половиной столетия считают башню символом и университета и города.

Весь архитектурный комплекс старой территории можно осмотреть часа за четыре. Остальные же, построенные за последние тридцать лет университетские здания, где размещается большинство факультетов, никакой исторической и эстетической ценности не представляют: обычные стандартные коробки, не идущие ни в какое сравнение с творениями мастеров минувших веков. В университете семь факультетов: права, филологический, математический, медицинский, фармакологический, естественных наук, технологический, на которых учатся в общей сложности более 10 тысяч студентов.

— Сегодня воскресенье,— сказал Антониу Жозе,— и студентов можно встретить разве что в библиотеке или студенческой ассоциации, на стадионе или в столовой. Но туда мы не пойдем, так как у меня для вас приготовлена специальная программа.

— А нельзя ли,— поинтересовался я,— посетить студенческое общежитие?

— Есть общежитие, но мы отправимся сейчас в республику Ай-О-Линда, которую не отыщешь ни на одной географической карте Португалии.

Около ботанического сада, параллельно старинному виадуку проходит небольшая улочка Байру Соуза Пинту. Высоко над входной дверью неказистого дома под номером 33 висит черная обшарпанная вывеска, на которой белой краской корявыми

буквами написано: «Республика Ай-О-Линда». У входа нас встречает молоденький парнишка с окладистой бородой. Знакомимся.

— Прошу вас в нашу республику,— говорит паренек.

В начале повествования рассказывалось о том, как отпрыски богатых родителей, покидая отчий дом, отправлялись в Коимбрский университет. Само собою разумеется, для тех, кто не имел кошелька, туго набитого золотыми крузаду, патаку, короа или другими монетами, вход через двери Порта Ферреа, ведущие в университетский дворик, был навсегда заказан. Но ветер перемен постепенно проникал и в Коимбру. В середине прошлого века в университете уже учились несколько десятков молодых людей из простого сословия. Можно представить себе, каких титанических усилий стоило им добиться этого права. Лет сто назад такие студенты стали объединяться в своего рода коммуны. Человек 15—20 снимали какую-нибудь хибару, каждый вносил свой небольшой пай на еду, стирку, по очереди варили обеды, убирали комнаты. Кто-то нарек такое первое товарищество «республикой». Название понравилось. И в начале нашего века уже существовало десятка три «республик» Коимбры. Потом для каждой «республики» стали придумывать собственное имя. Так возникли «Республика Дворец сумасшествия», «Республика На том стоим», «Республика Бандитское гнездышко» и другие с еще более экстравагантными названиями.

— Наша «республика»,— рассказывает «гражданин Ай-О-Линда» Авелину Рамуш,— родилась 20 ноября 1949 года. Тогда же появилась и вывеска «Республика Ай-О-Линда» (что можно перевести как «Ай, красавица».— *О.И.*). Это слова из старой, популярной песни. Всего в Коимбре сохранилось сейчас 15 республик и в каждой живут от 10 до 25 студентов. В нашей — десять человек. Все с разных курсов и разных факультетов. Состав постепенно меняется: одни заканчивают учебу, приходят новички. У нас есть свой устав, свои порядки и правила. Мы не принимаем первого попавшегося в нашу семью. Кандидата на освободившееся место должны рекомендовать двое старых членов «республики», и потом он еще обязан выдержать испытательный срок. Живем дружно, стараемся сохранять традиции «старичков», поддерживаем связь с теми, кто выпорхнул давно из гнезда. Время от времени собираем «конгрессы» бывших граждан республики. Год назад, по случаю 30-летней годовщины, созвали юбилейный «конгресс». Отозвались выпускники разных лет. «Старички» вспоминали далекие студенческие годы, а мы рассказывали о нашей жизни. Выпускаем даже рукописный журнал, называется он «Ай». Правда, выходит нерегулярно, от случая к случаю. Вот, в основном, что касается истории возникновения и существования этой «республики». Сейчас подойдут остальные ребята. Сегодня мы специально для гостей решили устроить званый обед. Будет суп и фейжуада по-португальски. Потом вы посмотрите наше жилье. Согласны?

— Конечно, согласен. Но скажите, Авелину, а все же почему студенты предпочитают жить в «республиках», а не в обычных студенческих общежитиях? Я слышал, что в Коимбре есть университетские общежития для студентов.

— Есть общежития, но студентов 10 тысяч и почти все они приезжие. Мест же в общежитии всего 348, три-ста со-рок во-семь,— по слогам повторил он.— Обещают скоро выстроить еще один корпус на сто тридцать четыре человека. Но новый корпус не решит этой проблемы для всех студентов. А чтобы снять отдельное жилье, нужно платить несколько тысяч эскудо в месяц. Где их взять? Некоторые снимают на деньги, которые присылают родители.

— Ни для кого не секрет, что высшее образование у нас в стране пока еще доступно далеко не всем. После апрельской революции 1974 года, к сожалению, мало что изменилось в университете, да и вообще в системе высшего образования.

Фейжуада получилась отменная. Для любителей национальных блюд скажу, что основу ее составляет вареная белая фасоль с рубцом. Глава стола накладывал кушанье всем из монументальной кастрюли в белые тарелки с фирменным клеймом «Республика Ай-О-Линда». Это подарок от одного из бывших жителей «республики», работающего сейчас на посудной фабрике.

После обеда студенты повели показывать свои пенаты. Конечно, хоромы не ахти какие. Но когда тебе 20 лет и очень хочется учиться, и ты уже студент, то можно жить, превосходно себя чувствуя и в воздушном замке без центрального отопления и отдельного санузла. Одна из стен коридора была разрисована выведенными краской фамилиями, их насчитал больше сотни. Оказывается, здесь навеки запечатлены все студенты, когда-либо обитавшие в «Республике Ай-О-Линда». Скольким еще предстоит провести в доме тридцать три по улочке Байру Соуза Пинту студенческие годы?

Пока еще нерешенных проблем у студентов Коимбры много. Жилищный вопрос можно назвать ахиллесовой пятой сегодняшней Коимбры. Но есть и другие, например питание. На конец 1980 года университетские столовые и кафе, получающие дотацию, обеспечивали едой только около половины всех студентов. Если же вы вздумаете пообедать в городе, то это обойдется в несколько раз дороже. Оставляет желать лучшего и оснащенность университета лабораториями, экспериментальными клиниками, современными пособиями. Так, например, госпиталь, в котором практикуются студенты медицинского факультета, может обслужить всего лишь 60 практикантов, в то время, как на факультете занимаются 600 человек.

В 1980 году лишь 2 тысячи студентов в Коимбре — пятая часть от общего количества — получали стипендию, месячный размер которой составлял всего 2,225 эскудо (в то время около 29 рублей). И прожить на такую мизерную сумму, не имея дополнительного источника существования, практически невозможно. Поэтому не приходится удивляться, что по последней статистике лишь 4 процента обучающихся в Коимбре студентов — из рабочих и крестьянских семей.

В журнале «Курьер ЮНЕСКО» за 1972 год отмечалось, что в Португалии на 129 выходцев из буржуазных слоев населения приходился всего лишь один студент из рабочих и крестьян. Через восемь лет положение, как видим, не намного изменилось.

Да, в Португалии путь к высшему образованию отнюдь не усыпан розами, особенно для тех, кто может рассчитывать лишь на свои собственные силы, для кого не факт получения диплома, а приобретенные в университете знания будут служить основным источником существования.

Вот что писал историк Антониу Жозе Сарайва: «В Португалии на протяжении столетий чувствуется суеверное почтение перед титулом «доктор». Уже в конце средневековья титул лиценциата являлся как бы грамотой, свидетельствующей о благородстве, а с упадком значимости родословных титулов все больший вес приобретали университетские дипломы. Зажиточные родители не жалели средств, лишь бы только их отпрыск получил диплом, дающий право на титул «доктора», пусть даже после его получения он продолжал бы ничего не делать, живя на родительскую ренту. «Доктóры» в парламенте и в государственной администрации являлись выразителями интересов господствующей в стране сельской буржуазии. Так, в Португалии население стало делиться на «доктóров» и «недоктóров», на португальцев, имевших вес в стране, и на португальцев, лишенных активного голоса...

Португальцы не скрывают, что многие студенты из обеспеченных слоев населения заинтересованы не в знаниях, а в получении диплома, который служил бы своего рода визитной карточкой в дополнение к деньгам, доставшимся от родителей. Это одна, причем довольно значительная, часть студенчества. К другой категории относятся те, для которых диплом — свидетельство полученной суммы знаний. Это, как правило, молодые люди из трудовых семей.

...В конце дня «айолиндовцы» повезли меня в Конимбригу — район, всего в нескольких километрах к югу от Коимбры, где находится один из крупнейших археологических памятников страны — руины поселения римлян, существовавшего еще во втором веке до нашей эры.

Студенты, рассматривая реставрированные мозаичные панно, остатки величественных колонн и крепостных стен, древнего водопровода и знаменитых римских бань, как-то притихли, видимо, стараясь представить себе, как жили здесь люди 2 200 лет назад.

— Наверное,— произнес один из студентов,— у них тоже было немало проблем.

Это замечание вызвало сразу же массу комментариев.

— Интересно, как называлась их «республика»?

— У них, конечно, не было сложностей с жильем!

— И никто их не заваливал на экзаменах!

— Тогда не нужно было выбивать стипендию!

— Нет, ребята, что бы вы ни говорили, а я предпочитаю жить в нашем двадцатом веке,— решительно заявил паренек с окладистой бородой.— Конечно, сейчас нам бывает трудно, но никто не станет отрицать, что будущее-то — за нами.

Он прав, этот юноша.

Все познается в сравнении. Это поле нам покажется маленьким, жителю португальского севера — значительным. Богатый хозяин владеет этой землей. У крестьян же совсем крохотные участки земли. Очень мало тракторов, сеялок, жаток

СОЗИДАТЕЛИ

Кабрал открыл Бразилию, но паруса на его каравелле поднимали матросы, имен которых не осталось в летописи истории. Маркиз Помбал создал план восстановления Лиссабона, но дома и площади создавались руками людей, которым не воздвигнуто ни одного памятника.
О нем, трудовом народе Португалии, народе-созидателе и пойдет речь в этой главе

Эта скирда соломы и хлебные хранилища — крестьян деревни Линдосу на северо-востоке страны, почти на самой границе с Испанией. В таких хранилищах — эшпигейруш — одни складывают пшеницу, другие — кукурузные початки. Кто что выращивает на своем клочке земли. Сооруженные еще предками нынешних крестьян, эшпигейруш удивляют своей архитектурой. На самом же деле все так просто объяснимо. Каменный домик поставлен на четыре каменных гриба с широкой шляпкой. Каменные грибы — чтобы грызуны не залезли. А каменный крест на крыше — чтобы бога не прогневить. Размеры же эшпигейруш небольшие — потому что урожай всегда маленький.

Аккуратненькие полоски земли, отделенные друг от друга зеленым кустарником. Каждая полоска — крестьянский надел. Множество полосок. Крестьян еще больше

Крепко держит крестьянин снопик колосьев. С силой бьет по плоскому камню. Жена рядом со щеткой. Ни одно зернышко не должно пропасть. Раз-два, раз-два, шлепается снопик об отполированную за многие годы плиту. За сто, а то и больше лет. И отец крестьянина здесь молотил, и дед...

— Здравствуйте, вас можно сфотографировать?
— Пожалуйста, сеньор. Только быки-то худые.
— Зато рога красивые. Хотите я пришлю вам карточку?
— Спасибо, не стоит сеньор. Я своих быков и так вижу с рассвета до заката

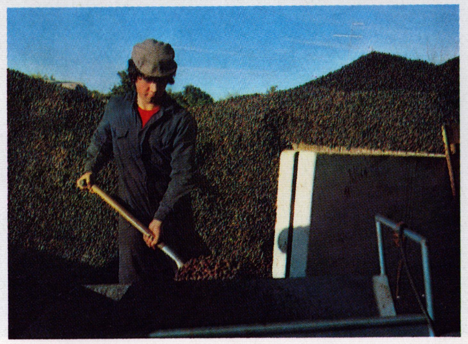
Когда Жоао Гайты еще и на свете не было, Франсишку Кариташ давным-давно уже батрачил. Скоро девятый десяток разменяет, а все равно с утра в поле

— Не жалко эвкалипты рубить?
— Мы же не помещики — рубим выборочно.
— На дрова?
— На жерди для кооперативных теплиц. А на вырубках посадки новые сделаем.
— Эвкалипты растут быстро?
— Быстро. Вот мы социализм построим, а они уже вырастут

На нижнем снимке крайний справа — Жоао Гайта, слева — Жоао Карита — механик, а за рулем трактора Антониу Камарадинья.

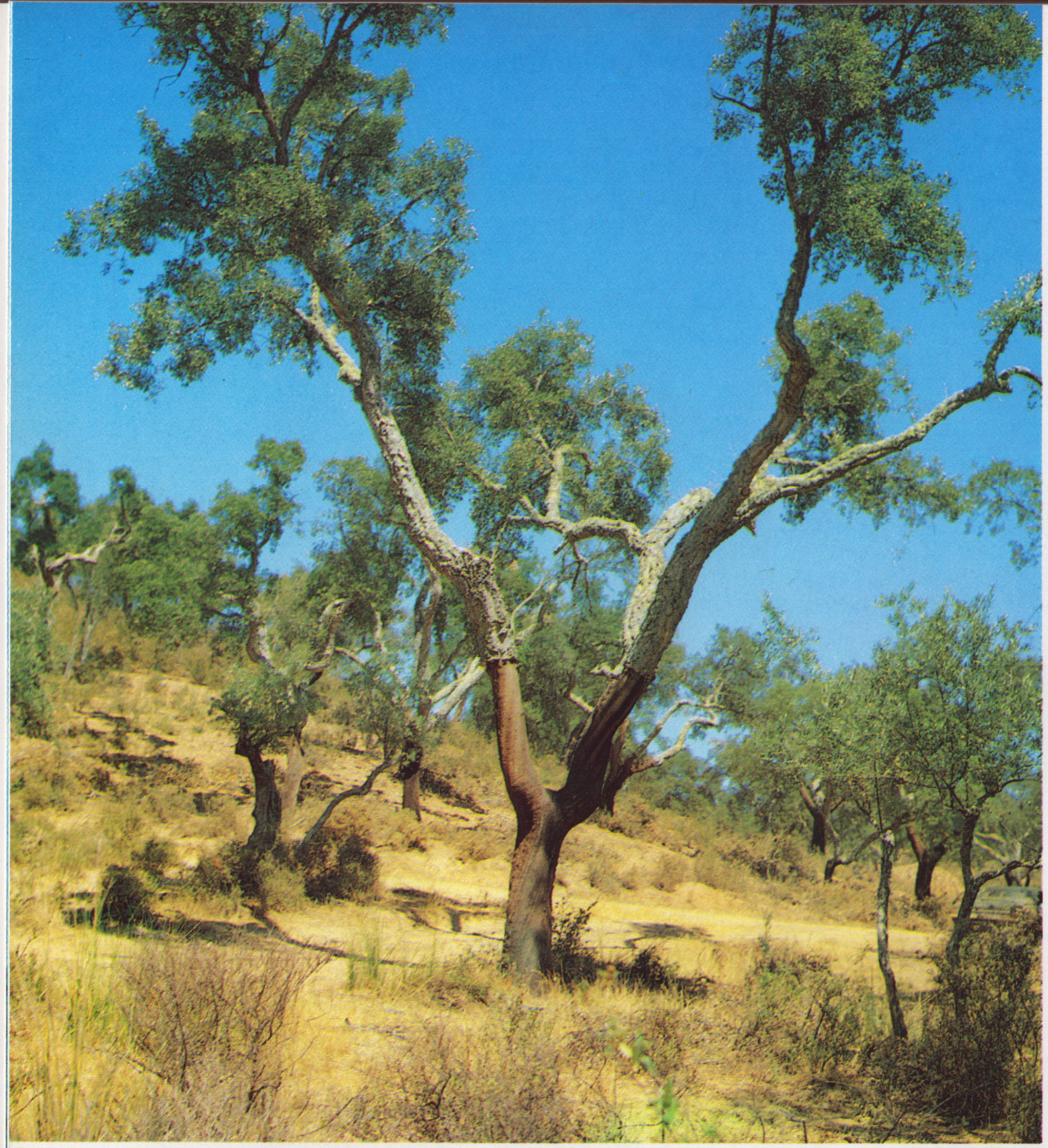
МАСЛИНЫ

Португальский король Дон Антониу, находясь в изгнании сначала во Франции и потом в Англии, лелеял две мечты: отобрать трон у Филипе II и съесть свежих маслин, выращенных в Алентежу.
Кто знает, может быть, о маслинах, которые растут вот на этих деревьях в нынешнем кооперативе «Агру Кампу-Майор», и мечтал король Дон Антониу, потому что жил он в конце XVI века, а оливы, как известно, плодоносят до четырехсот лет. Конечно, при хорошем уходе.
Когда маслины созреют, кооператоры берут длинные шесты и, постукивая по веткам, стряхивают спелые плоды на землю.
Потом маслины собирают с земли и наполняют ими мешки. Затем мешки грузят на повозки или автомашину и отвозят на маслозавод, где из мякоти готовят оливковое, или,как его у нас называют, «прованское» масло. Потому что на масло больше спросу, чем на консервированные оливки. Я называю их то маслинами, то оливками, так как это одно и то же.
Однажды в Алентежу мне пришлось видеть очень грустную картину: многие десятки оливковых деревьев лежали на земле, срубленные под корень. Сопровождавший меня крестьянин объяснил, что земля, где росли оливковые деревья, принадлежала кооперативу, но недавно правительство отобрало землю у крестьян и передало ее какому-то лиссабонскому поклоннику «сельских пейзажей», который тут же уничтожил все две с половиной тысячи оливковых деревьев, росших на



кооперативной земле. Две с половиной тысячи деревьев! Кооператоры подали в суд жалобу на незаконные действия новоявленного «землевладельца», требуя вернуть их землю. Чудес, правда, не бывает, но представим себе, что кооператив выиграл бы процесс и снова стал бы выращивать на своей земле оливки. Чтобы саженец маслины стал плодоносящим деревом, нужно ждать по меньшей мере десять лет. Деревья были срублены в начале 1982 года. Вот и считайте, когда появятся новые маслины. Впрочем, не стоит трудиться и считать: суд отказал в иске кооператорам.
Произошло это в округе Эвора, в местечке Вили ди Жунку.

Виноградники на севере от Тежу. В долинах рек Мондегу и Доура многие тысячи гектаров заняты под виноградные плантации. Настоящие порту и мадеру делают только в Португалии и, в основном, на экспорт. Португальцы же предпочитают сухие вина, качество которых — отменное



Пробковый дуб встречается в Испании и в Италии. Выращивают его даже в Крыму и на Кавказе. Но в таком обилии он растет только в Португалии. Крестьяне ежегодно снимают двести тысяч тонн пробковой коры. Новая кора нарастает семь-восемь лет. За свою долгую жизнь дуб дает средства к существованию многим поколениям крестьян

Вырос могучий пробковый дуб, оделся в толстую кору…
…Пришли крестьяне, осторожно сняли одежду с дерева, сложили в стопы, отправили на фабрику.
Жесткие, скрученные листы рабочие размягчили в кипятке, расправили под прессами, сняли наросты…
Гладкие толстые плиты пробки стали кроить в цехах. Сделали из них паркет для полов, облицовку для стен, прокладки и сальники для станков, механизмов, автомашин, тончайшие листы для обоев, миллионы пробок для вин, коньяков и шампанского…
Все, что произвели — отсортировали, упаковали, отправили заказчикам. Своим и зарубежным…
…Получили пробки во Франции, отвезли на заводы, закупорили ими бутылки с шампанским, отправили потребителям…
…Португальский фабрикант пробковых изделий, подписав новый контракт, устроив банкет для иностранных экспертов пробки, приказал в конце приема подать бокалы с французским шампанским.
Официанты откупорили бутылки, наполнили бокалы, а пробки выбросили…
Получил фабрикант несколько сотен тысяч эскудо…
…Намного раньше израсходовали крестьяне заработанные несколько тысяч эскудо.
…За это время подрос другой могучий дуб и тоже облачился в толстую кору.
Опять пришли крестьяне… сняли… сложили… отправили…

— Сеть порвалась? Наверно, много рыбы попалось?
— Нет, просто сеть старая

Рядом с причалами порта Пениши — рыбный аукцион. Ряды ящиков с уловом рыбаков. На трибуне — перекупщики. Каждый старается дать меньше, чтобы потом перепродать дороже. Рыбаков интересует заработок, перекупщиков — прибыль

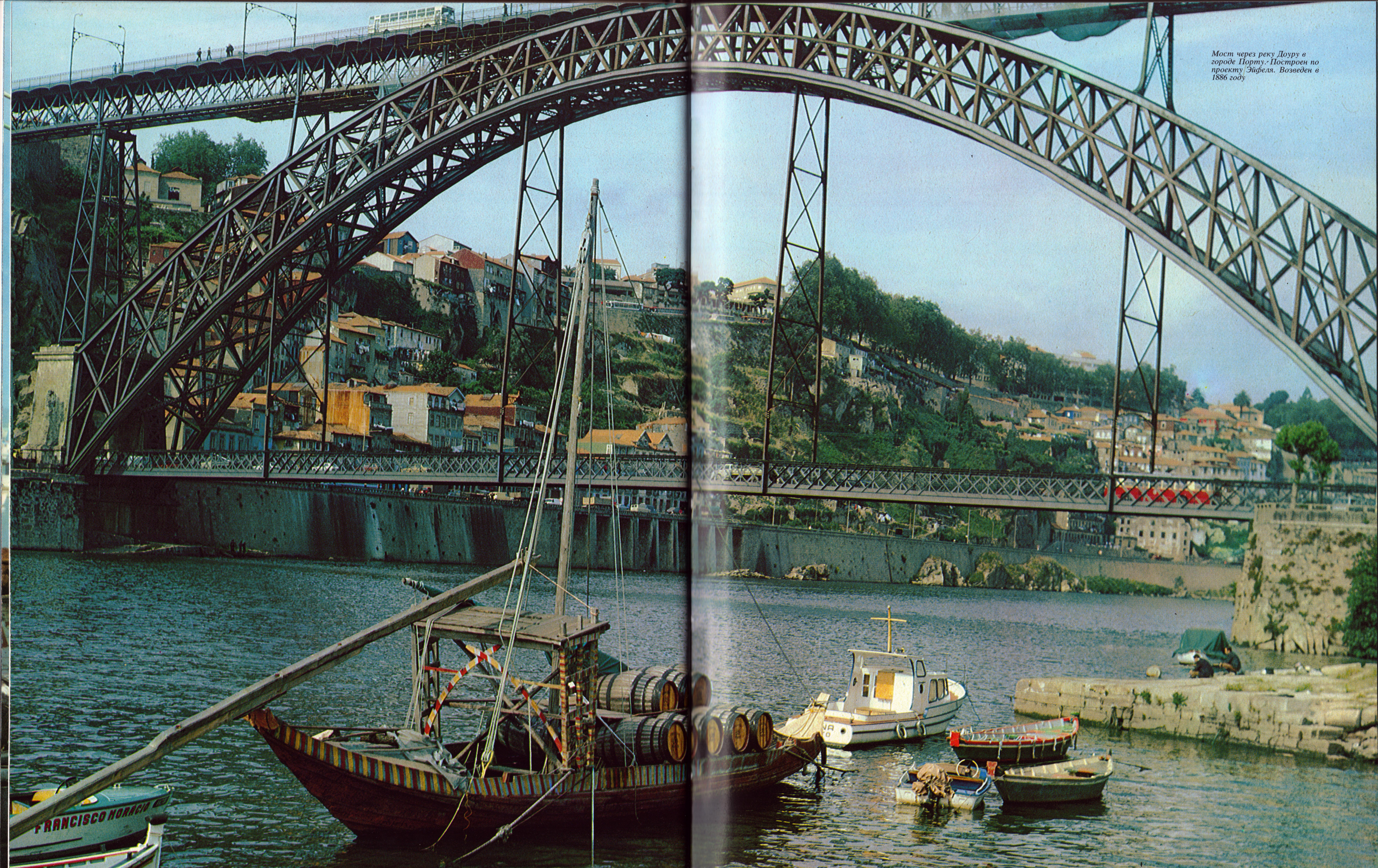
Восемьдесят тысяч португальцев трудятся в рыбной промышленности страны. Из них — десятки тысяч рыбаков. На верхнем снимке — рыбаки Назаре. На своих хрупких лодочках выходят они в море ловить сардины и другую рыбу

Забросить сеть и накрыть косяк дело одной минуты. Но до этого нужно подготовить судно, механизмы и снасти, идти несколько десятков миль к месту лова, обнаружить рыбу — много часов тяжелой работы

Об этом судне и его людях рассказывалось в очерке о рыбаках Пениши. Судно идет в океан. На носу, у самого форштевня — мальчуган, впервые ушедший в плавание. Сейчас он — впередсмотрящий. Кто знает, что ждет его впереди?

Крайние справа на этом снимке — Трубников и Волковский — советские специалисты, о которых шла речь в очерке «Один день с полпредами».
В Португалии трудятся наши преподаватели, обучающие португальцев русскому языку, советские корабелы, работающие бок о бок с португальскими судостроителями, и другие советские люди, мыслями, делами и поступками которых движет благородная сила, ставшая неотъемлемой чертой характера советских людей — сила пролетарского интернационализма

Северо-запад Португалии. Верфи Вьяна ду Каштелу. Здесь строят также суда для Советского Союза. Согласно международному праву, каждое судно является территорией того государства, кому это судно принадлежит. Торжественный момент подъема флага



Мост через реку Доуру в городе Порту. Построен по проекту Эйфеля. Возведен в 1886 году

ОТ ВАЛЕНСА ДО ФАРУ

Сортельа — крепость близ Испании. Говорят, самая старая из португальских крепостей. Давным-давно отшумели битвы, сражения, войны. Тихо вокруг. И, кажется, что Сортельа охраняет тишину

Представьте себе, что Вы разглядываете Португалию из иллюминатора космического корабля, облетая нашу планету. Вы увидите на земле древних лузов леса, покрытые нивами равнины, горы с белыми змейками небольших ледничков и почти вплотную к ним полоску песчаных пляжей атлантического побережья. Природа определяет во многом уклад жизни, экономическую деятельность, обычаи, культурные традиции, даже архитектурный стиль. Поэтому юг Португалии резко отличается от севера, а жизнь на побережье разнится от привычной для обитателей глубинных районов. Даже песни и танцы разные

Руины древнейшего городища — Ситаниа ди Бритейруш. Две тысячи лет назад здесь обитали неизвестные нам племена. Это не просто камни старых построек, а камни фундамента истории португальского народа

Башня Сентум Селлае, как сфинкс города Белмонти. Когда, зачем соорудили ее — никто не знает

Римляне ушли с Иберийского полуострова, когда распалась их империя. От тех времен осталась часть сохранившегося перистиля недалеко от Коимбры. Чужое творение незваных пришельцев

Пожалуй, нигде не увидишь такого сада, как Пасу Эпишкопал в Каштелу Бранку. Здесь больше статуй, чем деревьев, а по обеим сторонам лестницы чинно выстроились каменные фигуры всех королей, правивших страной. На ступеньках есть еще свободные места, но нет больше королей в Португалии

Опоясанную крепостной стеной столицу юга страны — Эвору — называют музеем под открытым небом, а колонны римского храма — экслибрисом города. Во всех туристских справочниках четырнадцать сохранившихся колонн называют храмом Дианы, хотя к древнеримской мифологической богине луны они никакого отношения не имеют

СВИДАНИЕ С ИСТОЧНИКОМ ИДОЛА

Опаздывать на свидание неприлично. А я на этот раз опаздывал. На свидание с источником Идола.

Не «у источника», а именно «с источником». Вот уже полчаса кружил вокруг места, где, согласно туристской памятке, должен был находиться этот Идол, и никто из горожан, к кому бы я не обращался, и понятия не имел о существовании ничего похожего на источник.

Полицейский сказал, что на его участке такой объект не числится.

Благообразный мужчина, облаченный в белый халат, стоявший с трубкой в руке у входа в клинику Сао-Маркуш, размещенную почему-то в здании дворца Райу, после некоторого раздумья сказал, что, по его мнению, такой источник действительно существует, но находится он километрах в двенадцати отсюда в местечке Вила Верди.

Устав от поисков, я направился к расположенной метрах в тридцати от дворца Райу крошечной таверне выпить «бику» — чашечку крепкого кофе. Пока хозяйка заряжала кофеварку, я успел пожаловаться ей на свою неудачу.

Услышав слова «источник Идола», она всплеснула руками:

— Так зачем его где-то искать-то? Вот слева от моих дверей калитка во дворик. Она всегда открыта. Спуститесь по ступенькам вниз, в яму, там и есть источник Идола.

Действительно, толкнув железную калиточку и сойдя по источенным временем и подошвами многих поколений посетителей мраморным ступеням, я оказался в небольшой, метра четыре в диаметре, овальной чаше, сооруженной из плоских камней и грубо отесанных, позеленевших

от времени плит, на которых виднелись барельефы нескольких фигурок и высеченная по-латыни надпись. Справа из щели в камнях, как и две тысячи лет назад, при римлянах, сбегала в чашу тоненькая струйка прозрачной воды.

Источник Идола — одна из достопримечательностей города Брага — окружного центра страны, но как это часто бывает: то, что рядом, интереса у местных жителей не вызывает.

Расположенная в полусотне километров на северо-восток от Порту — главного индустриального города страны, Брага издревле была своего рода перевалочным пунктом для многих народов, с незапамятных времен бродивших по Иберийскому полуострову. Когда Брагу захватили римляне, то они проложили от нее пять военных дорог, веером расходившихся в дальние районы северной части нынешней Португалии. Брагу римляне называли «Бракара Аугуста», и сто лет спустя, после провозглашения римским императором Феодосием I христианства официальной религией империи, в Брагу в V веке был назначен первый епископ. Столь, казалось бы, незначительное событие сыграло большую роль в истории города. Потом римлян сменили свевы, затем наступило владычество вестготов, а в 716 году город был практически уничтожен нашествием сарацинов. В XI веке нашей эры португальцы окончательно утвердились в Браге, превратив ее в своего рода религиозный центр страны.

Сейчас в Браге, где жителей-то всего лишь около ста тысяч человек, один собор, двадцать две римско-католические церкви плюс восемь других. В округе «проходят действительную службу» 900 католических священников, возглавляемые одним архиепископом, в подчинении у которого есть шесть просто епископов. Португалия — католическая страна, но такой концентрации церковников, как в Браге, не встретишь, пожалуй, нигде. Это явилось тормозящим фактором в развитии других сторон жизни населения округа.

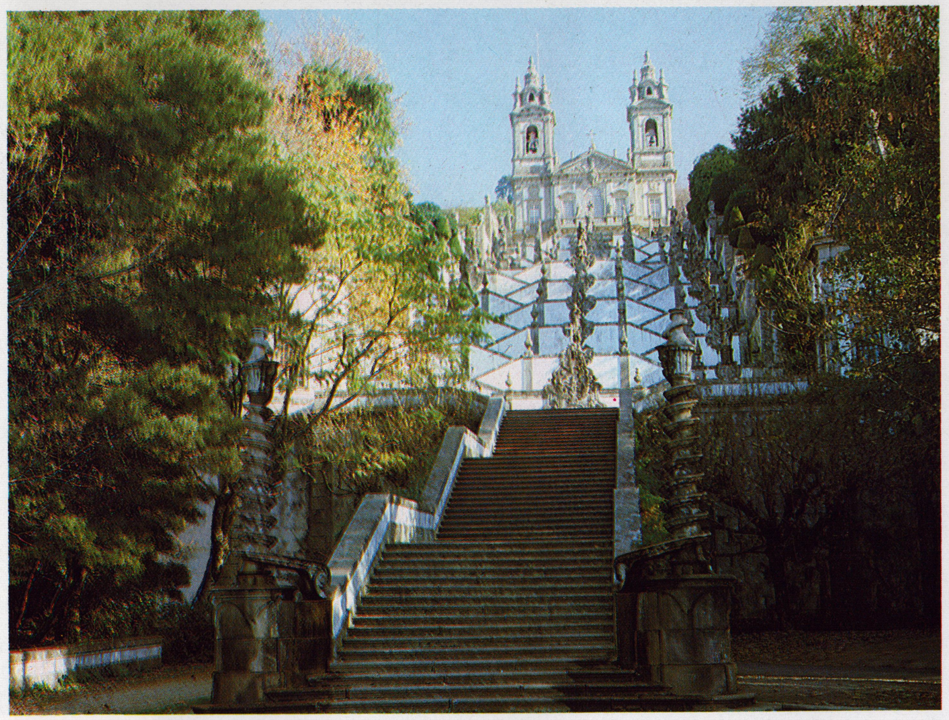
Приведу лишь несколько примеров из статьи, опубликованной 22 июля 1976 года лиссабонской газетой «Капитал». В тот год в округе не хватало ста школ, десять тысяч семей Браги обитали в жилищах, не отвечавших минимальным санитарным нормам. А десять тысяч семей — это по меньшей мере половина стотысячного населения города. Брага возглавляла список округов с наибольшей детской смертностью. Почти треть всех родов в округе проходила без медицинского надзора и помощи, просто потому что в большинстве сел отсутствовало какое бы то ни было медицинское обслуживание населения, хотя непременно в любом из них имелась церковь и свой священник. Округ Брага стоит на одном из первых мест в стране по числу неграмотных. Все это — следствие комплекса причин, и среди них не последнее место занимает католическая церковь, большинство служителей которой были верной опорой фашистскому режиму сорок восемь лет его господства. А все началось с той поры, когда римляне посадили в Бракара Аугуста первого епископа.

В экономическом отношении Брага считается одним из текстильных центров Португалии. В округе почти семнадцать тысяч рабочих трудятся на двухстах сорока предприятиях текстильных и по пошиву готовой одежды. В среднем по семьдесят рабочих на каждую фабрику. И еще город получает кое-какие доходы от начинающей делать здесь первые шаги индустрии туризма. В Браге много исторических памятников. Самый значительный из них — расположенный в нескольких километрах от Браги, возвышающийся на горе комплекс «Бон Жезуш ду Монти».

По-моему же, знакомство с Брагой лучше начинать с «источника Идола», потому что именно здесь, около этой струйки воды, которая течет с левой стороны от входа в старую таверну, и начиналась история Бракара Аугусты.

На вопрос: в честь какой победы построили в XVIII веке эту Триумфальную арку, один из жителей Браги ответил: «Наверное, в честь победы над Временем, ведь Брага существует уже более двух тысяч лет»

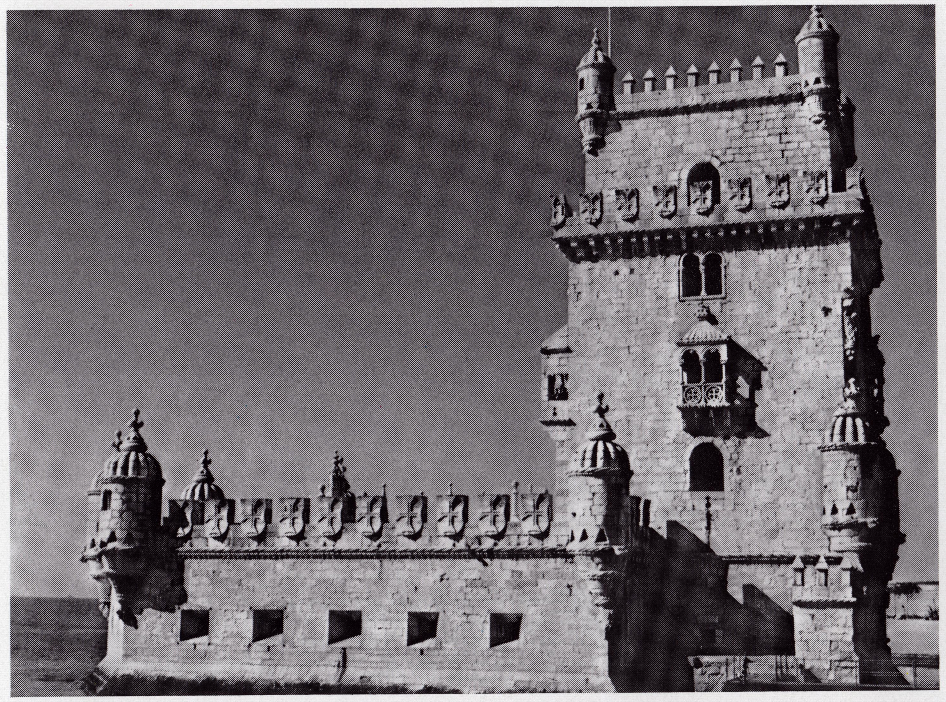
В XVI веке на горе построили часовню и назвали ее Бон Жезуш ду Монти



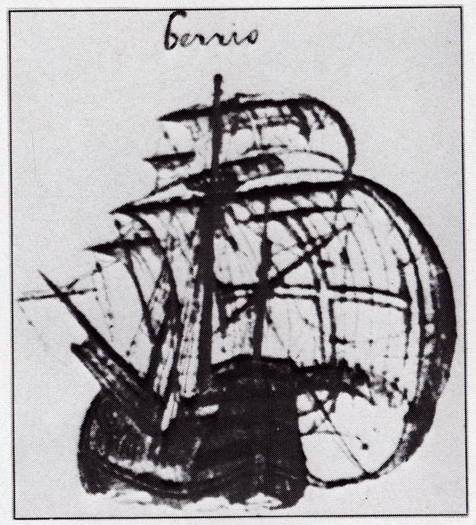
Спросите у португальцев, где находится Теноэш, и многие затруднятся ответить. Спросите, что такое Бон Жезуш ду Монти, и любой скажет: «Собор около Браги». А между прочим, деревня Теноэш уже упоминалась в документах почти шестисотлетней давности. Лет сто спустя для ее жителей построили на горе церковь, а двести лет назад красивый, большой собор и назвали его Бон Жезуш ду Монти. Сейчас в Теноэш приезжает много туристов и увозят с собой на память снимки не шестивековой деревни Теноэш, а Бон Жезуш ду Монти. И даже не подозревают, что не будь Теноэш — не было бы и собора

Мнения расходятся. Одни исследователи утверждают, что их сто сорок семь. Другие настаивают на цифре 130. Третьи упрямо стоят на своем: «Сто шестьдесят и ни на одну меньше». Я же насчитал ровно полторы сотни. Речь идет о старинных крепостях, сохранившихся в Португалии, одной из многих достопримечательностей страны.

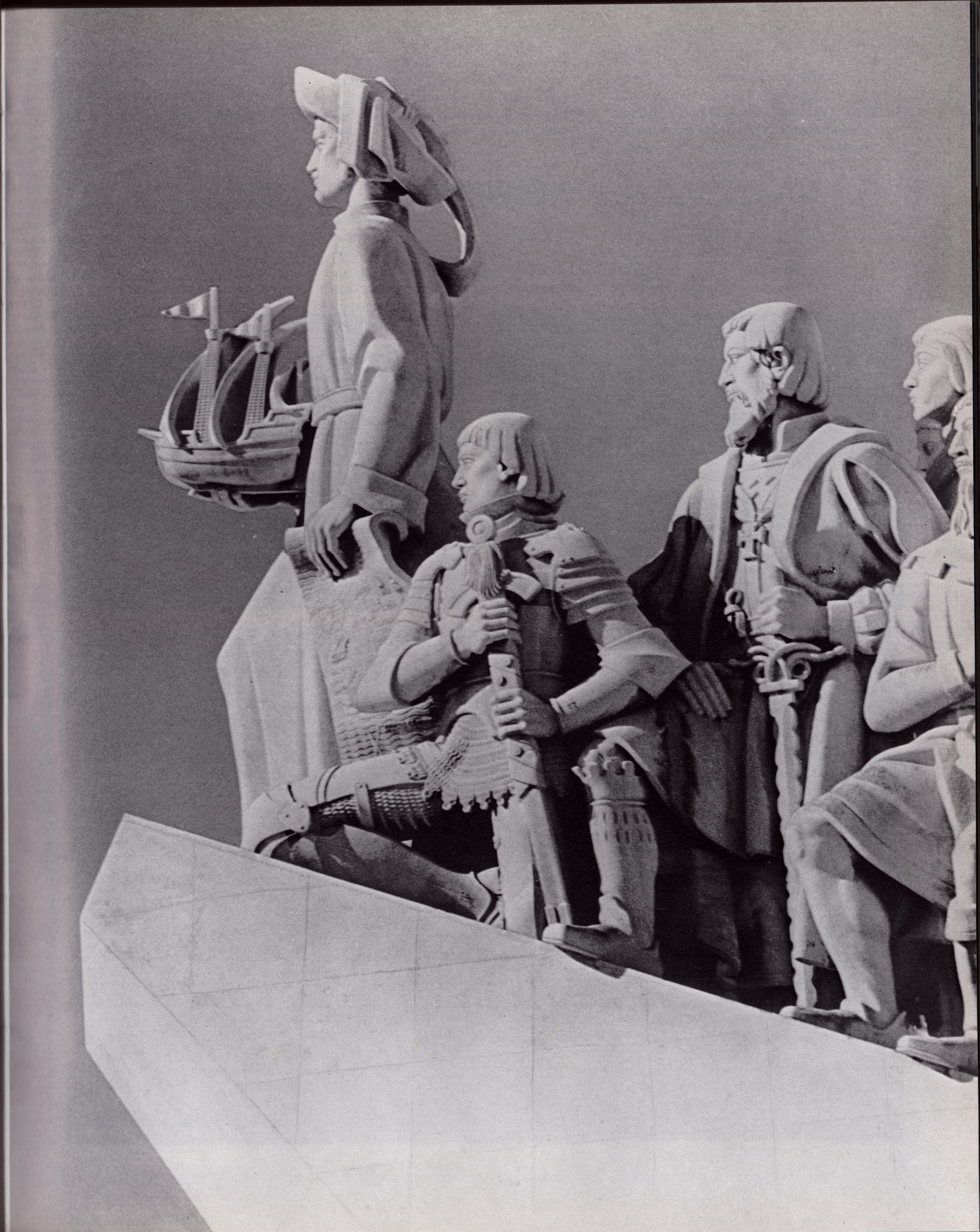
Некоторые крепости возведены еще в самом начале нынешнего тысячелетия. Возраст других не превышает двухсот лет, но, на мой взгляд, все они по-своему хороши, каждая имеет свое лицо, свою историю, свою легенду. Говорю это с полной ответственностью, потому что все годы работы в Португалии в свободное время «собирал» крепости. Ездил, смотрел, изучал и, конечно, фотографировал. В фототеке у меня сто пятьдесят крепостей. Трудным оказался выбор одной из них для фотоальбома. Взять ли крепость Алмоурол, стоящую на островке посреди реки, или монументальную крепость в Гимараэш — «колыбель нации»? Показать читателю крепость в Ноудар или отдать предпочтение крепости в Оурем. Остановился на крепости Берленга



Идут суда по рекам, морям и океанам. С грузами, с пассажирами. Команда знает, в какой день недели и в какой час войдут они в очередной порт. Метеорологические спутники дают возможность капитану узнать, какая будет завтра погода на любой широте и долготе. Совершеннейшие навигационные приборы позволяют предельно точно вычислить нужный курс.



Ценой каких титанических усилий были накоплены эти знания! Вот почему мы склоняем головы перед памятью тех, кто прокладывал путь грядущим поколениям. От крепости Торре ду Белен уходили португальцы открывать новые земли. Им — первопроходцам недалеко от крепости воздвигнут памятник, фрагмент которого вы видите на снимке.
Таким первопроходцем был и португалец Васко да Гама. Почти пятьсот лет тому назад под его командованием было совершено замечательное плавание к берегам Индии. Ценность его не в том, что Португалия стала обладательницей чужих земель. И не в том, что казна португальских королей пополнилась новыми сокровищами. Заслуга Васко да Гама в том, что именно он, первым проложив морской путь в далекие края, укрепил уверенность человека в возможностях познания окружающего мира, расширил его горизонт.
Честь и слава первопроходцам!



БЕРЛЕНГА

Почти во всех странах планеты Земля есть заповедники. Большие и малые. Например, самый большой заповедник в мире находится в Намибии. Он называется Этоша-Пан и занимает территорию по одним источникам семь миллионов гектаров, по другим десять. Пусть даже семь, все равно много: 70 000 квадратных километров. Всего лишь на двадцать две с небольшим тысячи квадратных километров меньше, чем вся Португалия со всеми островами. Об островах упомянул не случайно, потому что один из них в 1981 году объявлен национальным заповедником. Остров называется Берленга и площадь его всего лишь 78 гектаров. Пожалуй, заповедник Берленга почти самый миниатюрный на Земле. По крайней мере, мне известен всего только один, который меньше Берленги — наш эстонский Вайкаский заповедник на островах Вайка и Вильянди в Балтийском море (тот не превышает 35 гектаров).

Но согласитесь, разве так уж важен размер? Посмотришь на Берленгу и скажешь: «Ну и что же, что маленький, зато какой величественный и красивый». Представьте себе гранитную скалу, возвышающуюся в Атлантике. В длину полтора километра и шириной метров восемьсот. На острове — маяк, свет которого можно, говорят, увидеть даже на Азорах. Волны пробили в граните пещеры, гроты, и, когда океан волнуется, каскады воды с шумом разбиваются о неприступные скалы, и водяная пыль сверкает всеми цветами радуги. А в северной части выдвинулась в океан старинная крепость Сао-Жоао Баптишта и кажется, что она существует, если не вечно, то, по крайней мере, столько же, сколько сам Берленга, так органично вписывается она в очертания острова.

Остров расположен совсем близко от материка, напрямик каких-то пять с половиной морских миль. Попасть на Берленгу можно из Пениши: раза два в день оттуда на остров уходит катер. Час ходу — и ты уже на Берленге, но почему-то не так уж много португальцев совершали это несложное путешествие. Впрочем, так бывает везде: знаешь, что есть, буквально под боком, интересное место, но все как-то «ноги туда не доходят», все откладываешь «на потом».

Чем же замечателен остров? Во-первых, там чистый воздух: нет ни единого автомобиля и даже мотоцикла (весь местный наземный транспорт — старый осел). Во-вторых, и это главное, крепостью Сао-Жоао Баптишта. Начало истории острова ведется с 1513 года, когда монах Габриэл — духовник королевы донны Марии, жены короля Португалии дона Мануэла — попросил ее построить для монахов его ордена какой-нибудь небольшой монастырь. Донна Мануэла передала просьбу супругу, и король, относясь хорошо к жене (которая к этому времени уже подарила ему пять сыновей и двух дочерей), велел исполнить прихоть многодетной супруги. Так на Берленге появился монастырь «Носса сеньора да Мисерикордиа», в котором стали жить пять монахов. По идее они должны были оказывать помощь проходящим мимо Берленги мореплавателям. Однако нуждающихся в такой помощи оказалось не так уж много, а вот пираты и другие разбойники частенько навещали островок. Через несколько десятков лет монахи перебрались на материк, а сам монастырь то ли развалился потом под тяжестью веков, то ли его растащили по камешку туристы, но сейчас он не существует.

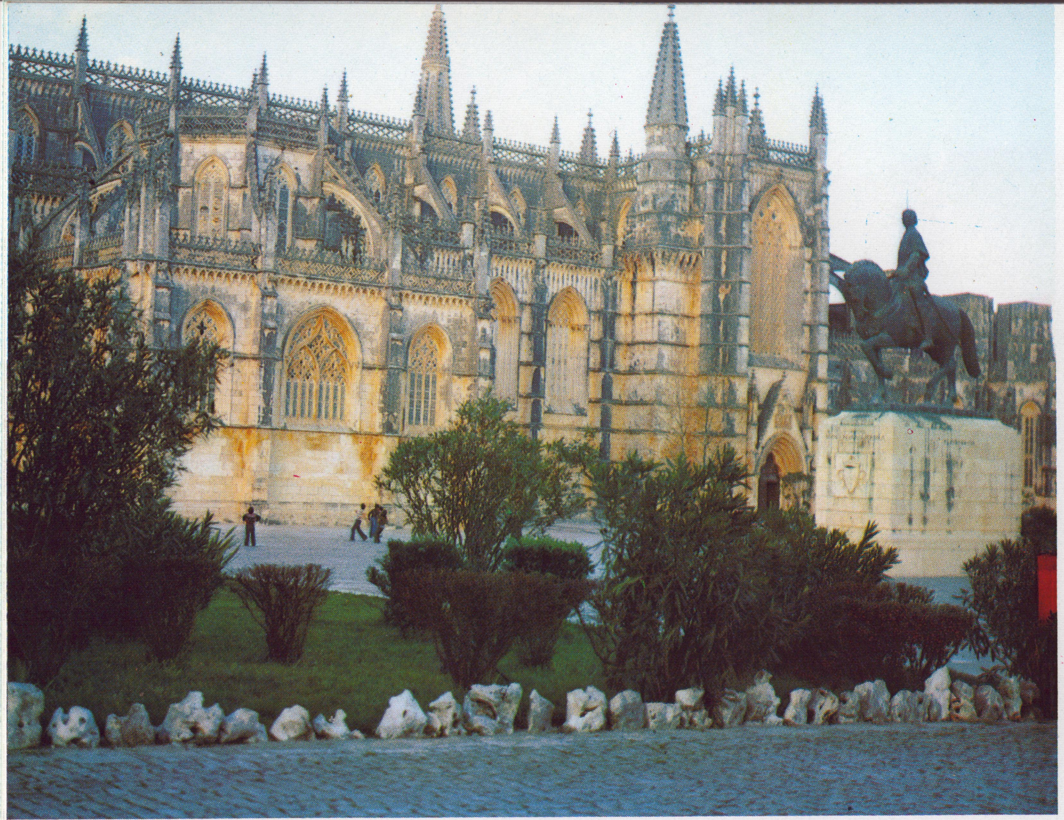
На смену кресту пришел меч, и в семнадцатом веке на Берленге возводится крепость. С ней-то и связано событие, вошедшее во все учебники португальской истории. Но чтобы не утомлять читателя сухим перечислением фактов, описание этого события возьмем из туристического проспекта, изложив его слово в слово.

«28 июля 1666 года гарнизон крепости, состоявший из 28 солдат под командованием сержанта Антониу Авелар Пессоа, был атакован испанской эскадрой из 14 судов и 1 каравеллы под командованием адмирала Альбарры. С суши атаку вела тысяча солдат, а с моря крепость обстреливалась артиллерией эскадры. Атаки не принесли успеха агрессорам. Храбрые португальцы не струсили, несмотря на жестокий и неравный бой, но на третий день, когда в крепости уже не оставалось пороха, чтобы произвести хотя бы один выстрел, и когда эскадра, не добившись успеха, собиралась отплывать, один обезумевший защитник крепости, ночью, вплавь добрался до испанцев, сообщив им о критическом положении товарищей по оружию. Тогда нападающие после жестокого сражения овладели крепостью и пленили ее героических защитников. Испанская эскадра потеряла 500 человек и три судна. Португальцы потеряли всего лишь одного человека. Храбрый сержант Авелар, тяжело раненный во время битвы, скончался от ран на борту испанского корабля».

Мне кажется, в те далекие времена сводки военных действий были несколько преувеличены и данные о пятисоткратных потерях со стороны противника может быть и не совсем точны, но пусть сами испанцы и португальцы докапываются до истины. Что же касается отважного сержанта Авелара, то память о нем закреплена в надписи на мемориальной доске, прикрепленной к крепостной стене, там же упоминаются и остальные 28 защитников.

Конечно, сейчас чужеземное вторжение не угрожает Берленге, но над островом нависла гораздо более грозная опасность: быть изувеченным туристами. Навьюченные палатками, спальными мешками, пивными бутылками, банками консервов, они добираются до Берленги, раскидывают бивуаки и после их отъезда остаются кучи отбросов на голых скалах, над которыми с возмущенными криками летают тысячи чаек — единственные постоянные обитатели островка.

Покровительница пастухов



Монастырь Баталья

Фрагмент сельского дома в районе Алгарви

Здание в парке города Калдаш да Раинья

Средневековые постройки

Архитектура Португалии — это симфония стилей всех эпох и многих народов. Арабский орнамент и французская готика, португальское барокко и строгость геометрических композиций классицизма. Русские Кижи — это музыка дерева. Башня Эйфеля — музыка металла. Португальская архитектура — музыка камня

АЗУЛЕЖУС

Португалию трудно представить себе без азулежус. Это неотъемлемая деталь быта страны, известная еще в докамоэнсовскую эпоху и сохранившаяся до наших времен. Азулежус — из изразцы. Точнее, это португальские изразцы. Такое уточнение необходимо потому, что изразцы создавали в очень многих странах Европы и государствах арабского Востока еще более тысячи лет тому назад. В России в XVII — XVIII веках изразцами украшали отдельные детали фасадов домов, и достаточно посмотреть коллекцию московского Исторического музея, чтобы убедиться в высокой культуре исполнения и таланте наших соотечественников — мастеров того времени. Но не будет преувеличением сказать, что в большинстве стран создание изразцов, к сожалению, вытеснено производством изразцов. Но это уже не изразцы, а кафель или, что еще точнее, — облицовочная плитка. Португалия же сейчас одна из немногих стран, где сохранилось и поддерживается искусство создания изразцов — азулежус.

В одном из залов Фонда Гюлбенкяна была организована выставка португальских азулежус, где экспонировались образцы, созданные в стране на протяжении последних пяти столетий. Здесь можно было увидеть последовательно этапы развития этого вида декоративного искусства в Португалии, не только сохранившего, но и приумножившего традиции мастеров, творивших несколько веков тому назад.

Вскоре после посещения этой выставки мне довелось побывать в одной мастерской, находящейся недалеко от Коимбры, где создают рисунки для современных азулежус. Маэстро Жозе Сантуш — 65-летний седой, сутуловатый мужчина с морщинистым загорелым лицом, не спеша водил меня по мастерской, рассказывая о композиционных решениях, стилях португальских азулежус, господствовавших в разные эпохи, о бережном отношении к народным традициям.

— Вы, конечно, обратили внимание, — говорил он, — на стержневую часть экспозиции, выставленной в Фонде Гюлбенкяна, я имею в виду 15-метровое художественное панно из азулежус, которое называется «Панорама Лиссабона». Оно выполнено в белых и голубых тонах. Это произведение создано всего 150 лет тому назад. Для него характерно почти полное отсутствие человеческих фигур. А если взять лучшие образцы азулежус, скажем, XV века, то на них центральная роль отведена именно человеку. Я приверженец стиля мастеров скорее XV века, чем XVII. Вот посмотрите, — Жозе Сантуш взял со стола большой лист ватмана с карандашным наброском будущей композиции. — Эта сцена посвящена страшному землетрясению 1755 года, когда Лиссабон был почти полностью разрушен. Тема решается не через показ разгула стихии, а в раскрытии людской драмы. Вот группа жителей на площади: мать с двумя детьми, монах, два старика и молодая любящая пара. Если мне удастся отразить их чувства в тот трагический момент, то я сочту достигнутой поставленную перед собой цель.

— Но, маэстро, — возразил я, — вы создадите произведение, уникальное в своем роде. Оно появится на свет в единственном экземпляре, и место его в музее или в качестве главной детали какого-нибудь архитектурного ансамбля. А ведь Португалия славится не столько работами отдельных мастеров, посвятивших себя созданию азулежус, сколько массовостью этого направления.

— Одно дополняет другое, — ответил маэстро. — Почему в нашей стране получил свое развитие этот вид декоративного искусства? Потому что в каждую историческую эпоху находились художники, создававшие произведения искусства, которые служили эталоном, и уже

массовое производство стремились по мере возможности подтянуть к этому уровню. Конечно, в отдельные моменты наблюдались спады, но в целом можно отчетливо проследить непрерывное движение в сторону совершенствования не только техники — и это главное — эстетического уровня. Португальцы не являются первооткрывателями и родоначальниками азулежус. Это искусство возникло у нас в эпоху великих географических открытий. С Востока позаимствовали полихромию (голубой, белый, желтый и зеленый цвета). В конце XVI века, когда наша страна была под испанским владычеством, на португальский азулежус оказала большое влияние керамика Андалусии и Леванта. Менялись также и стили. В конце XVII века доминирует так называемый «исторический стиль», и внутренняя отделка залов, фасады богатых домов украшаются азулежус с рисунками на исторические темы. А сто лет спустя опять возродился первоначальный полихромический стиль, ставший выполнять чисто декоративные функции, и сейчас азулежус — неотъемлемая часть современной португальской архитектуры. Вот так у нас развиваются параллельно два направления, где-то переплетающиеся, но не мешающие одно другому. И если моей будущей композиции найдут место в одном из зданий, то она не станет смотреться без декоративных азулежус, выполненных в полихромическом стиле. Конечно, я тогда попрошу поручить мне создание рисунков для декоративных азулежус. Так одно дополняет другое.

Возвращаясь из Коимбры в Лиссабон, я уже по-другому смотрел на встречавшиеся у дороги домики, фасады которых были выложены азулежус. И могу со всей ответственностью заявить, что за три часа пути ни на одном из домиков орнамент не повторялся.

Можно бесконечно долго спорить о том, что в Лиссабоне наиболее «лиссабонское». Одни скажут: «Авенида да Либердади», другие вспомнят мост через Тежу, а кто-то, может быть, назовет Россиу или обелиск на площади Рештаурадореш. Для меня символом португальской столицы всегда будет район Алфамы с венчающей его спокойной, строгой и величественной крепостью Сао-Жоржи. Прижавшиеся к склонам холма крытые красной черепицей старые дома; лабиринты извивающихся улочек, переулков, тупиков; бесчисленные каменные ступеньки переходов. Это — Алфама

Памятник королю Жоао I на площади Фигейра

Непростительно побывать в Лиссабоне и не посетить Жеронимуш — одну из жемчужин португальской архитектуры. Жеронимуш — хранитель памяти: под его сводами установлены два саркофага, где покоятся два первооткрывателя. Один — мореплаватель — открыл Индию. Его имя — Васко да Гама. Второй — поэт — открыл для остального мира Португалию. Его имя — Луис де Камоэнс

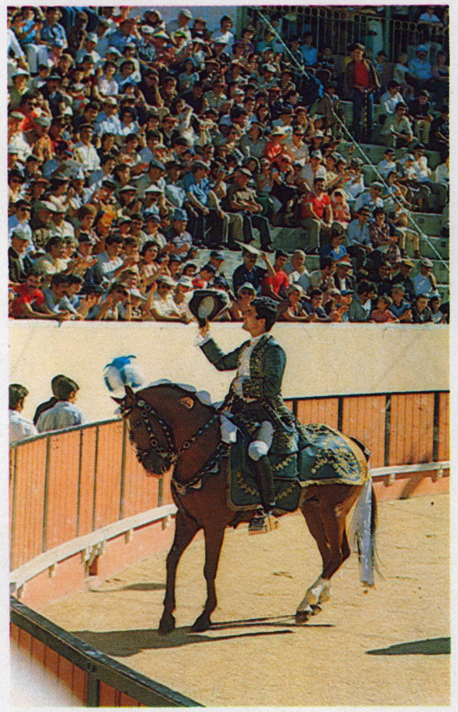
— Берите, сеньор, рождественский лотерейный билет. Через два дня закрутится колесо.
— Спасибо. В азартные игры не играю. Сами-то вы пробовали попытать счастье?
— Мое колесо уже свое открутило. Вхолостую

Деды Морозы есть везде. Я встречал их под Новый год даже в Сингапуре и Рио-де-Жанейро при сорокаградусной жаре. В Лиссабоне они почти за месяц до праздника выходят на улицы. В декабре число безработных в стране уменьшается на число Дедов Морозов, появившихся на улицах

Таблички с названиями улочек: «Улица цветов», «Улица настурции», «Улица розы», «Улица жасмина». Но ни одной розы, настурции или веточки жасмина не увидишь на этих улочках. Одни таблички

КОЛЕТЕ ЭНКАРНАДУ

Когда состоялась первая португальская коррида, никто точно сказать не может, но достоверно известно, что она уже проводилась не менее восьмисот лет назад, при короле Доне Саншо I, правившем страной с 1185 года.
О более поздних соревнованиях даже сохранились документы, в которых подробно описывается, кто принимал участие в корриде, какие туалеты были на дамах, какие попоны были на лошадях и как выглядели кавалеры.
Корриды устраивались по случаю праздника святого Антония, по поводу рождения наследника, королевской женитьбы и других таких же, «знаменательных» событий.
По периметру площади сооружались гигантские паланкины, скамейки обивали шелком, столбы покрывали золоченой краской, а над почетными ложами натягивали пологи с разноцветными кистями и украшали знаменами.
Высокопоставленные семейства смотрели представления, устроившись у раскрытых окон королевского дворца. Корриде предшествовали спектакли с танцами под музыку, а уж потом на площадь выезжали первые кавалеры, сопровождаемые дюжиной лакеев. Так начиналась коррида в XVII веке. В ту далекую эпоху в корриде участвовали лишь отпрыски знатных семей. А корриды с профессиональными исполнителями ведут историю лишь с XVIII века, то есть относительно с недавних времен. Собственно говоря, в Португалии нет корриды, а есть тоурада. И то и другое мы называем «бой быков», хотя никакого «боя» между быками не происходит, на



арену быки выпускаются по одному, кроме Вила-Франка-ди-Шира, где проводится праздник «Колете энкарнаду». Об этом народном празднике «Колете энкарнаду» в португальском городке Вила-Франка-ди-Шира, что в тридцати километрах к северу от столицы, и пойдет рассказ. «Колете энкарнаду» переводится как «Алый жилет», хотя на самом деле жилет самого обыкновенного красного цвета, но в салазаровские времена слово «красный» было под запретом, и все красное называли «алым».
Праздник посвящен пастухам, которые выращивают быков для тоурады на землях Вила-Франка. Красный жилет — часть их праздничного костюма. Но прежде, чем пройти на трибуну вила-франкской арены «Пальа Бланко», посмотрим парад пастухов на улицах городка.

Всадники медленно едут на лошадях, невозмутимо торжественные. Поверх белых льняных рубашек — красный жилет, на голове зеленый фригийский колпак с помпоном, на ногах гетры и до блеска начищенные черные башмаки с медными пряжками, в руке — длинный четырехметровый шест, а к луке седла приторочено лассо. Кругом шум, крики, народ приветствует их, мальчишки бегут рядом, стараясь подержаться за стремя, а всадники продолжают шествовать среди всей этой суматохи, устроенной в их честь. Только три дня в конце первой недели июля бывает в Вила-Франка такой праздник.
В эти дни улица города, ведущая к площади возле «Пальа Бланко», меняет свой облик. На перекрестках щиты из толстых досок закрывают проходы на соседние улицы, мостовая посыпается опилками, публика посолиднее загодя занимает поудобнее места, а молодежь, как петухи на насесте, устраивается поверх щитов. Все с нетерпением ждут начала «ларгады». «Ларгар» по-португальски означает «выпускать», «отпускать», а «ларгада» — просто народная тоурада, в которой животное никогда не оказывается в роли побежденного.
Вот в дальнем конце улицы послышались крики: «Пошли, пошли!» Это значит, что там на улицу, превращенную в арену — узкую и длинную как рукав смирительной рубахи, выпустили нескольких молодых бычков, которым ничего не остается делать как бежать только вперед под свист, улюлюканье и крики любителей зрелищ. Вот тут-то поклонники острых ощущений и

пытаются показать свою удаль: одни бегут впереди быков, прыгая и кривляясь, другие поддразнивают животных, но одним глазом все-таки примериваются, куда можно быстро отпрыгнуть, чтобы избежать нежелательного контакта с рогами и твердым лбом рассерженного животного. Так проходит «ларгада».
Теперь, приняв участие в «ларгаде», можно идти занимать место на трибуне «Пальа Бланко».
Публика неистовствует, приветствует, ахает, негодует, возмущается, освистывает.
Человек и лошадь. Кажется, они слиты воедино. Кавалейрус, бандарильейру, тоурейру.
Мулеты, фарпы, пассы. Все это — тоурада, или коррида, или бой быков. Все акты спектакля.
Кроме двух особенностей, существующих лишь в Португалии. В Португальской тоураде быков не убивают, и, кроме того, в конце каждой тоурады вы увидите выступление форкадаш.
Как правило, это любители, а не профессионалы. Они выходят на арену последними. Становятся друг за другом в затылок.
Шестеро форкадаш против одного быка. Вон он стоит прямо напротив них на другой стороне арены. Старший группы — «кабу» занимает первое место в линии. Он делает шаг вперед, почему-то всегда при этом поправляя на голове фригийский колпак с помпоном, подбоченивается и кричит: «Э, тоуру браву!» — «Эй, смелый бык!» Мол, иди на меня, отважный бык, попробуй, померяемся силами! Потом делает еще один шаг, и еще. Как правило, бык больше не ждет, принимает приглашение и бросается, опустив голову, на храбреца. И когда до столкновения быка с человеком остается не больше метра и сотой доли секунды, «кабу» грудью вперед бросается на голову быка. Тело его точно укладывается между рогами, руки обхватывают шею животного, четверо стоящих за кабу форкадаш, также бросаются на быка, пытаясь остановить его, а последний, шестой участник команды, начинает тащить быка за хвост.
После такого посрамления быку ничего не остается делать как остановиться и покинуть арену.
После тоурады, уже глубокой ночью начинаются народные гуляния. С бенгальскими огнями, народными танцами и, конечно, жаренными на огне свежими сардинами. Так заканчивается «Колете энкарнаду», народный праздник в городке Вила-Франка-ди-Шира.

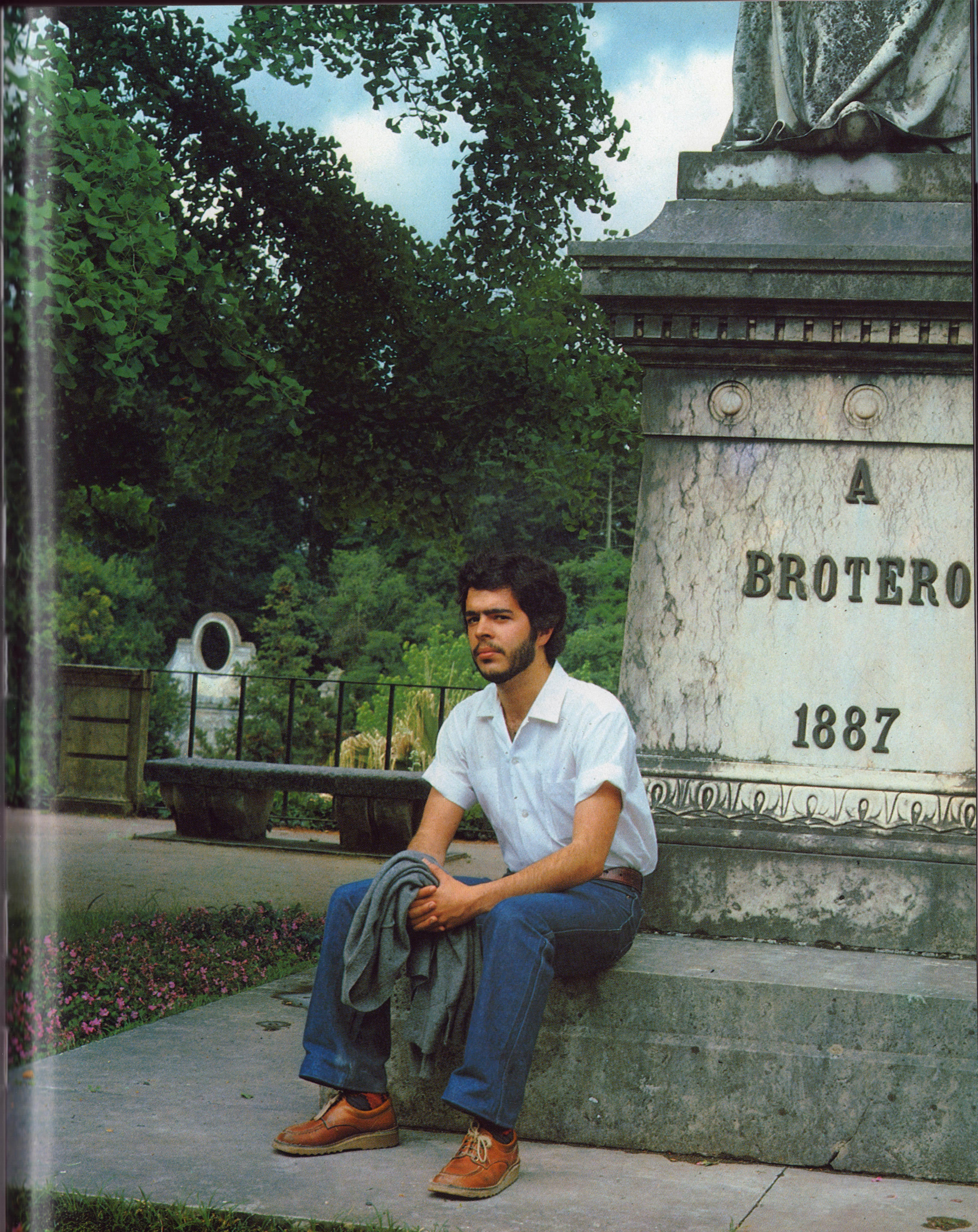
Слово «Коимбра» обычно ассоциируется со словом «Университет». Однажды мне попалась на глаза таблица ценза грамотности в Португалии за 1970 год. Времена фашизма. В Коимбре тогда 20 процентов жителей были неграмотны. Почти одиннадцать с лишним тысяч коимбрян не умели ни читать, ни писать. Студентов же Университета насчитывалось семь с половиной тысяч человек. Так какая же ты, Коимбра: город студентов или город неграмотных?
Когда мне приходилось бывать в Коимбре, я всегда находил свободную минуту, чтобы заглянуть в старое здание Университета и, поднявшись на верхнюю открытую галерею, полюбоваться панорамой города. Оттуда Коимбра кажется двуликим Янусом: обращенная в прошлое и в будущее. Верю, настанет такое время, когда печальное прошлое окончательно уйдет в небытие, и Коимбра будет ассоциироваться только со словом «Университет»

Эта башня считается символом города. Хотя по справедливости такая честь должна бы принадлежать Университету

— Учишься в Университете?
— Нет, учусь вышивать. Разные бывают университеты

Преподаватели покупают газету в киоске — за деньги. Студенты читают газету на стенде — бесплатно

Памятник человеку, подарившему людям сад. Говорят, что каждый, живущий на земле, должен посадить хотя бы одно дерево... Бротеру оставил после себя жителям Коимбры целый сад. Я сознательно снял лишь постамент. Лицо, высеченное скульптором, память может не сохранить, а фамилия запомнится: Бротеру



Студенты Коимбры

РОЗЫ ДОННЫ ИСАБЕЛ

Случай этот произошел давно. Так давно, что никто не может сказать с уверенностью не только в каком году или десятилетии, но даже в каком веке. Одни говорят в конце двенадцатого, другие называют начало тринадцатого. Португальский король дон Диниш был женат на донне Исабел, и супружеская чета временами проживала в Коимбре. Дон Диниш слыл человеком суровым, а донна Исабел, наоборот, была женщиной беззащитной и прекрасно владела этим самым сильным оружием слабого пола. Дон Диниш увлекался строительством крепостей, а донна Исабел благотворительностью, посещая жаждущих и страждущих подданных, которым раздавала оставшиеся от королевских трапез булки, за что выслушивала сердитые замечания мужа.
Однажды донна Исабел шла по тропинке к домам бедняков, неся в переднике с десяток королевских булок, и вдруг на повороте встретилась с доном Динишем. «Ты что несешь, королева?» — спросил король. «Розы, мой повелитель»,— смутившись, пролепетала донна Исабел, открыла передник, и, о чудо, в нем действительно лежали свежие розы! Вот такой случай был в Коимбре.
Коимбра знаменита своим университетом. Но не менее известна Коимбра и своими розами. Иногда ее так и называют: «Город роз». По всей вероятности, после чудесной истории с донной Исабел многие женщины-коимбрянки стали увлекаться розами. Даже ежегодно проводят конкурсы на лучшую выращенную розу, причем премии даются «за

лучшую розу подоконника», «за лучшую розу балкона» и «за лучшую розу сада». Больше всего претендентов, конечно, на получение премии «лучшей розы подоконника», потому что в Коимбре обладателей садовых участков считанное число, а подоконники имеются почти у всех горожан.
Любовь к цветам присуща всем португальцам. Например, в топонимике Лиссабона присутствуют названия цветов. В районе Шиаду есть «Улица цветов», неподалеку от нее «Улица настурций» и «Улица роз». Когда в первый раз я решил прогуляться в этом районе, то прихватил на всякий случай ролик цветной пленки, чтобы запечатлеть красочный спектр «Улицы цветов». Все, что положено, было на этой улице: табличка с надписью «Улица цветов», окна с подоконниками, жилые здания с балконами, ребятишки, гоняющие мяч в ущелье из спускающихся к Тежу серых домов. Не было лишь цветов. Ни одного, на всем протяжении от начала до конца улицы. Как вы можете догадаться, и на «Улице настурций» не оказалось ни одной настурции, так же, как ни одной розы на «Улице роз». Везде черный унылый асфальт вытеснил листики, тычинки и пестики. А ведь когда-то здесь действительно царил культ цветов!
В конце семнадцатого века на ступенях лестничных маршей улицы Мисерикордиа с раннего утра до сумерок располагались крестьянки, приходившие сюда из пригородных деревень с корзинами цветов. Те, кто продавал настурцию, облюбовали улочку, которая впоследствии

так и стала называться — «Улица настурций», а великое разнообразие роз можно было встретить на теперешней «Улице роз». Мариу ди Албукерке в своей книге «Эстудуш Олисипоненсес» писал, что «из более чем десяти тысяч видов цветов, насчитывающихся в конце прошлого века на территории Европы, около половины росли только на Иберийском полуострове».
Цветы семнадцатого века давным-давно завяли. А сейчас? Сейчас по-прежнему все португальцы любят цветы, но, правда, не так, как жители северных стран. Где есть клочок земли, там, при португальском благодатном климате, цветы могут расти круглый год. На Азорских островах вдоль дорог на десятки километров плотной стеной растут кусты гиацинтов; по пути из Фигейра да Фош в столицу то и дело попадаются высоченные мимозы — десяти-, пятнадцатиметровые деревья, все усыпанные столь знакомыми нам пушистыми шариками желтых цветов; а в Алгарви в конце января — начале февраля, когда цветет миндаль, глаз невозможно оторвать от сотен деревьев в накидках из нежных лепестков. Владимир Ермаков, первый советский корреспондент «Правды», работавший в Португалии после свержения фашизма, посетив Мадейру, написал об острове очерк, назвав его «Букет в океане». Лучшего заголовка придумать было нельзя.
В памяти каждого покидающего страну обязательно найдется место португальским цветам. Одни будут вспоминать розы донны Исабел, другие — красные гвоздики апрельской революции.

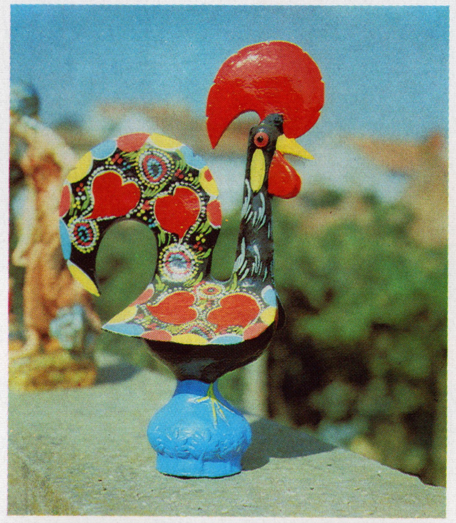
Не помню, где и когда был снят этот кадр. Помню почему: хотелось как-то сгладить впечатление от тягостной встречи с рекой Воуга. Специально поехал посмотреть на Воугу, именем своим так похожую на нашу Волгу. Но, вместо спокойной глади прозрачных вод, увидел грязный поток заводских отходов.
Это Миньу или Мондегу, а может быть, Тежу или Дору в верхнем течении, подальше от предприятий Лиссабона и Порту. Не имеет значения, какая это река. Важно, что люди берегут ее чистоту, понимая — без воды нет жизни

Особняки лиссабонского района Рештелу с привратниками и лимузинами, блеск зеркальных витрин ювелирных магазинов торгового центра столицы находятся значительно дальше от португальской действительности, чем небо от земли

Португалия — это вот такие городки

ЖАРЕНЫЙ ПЕТУХ БАРСЕЛУШ

Направляясь из Порту на север, путешественник должен непременно посетить городок Барселуш. Впрочем, он вполне достоин называться городом, хотя живут здесь не больше десяти тысяч человек. Во-первых, даже по португальским меркам, возраст у Барселуша почтенный: еще в 1140 году суверен дон Афонсу Энрикеш пожаловал жителям Барселуш охранную грамоту в знак признания его значимости. Вспомним, что, например, наша столица Москва упоминается в летописях на семь лет позднее — лишь в 1147 году.
Во-вторых, Барселуш единственный из всех португальских городов, стоящий на берегу реки Ка́ваду. Может быть, кое-кто из читателей лишь понаслышке знает о существовании такой реки, что очень прискорбно, не делает ему чести и даже чревато опасностью оказаться в неудобном положении, как это случилось однажды со мной. Совершая года три назад поездку на север, я остановился около каменного моста, перекинутого тремя арками через небольшую спокойную речку. На парапете сидел молодой человек в старой шляпе, надвинутой на глаза, и мокрых трусах. На мой вопрос, как называется река, я услышал неожиданный ответ: «Это та самая река, на чьем берегу стоит Барселуш, а в устье которой начинается Атлантический океан». Каждый, будь он на моем месте, услышав подобные слова, почувствовал бы себя полнейшим профаном.
И, наконец, в-третьих, что и есть самое главное, Барселуш знаменит своими петухами, а



точнее — своим петухом. Неповторимым и непревзойденным.
Петуха Барселуш встретишь в любом магазинчике, торгующем сувенирами. Его изображение красуется на открытках, отпечатанных многотысячными тиражами; на майках и женских блузках; на фарфоровых тарелках и кухонных полотенцах.
Глиняного петуха от крошечного, с ноготок, до гигантского пудового петушища метровой величины можно приобрести на память о Португалии везде, где продают изделия местных ремесленников. Но, конечно, подлинные петухи находятся только в городе, обязанном ему своей славой: в Барселуш.
История с петухом произошла очень давно. Так давно, что не осталось людей, помнящих, когда это случилось. Правда, знатоки прошлого называют более или менее точную дату: XVII век. В достоверности легенды никто не сомневается, потому что, если бы ее не было, то кто бы стал о ней рассказывать.

Итак, однажды в городе Барселуш случилось из ряда вон выходящее происшествие: в доме местного судьи пропало столовое серебро. Коренных жителей невозможно было заподозрить в совершении подобного бесчестного поступка, поэтому все барселущцы стали выяснять, не забрел ли к ним какой-либо чужак. И надо же такому случиться, что как раз в этот момент через город проходил никому не известный галисиец. Конечно, его сразу же заподозрили в воровстве, схватили и привели к тому самому судье, у которого была совершена кража. А тот в это время собирался обедать вместе со своими друзьями. На столе стояло деревянное блюдо с жареным петухом, обложенным со всех сторон ломтиками вареной картошки.
Судья сразу же признал галисийца виновным и приказал немедленно повесить на городской площади. Галисиец клялся и божился в своей непричастности к воровству. Но ведь, если бедняга говорил правду, то значит, подозрение должно было пасть на кого-либо из местных жителей, а такого, повторяю, нельзя было себе представить. Галисийцу никто не поверил. И тогда осужденный в отчаянии воскликнул: «Знай, сеньор судья, когда меня будут вешать, петух, который сейчас лежит на блюде, запоет, и тогда вы все убедитесь в моей невиновности». Все присутствующие рассмеялись, услышав такие слова.
Галисийца повели на площадь, судья еще некоторое время обсуждал с гостями происшедшее, а когда хотел возобновить

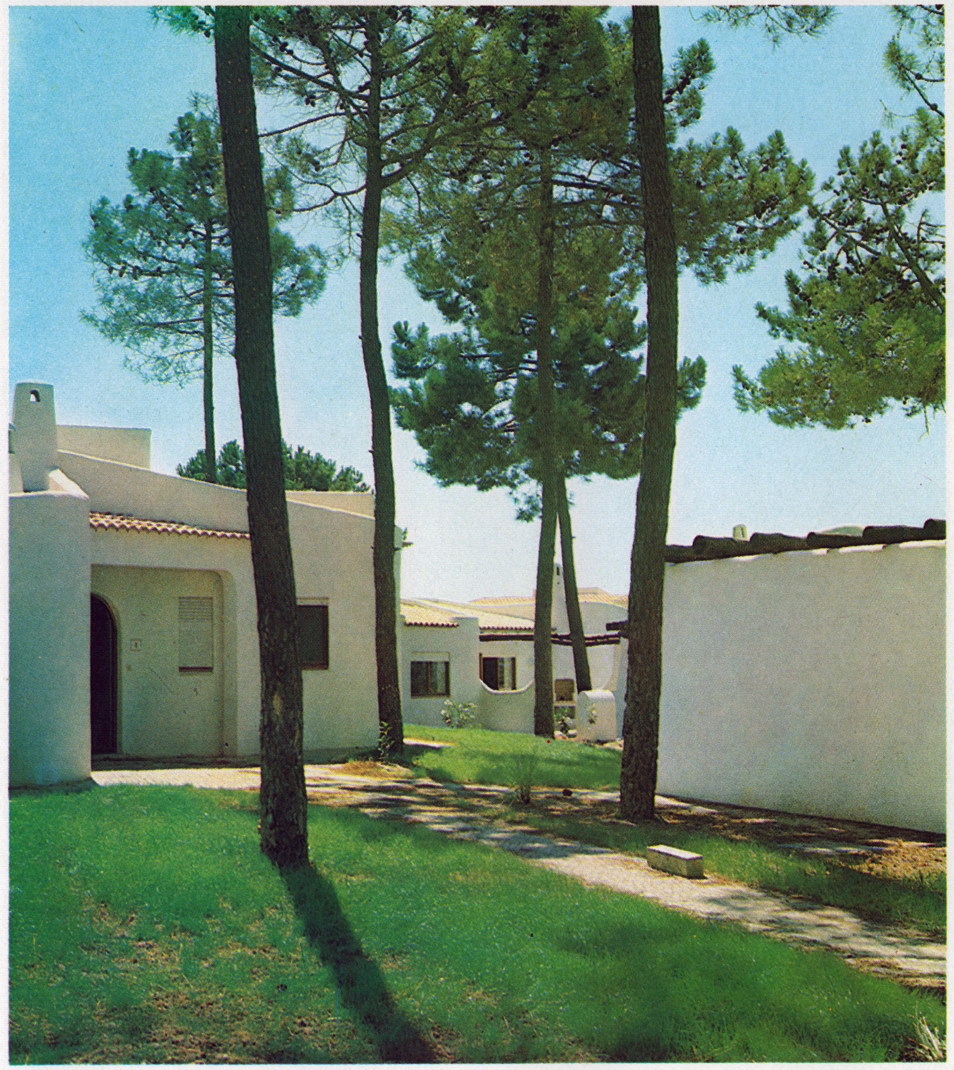
прерванную трапезу, то жареный петух вдруг встал, отряхнул приставшие к бокам вареные ломтики картошки и прокукарекал. Судья обомлел, а потом стремглав ринулся на площадь. То ли дом судьи стоял недалеко от площади, то ли судья бежал достаточно быстро, но поспел он вовремя и не допустил свершения несправедливости.

В память об этом замечательном событии еще в те годы на той площади сооружен каменный памятник, на котором можно увидеть барельефы фигурок судьи, галисийца и, конечно, знаменитого петуха Барселуш, слава о котором распространилась по всей стране и за ее пределами.

— *Какой красивый у тебя костюм!*
— *А по праздникам все крестьяне Алентежу так одеваются.*
— *Ты что, тоже крестьянин или школьник?*
— *Конечно, хожу в школу, но когда каникулы — работаю пастухом. Я же мужчина.*
— *Сколько тебе лет?*
— *Двенадцать*

Горные пейзажи непременно сравнивают со Швейцарией. Но ведь красоте швейцарских пейзажей ой как далеко до пейзажей Кавказа или же горной части Таджикистана! А пейзаж португальской Серра да Эштрела также ни в чем не уступает Швейцарии

Один из уголков города



— Сколько вам лет, бабушка?
— Бог знает сколько. Говорят, восемьдесят.
— Вы когда-нибудь отдыхали?
— Конечно. Сейчас кончила стирать и сижу, вяжу, отдыхаю.
Все отдыхать должны. И я тоже

Юг страны — Алгарви. Безоблачное небо, теплее, чем в других районах море. Пансионаты, сдаваемые в наем белые стандартные домики, роскошные отели. Индустрия туризма. Среднему португальцу отдых здесь не по карману. Многие, отдыхающие здесь, о труде имеют смутное представление

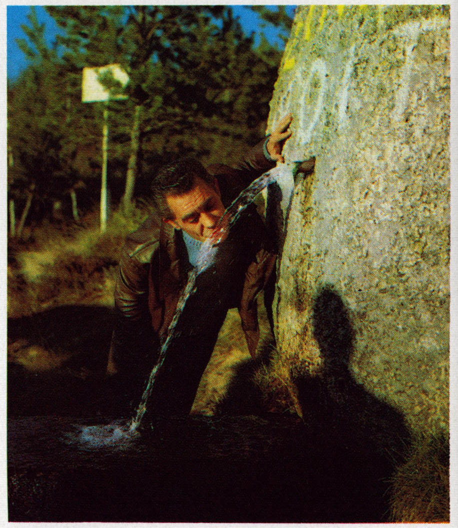
МУРСА
И ЕЕ СИМПАТИЧНАЯ
СВИНЬЯ

Во время путешествия на автомашине как-то автоматически читаешь надписи дорожных указателей: до такого-то города осталось столько-то километров, а сейчас вы въезжаете в поселок, который называется так-то. Иногда появляется настолько интригующая табличка, что очень хочется изменить намеченный маршрут или остановиться в населенном пункте, который почему-то окрестили «Венда даш рапаригаш», что в дословном переводе на русский язык должно означать «Продажа девушек». На поверку же оказывается, что никогда никого здесь не продавали, а в данном случае «венда» переводится как «лавка». Отправляясь на север, всегда приходилось проезжать мимо таблички, указывавшей дорогу, ведущую в Шамушку. Название, несколько напоминающее нашего Чебурашку, и я был разочарован, когда мне разъяснили, что «Шамушка» происходит от глагола «шамушкар» — «опаливать», и селение давным-давно назвали Шамушка, потому что тамошние жители мастерски умели опаливать свиней.
А вот название «Мурса» никаких ассоциаций у меня не вызывало, и когда, делясь планами очередной поездки, сказал одному приятелю о своем желании проехать без остановки от Брагансы до Вила-Реал, он удивленно спросил: «Неужели тебе не хочется посмотреть на свинью Мурсы?», на что я уклончиво ответил, что вопросы свиноводства не входят в круг моих интересов. «О! — воскликнул приятель,— непростительно, живя в Португалии, не знать о «Свинье из Мурсы», ведь другой такой нет во всем мире!»

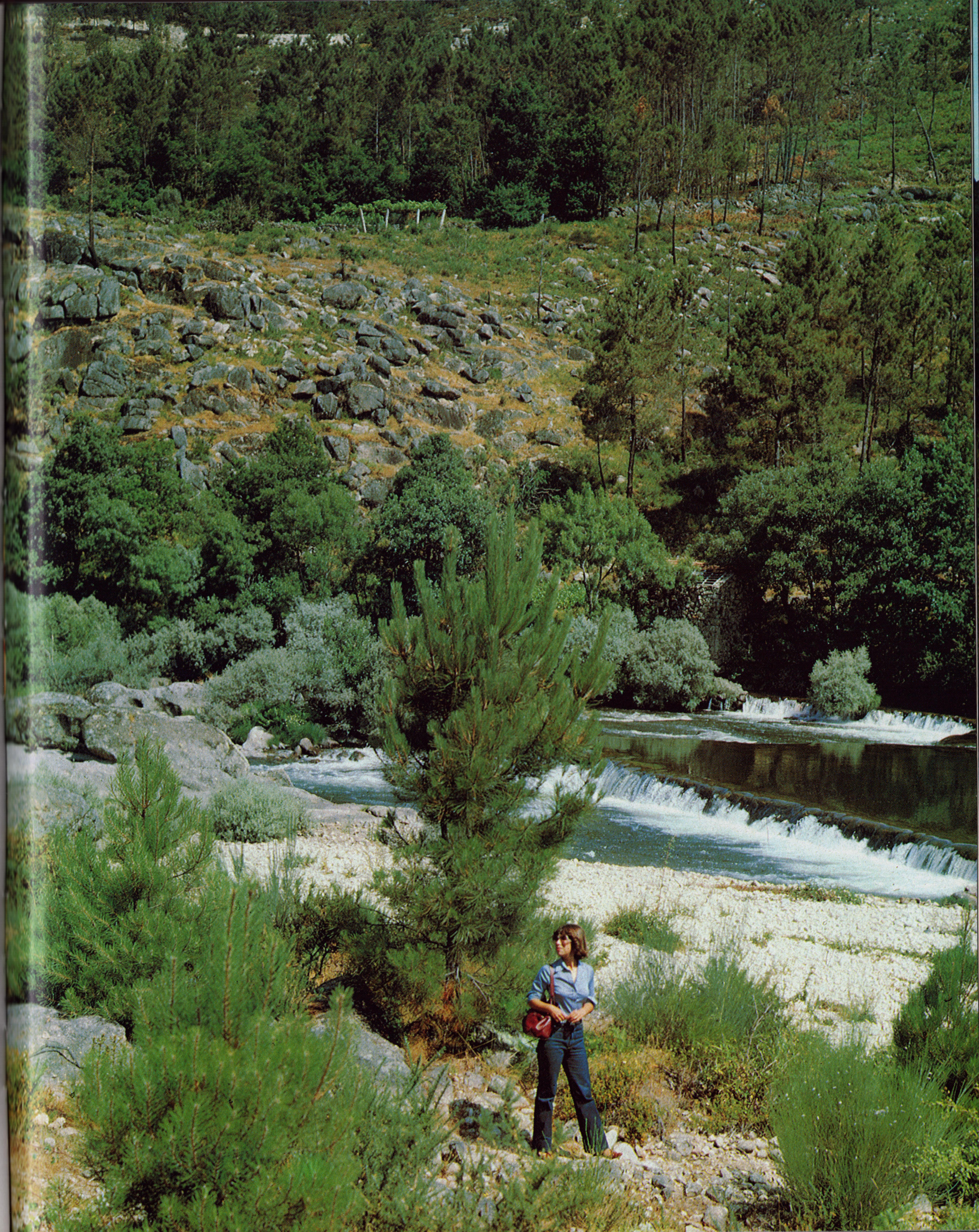
Дорога от Брагансы до Вила-Реал состоит из сплошных поворотов, и после одного из них открывается вид на Мурсу — небольшой поселок, каких предостаточно в этом районе севера Португалии. Здесь имеется весь обязательный набор: церковь, здание муниципалитета и давно отслуживший свое старый фонтан на старой, вымощенной булыжником площади. Но в Мурсе есть одна достопримечательность, которой лишены все другие португальские поселки, села и городки: памятник свинье. Видимо, породистая (от хвоста до пятачка один метр восемьдесят пять сантиметров длины), она невозмутимо возвышается на постаменте, не подозревая, что принесла поселку славу.
Историки полагают, что гранитную свинью создали еще племена, обитавшие в этих местах до кельтов. Вероятно, свинья была племенным тотемом, которому они поклонялись. В поисках каких-либо материалов по истории Мурсы я посетил местный муниципалитет, где поселковые власти любезно вручили иностранному корреспонденту три отпечатанные на дактилографе брошюрки, содержавшие массу полезных сведений. Так, там говорилось, что «название Мурса происходит от арабского имени Муса, о чем повествовали записи в летописи, датированной 716 годом». В более поздние времена, уже при царствовании дона Саншо II в первой четверти XIII века, поселок также упоминался как Муса. В одной из брошюрок, отпечатанной полвека назад, приводились статистические данные, связанные с жизнью Мурсы в 1796 году. Тогда там насчитывалось «2303 жителя, на которых приходилось 6 врачей, 2 аптекаря, 25 монахинь, 13 сапожников, 18 столяров, 24 торговца и 3 литератора». В том месте, где автор заметки упоминает о 6 врачах, он затем дает в скобках такое примечание: «сейчас же случается, что в поселке не бывает ни одного врача».
И еще любопытные данные, непосредственно связанные со свиньей Мурсы. В конце прошлого и начале нынешнего века политическая жизнь в Мурсе кипела ключом, местная власть то и дело переходила от сторонников монархии к «прогрессистам» и наоборот. Когда власть брали монархисты, они тотчас же направлялись на площадь и красили свинью в зеленый цвет, а когда верх брали «прогрессисты», то они перекрашивали ее в красный цвет. Сейчас, как вы сами можете убедиться, взглянув на снимок, свинья сохраняет свой цвет натурального гранита, и уже давно никаких бурных

политических демонстраций вокруг памятника никто не устраивает. Да и вообще, перспективы развития Мурсы более чем скромные: поселок медленно угасает. Даже число обитателей Мурсы за последние сто восемьдесят лет уменьшилось на 500 человек. Местные жители недолюбливают свою достопримечательность. Им не нравится, что имя их поселка непременно связывают со свиньей и что во всей Португалии чаще произносят «Порку да Мурса» — «Свинья Мурсы», чем просто «Мурса». Конечно, название звучит несколько неблагозвучно, и, видимо, поэтому обитатели Мурсы считают своим долгом сказать приезжему, что все справочники врут и, по их мнению, на постаменте установлена фигура не свиньи, а медведя или на худой конец — дикого кабана.

Указатель на дороге недалеко от Мантейгаш: «До ущелья ада (Посу ду Инферну) два км». Поворачиваем, едем. Симпатичный водопадик, прохлада, тишина. Ничего «адского». Португальцы по своему характеру народ мягкий, и даже «чистилище» в их представлении обязано выглядеть довольно уютно

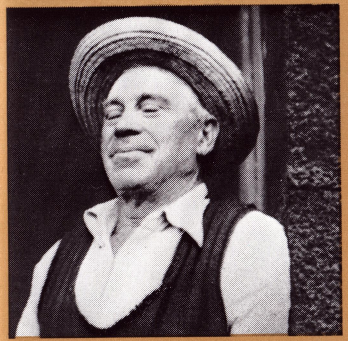


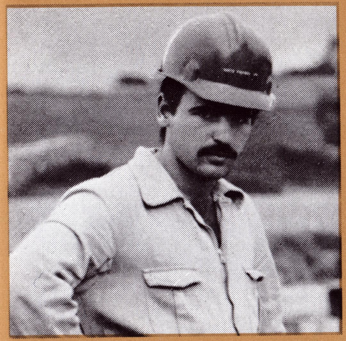
«Вот здесь самая чистая в Португалии вода»,— сказал наш спутник и припал губами к прозрачной струе. Мы находились на Серра да Эштрела неподалеку от самой высокой точки страны — Торре, поднявшейся на 1991 метр над уровнем моря. Конечно, наш друг преувеличивал. В Португалии множество родников, и все они чистые. Родниковая вода грязной не бывает.
А когда тысячи горных родников сливаются воедино, то рождается горная речка и вода в ней тоже пока еще чистая

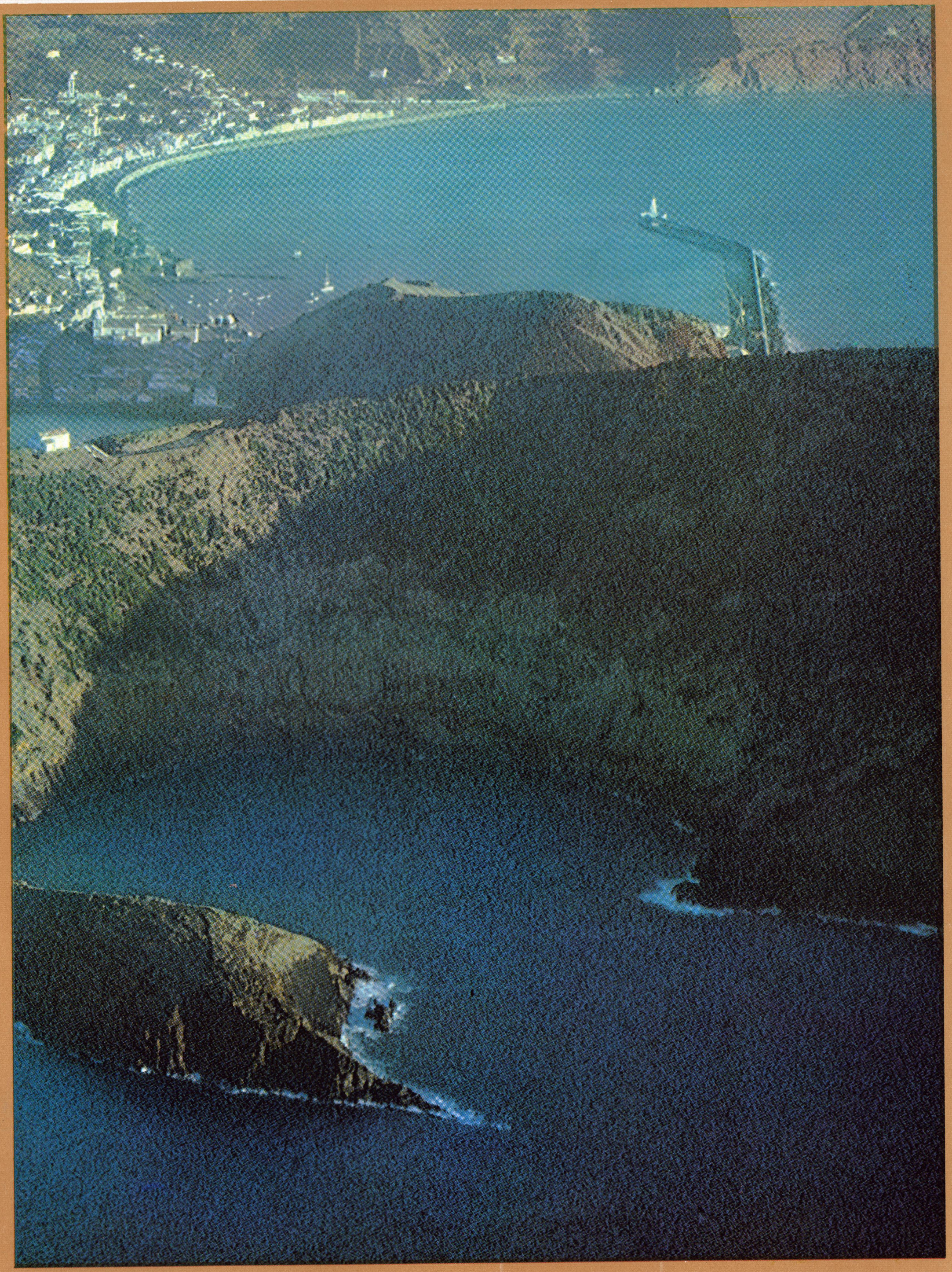


АЗОРСКИЕ ОСТРОВА

Любая страна обладает чем-то своим, неповторимым. В шотландском озере, говорят, обитает добродушное чудовище по имени Несси. Только в Рио-де-Жанейро и больше нет нигде горы Корковадо и Сахарной головы. А подлетая к Азорским островам, сразу же видишь ее достопримечательность: созданное капризом природы необычное животное, похожее на помесь кита с кашалотом. Этакий Гулливер, нежащийся в теплых водах Атлантики







Остров Файал напоминает Камчатку. Почти такие же лиственницы, море, скалы и даже домики с мезонинами

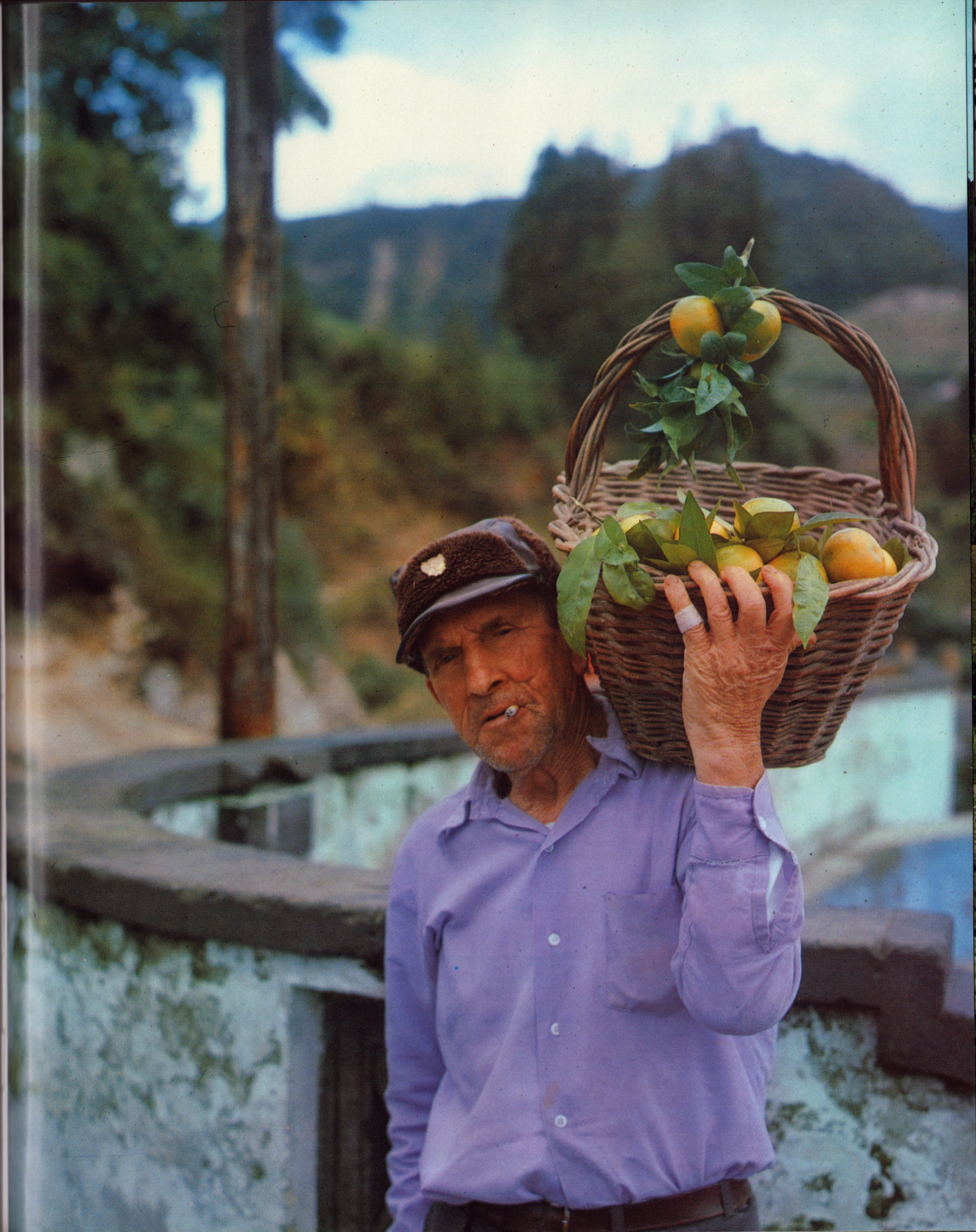
Город Орта на берегу океана

— Любите свой остров?
— Конечно. Мы здесь родились.
— Учитесь в школе?
— Сейчас каникулы, а вообще учимся.
— Когда закончите школу, что станете делать?
— Конечно, уедем с острова на материк

— Тебя как зовут-то?
— Меня Мариа-Жизел, а собачку Лайка.
— Почему Лайка?
— Это португальское имя для собак. Вот в Америке, туда мой дядя уехал, собак зовут Джой.
— У нас в стране тоже собак Лайкой называют.
— А вы из какой страны?
— Из Советского Союза.
— Наверно, она меньше Португалии, поэтому собак португальскими именами называете

— Берите апельсины. Таких в Фурнаш ни у кого нет. Десять эскудо пара.
— Дешевые апельсины.
— Ну, тогда пятнадцать эскудо

Считают, что Азоры были открыты португальцами в 1427 году, а через 12 лет капитан Гонсало Вельу привез на Сао Мигел первых поселенцев, утварь и пушки для защиты острова. А кто привез на Сао Мигел первую рогатку?

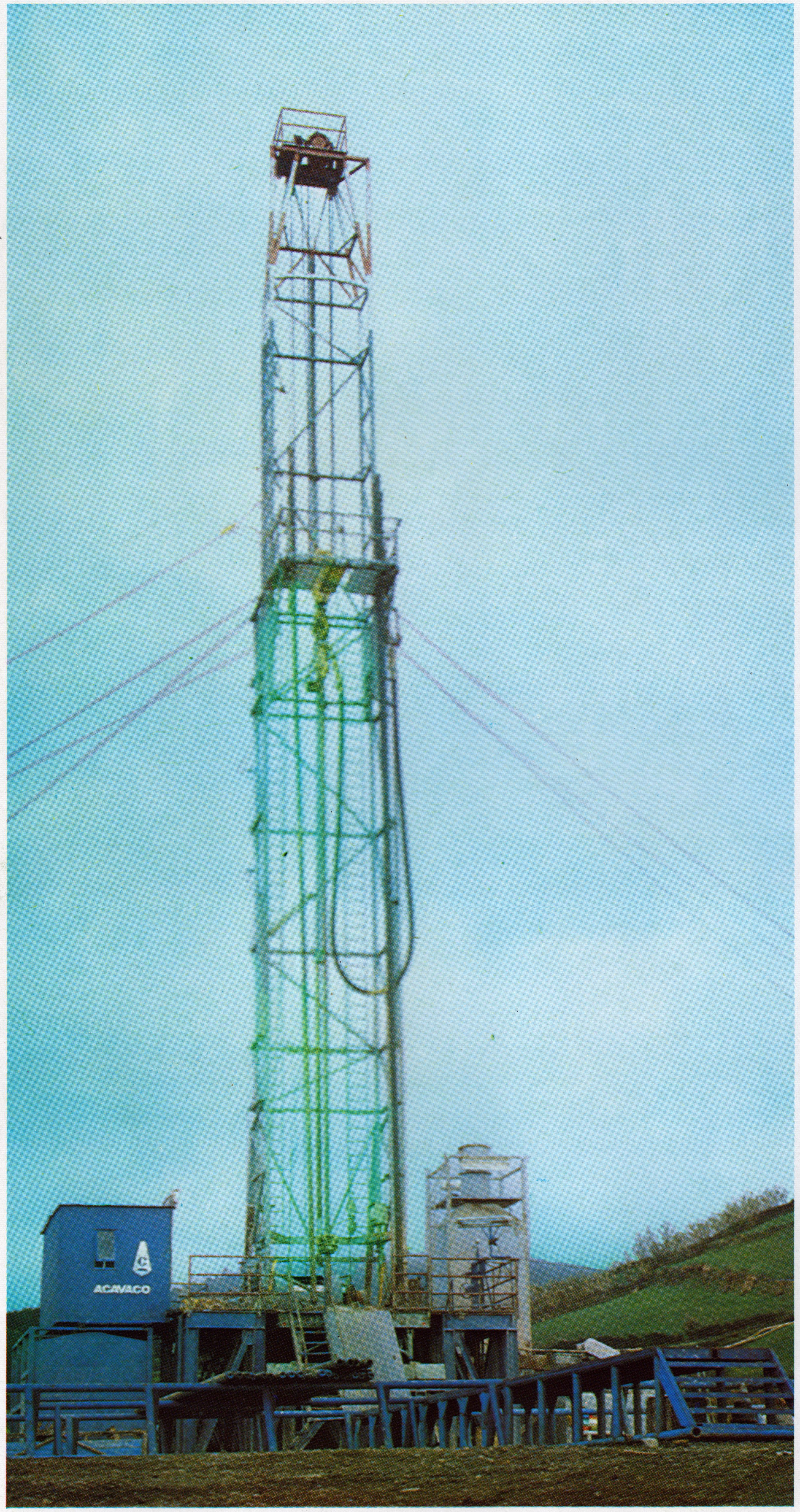


Озеро на острове Сао Мигел в районе Калдейраш. Местные жители называют его просто Красивое озеро

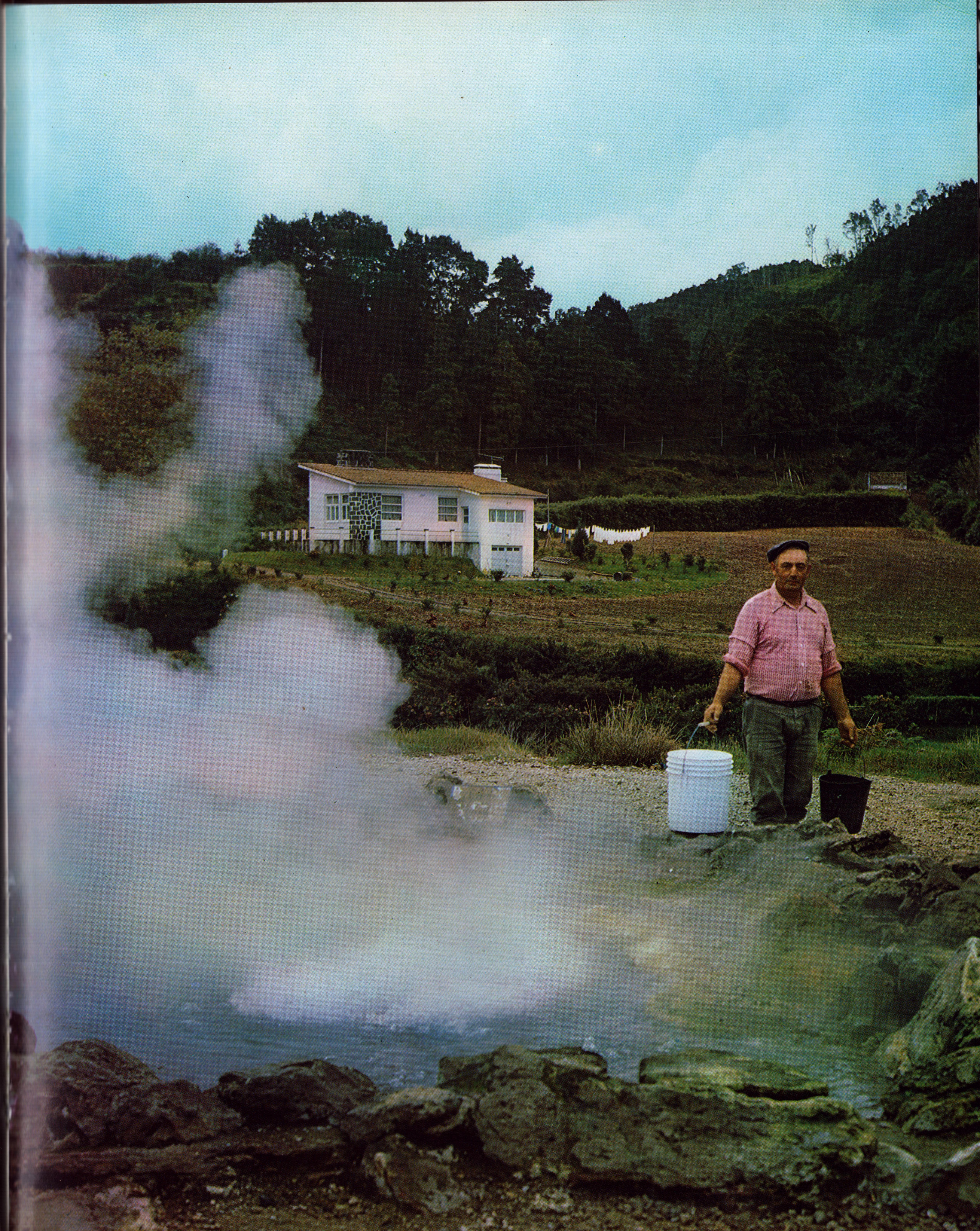
Вдоль всех дорог, на всех островах — нескончаемой лентой кусты с разноцветными шапками бегоний. Туристы рвут букеты на память

Автобус с туристами на шоссе, местный житель едет на муле вдоль обочины. Хозяин и гости

Туристы прилетают на Сао Мигел полюбоваться прекрасными лесами. Для удобства туристов строят прекрасные дороги. Но чтобы построить дороги, вырубают леса



Строительство термальной электростанции на озере Сао Мигел



— Пока кипяток до дома донесете, он же остынет.
— А мне горячая не нужна. Мне для огорода.
— Неудобно жить среди гейзеров?
— Очень удобно. Всегда горячая вода для стирки, еды, мытья. У нас в Фурнаш ничего не нужно подогревать.
— Вы здесь и работаете в Фурнаш?
— Нет. Работаю в Понта Делгада, на холодильнике. Между прочим, оттуда мы возим лед для продуктов

ОСТРОВ ПИКУ

Светает. Пузатенький катерок, весело тарахтя, тащится от причала Орты — главного города острова Файал — к причалу Мадалены, поселку, расположенному на берегу острова Пику. Ширина пролива между этими двумя островами Азорского архипелага примерно четыре с половиной мили, и с набережной Орты был виден силуэт довольно внушительной конусообразной горы Пику, давшей имя и самому острову. Выше Пику в Португалии гор нет, чем местные жители очень гордятся. Власти, знакомя нас с достопримечательностями острова, несколько раз, так, между прочим, подчеркивали, что высота Пику превышает две тысячи триста пятьдесят метров. Правда, в любом справочнике сообщаются точные данные: 2351 метр, так что превышение всего на один метр. Рассказывают, что какие-то завистники (вероятно, с других островов) однажды ночью решили покуситься на честь Пику и в буквальном смысле слова принизить его достоинство. Они поднялись на вершину с ломами, лопатами и после нескольких часов упорного труда срезали сто десять сантиметров горной макушки, а потом растрезвонили о содеянном по всему архипелагу. Патриоты острова в долгу не остались: забрались наверх и не только восстановили разрушенное, но и набросали еще полутораметровую кучу камней, так что высота Пику после этого стала равняться 2352 с половиной метрам. Однако во всех энциклопедиях цифра осталась старой.

Пику занимает второе место среди островов архипелага, но

жителей там, по официальным данным, на 1975 год было 16 096 человек. Население очень быстро уменьшается, впрочем, как и на других островах. Эмиграция с Азор, к сожалению, большая. Достаточно сказать, что по переписи 1970 года на том же Пику было 19 220 жителей. За пять лет эмигрировало больше одиннадцати процентов населения острова! И еще одна деталь: за пределами архипелага проживают более 400 тысяч выходцев с Азор, а на всех островах архипелага в 1975 году насчитывалось всего 260 090 жителей! Главные причины такой чудовищной эмиграции — экономические трудности, очень низкий уровень жизни, бесперспективность в получении работы. Грустно говорить об этом, еще тяжелее видеть.

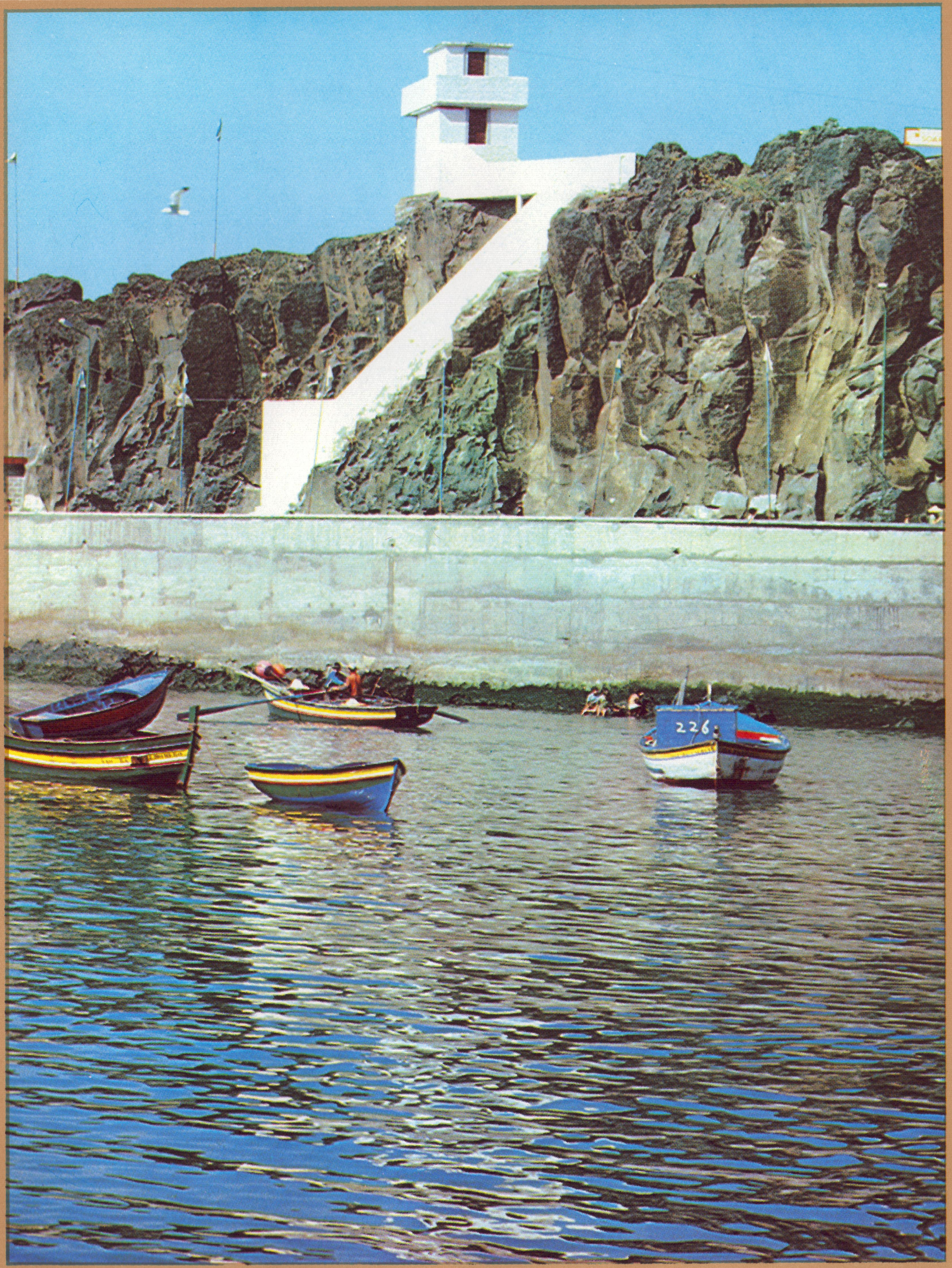
Городов на Пику нет. Это остров крестьян. Есть небольшие поселки и деревушки. За день пребывания на острове мы объехали многие из них и осмотрели почти все достопримечательности. Крошечные участки (некоторые не больше двадцати-тридцати квадратных метров) разграничены сложенными из черных камней межами. Камни — застывшие куски лавы — видимо, убирались крестьянами с участков, и сейчас межи занимают почти такую же площадь, как и очищенная от них земля. Давным-давно остров славился своим «верделью» — бордовым вином, полученным из винограда, лозы которого были завезены с Мадейры. Но в середине прошлого века почти все лозы погибли, и сейчас лишь в местечке Манъента, говорят, есть настоящее «верделью». В деревушке Фурнаш да Агуа крестьянин Катрина даш Бандейраш, которого вы видите на нижнем снимке, на вопрос, есть ли в округе вино «верделью», сказал, что никогда не слыхал о таком. Пику называют островом фруктов. Виноград и апельсины, абрикосы, яблоки, персики и даже инжир выращивают местные крестьяне и отвозят урожай на Файал и Сао Жоржи. На материк фрукты с Пику не везут: пароходом долго, а самолетом дорого. Растет здесь пшеница, ячмень, кукуруза, ямс, картошка и даже табак свой есть. Но собственных продуктов не хватает и приходится завозить или с других островов, или же с материка, а покупательная способность большинства жителей Пику даже ниже, чем в самых глухих районах материковой части Португалии.

Чего в достатке на Пику, так это церквей. Наш сопровождающий с гордостью сообщил, что на острове более двух десятков церквей и почти столько же часовен. Правда, он затруднился ответить, сколько на Пику школ. В недавнем прошлом многие жители занимались рыболовством и даже охотились на китов, забредавших в прибрежные воды. Сейчас киты здесь почти так же редки, как олени в лиссабонском парке Эдуарда VII. Зато в поселке Лажиш есть музей китобоев. В небольшой комнате на втором этаже маленького домика собраны старые гарпуны, китовые усы, снимки китобойных судов, рисунки со сценами охоты на кита, книги и брошюры о китобойном промысле. Смеркалось, когда мы подъезжали к причалу, где нас

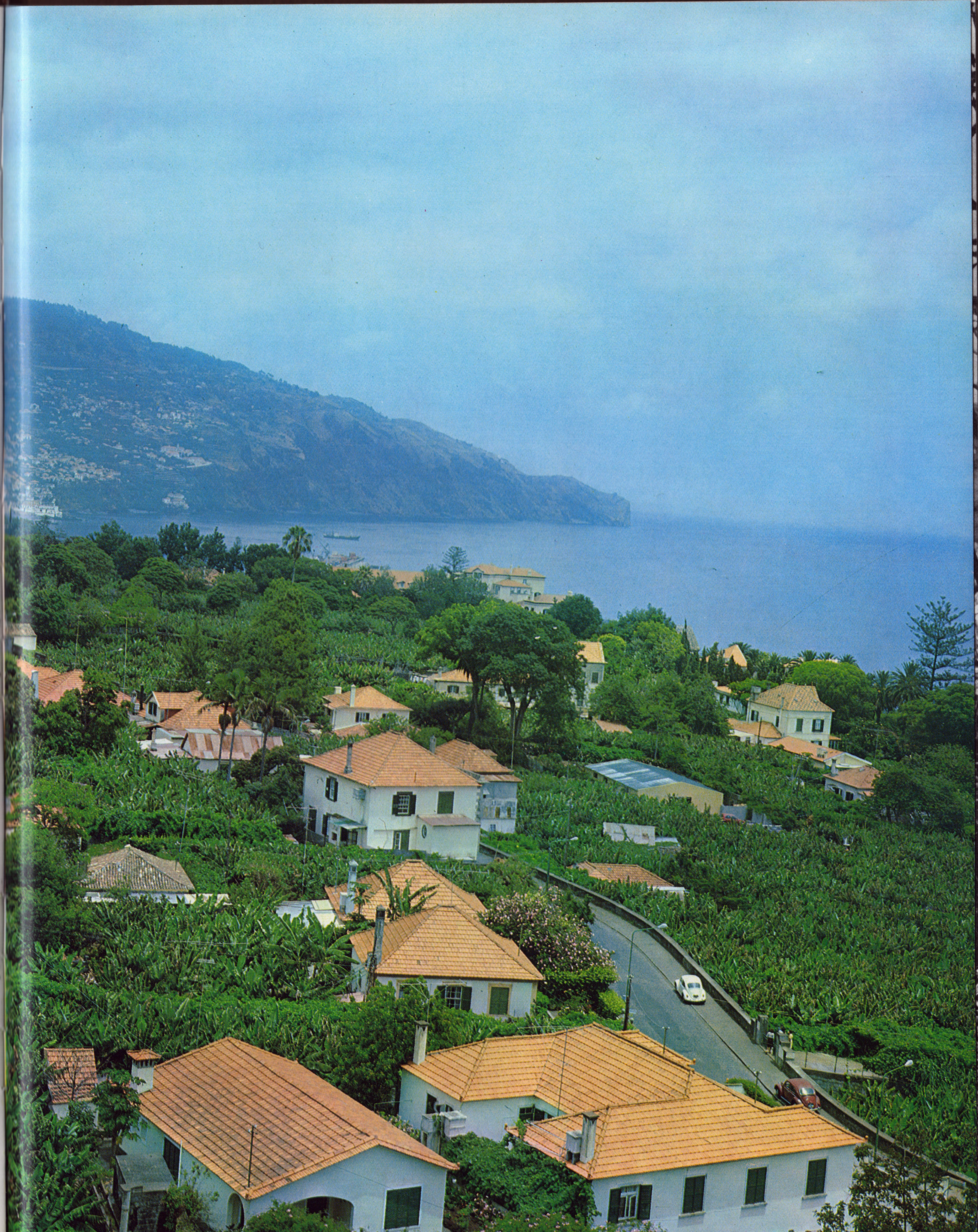
ждал знакомый катерок. Мы опоздали, потому что по пути в Мадалену остановились осмотреть завод по производству сыров, принадлежавший влиятельной на Пику персоне. На предприятии работали два человека. Две сестры, одну — Мануэлу Матуш — я запечатлел на пленке. Вы видите ее на левом нижнем снимке. Возле причала несколько человек местных жителей ждали рейсового катера. Трое из них держали в руках небольшие чемоданчики, а поодаль лежали на досках от старой лодки узел и баулы. Оказалось — покидают остров и собираются «попытаться найти счастье» на материке. Той ночью местное население уменьшилось еще на три человека. Красивый остров, но почему-то грустный осадок остался после поездки на Пику.

МАДЕЙРА

Автономный район Португалии — Мадейра — лежит в девятистах километрах к юго-западу от континентальной части страны. Применительно к Мадейре не совсем подходит название «архипелаг». Ведь под географическим определением «архипелаг» подразумевается «большая группа островов», а в данном случае, кроме Мадейры, имеется лишь небольшой островок Порту-Санту и группа из трех крошечных островков, имеющих, правда, свое название: Пустынные острова.
На Мадейре живет около трехсот тысяч человек, а на островке Порту-Санту примерно четыре тысячи. На Пустынных островах людей нет



Первооткрывателей Мадейры было два: Жоао Зарко и Тристао Тейшейра. Первый удостоился памятника в Фуншале. Статую Тейшейра установили в поселке Машико лишь недавно



Красные черепичные крыши. Зелень банановых плантаций. Синее море. Сверху все так красиво. Правда, говорят, что взгляд с высоты — поверхностный взгляд

Авенида ду мар (Морской проспект) в Фуншале

Главный фонтан на площади Фонтана неподалеку от муниципалитета

Забетонированный канал увит цветущими лианами. По дну канала текут в океан городские сточные воды. Аромат цветов забивает запах нечистот. Элегантное прикрытие проблемы

На сто двадцать тысяч жителей Фуншала приходится около 15 церквей. Первая — монастыря Санта-Клара — появилась в 1492 году. Сейчас строят больше казино

На Мадейре выращивают ананасы и бананы. Бананы здесь пища бедняков. Субтропики

— Красивые цветы у вас в муниципальном парке.
— Красивые, только поливать много приходится.
— А в своем садике около дома цветы разводите?
— Прежде чем цветы в садике разводить, нужно дом иметь

НА САНЯХ В СУБТРОПИКАХ

«Готовь сани летом, а телегу зимой» — так гласит пословица. На острове Мадейра эту пословицу понимают буквально, и действительно каждый летний день внимательно осматривают сани, смазывают полозья и следят, крепко ли привязаны к саням оглобли. А так как на Мадейре круглый год лето, то сани постоянно находятся в отличном состоянии. Любой может сесть и поехать. С горы до центра города Фуншала за 350 эскудо, а если в санях, запряженных быками, то по Морскому проспекту туда и обратно — всего за 250 эскудо. Телег на Мадейре никогда не было, а сани существуют уже лет двести. Появились они задолго до рождения автомобиля. Сейчас дымящих, шумящих, мчащихся по дорогам Мадейры машин — полным-полно, а добротно изготовленные из дерева и лозовых прутьев сани можно увидеть лишь в двух местах: на спуске с горы от Террейру да Лута и на Морском проспекте. Пять лет назад в Фуншале насчитывалось семь пар быков, запряженных в сани. Сейчас осталось всего трое саней и шесть быков. То ли овес подорожал, то ли туристы стали отдавать предпочтение такси, ответить трудно. Скорее всего жизнь подорожала, а быков нужно содержать и самим кормиться. На каждые сани два члена экипажа. Старший — бойейру — идет сзади на поворотах, помогая быкам заносить рычагом сани в нужную сторону. Младший — кандейру — не торопясь ведет быка, взявшись за хомут.

А есть еще горные саночники. Они называют себя «каррейруш». Их около сотни человек. Для многих это профессия на всю жизнь. Лет десять назад, прокатив пассажиров с горы, им приходилось на себе тащить санки наверх. 500 метров крутого подъема. Сейчас сообща нанимают грузовичок. Стало легче, но маленький заработок стал еще меньше.

Стоят прислоненные к стенке отеля санки: каррейруш ждут, когда приедет очередная группа туристов. Жарко.

Отдыхают на асфальте быки, запряженные в сани. Бойейру и кандейру поджидают пассажиров. Идут мимо по своим делам фуншальцы. Они на санях не ездят. Сани для туристов. Всегда в отличном состоянии. Все 365 летних дней Мадейры.

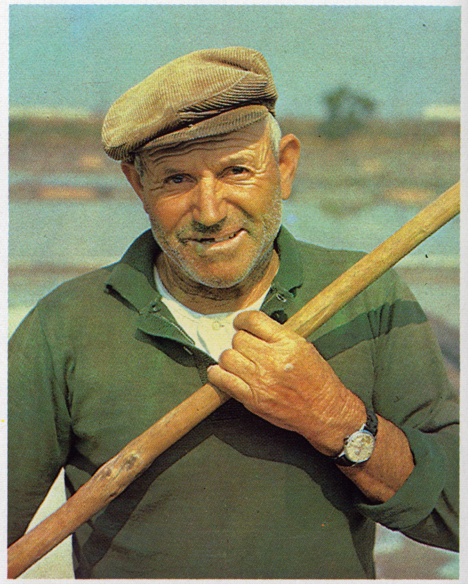
Горы созданы природой. Террасы — руками человека. Чтобы выращивать на них картошку и виноград, лук и помидоры. Все склоны изрезаны морщинами террас. Труд, вложенный в каждую морщину, можно измерить лишь мозолями поколений крестьян Мадейры

На Мадейре нет туристских троп. Есть туристские автострады. Тропинки — для местных жителей, шоссе — для гостей. Вынужденное гостеприимство

Корзинки, блюда, этажерки, столики, качалки плетут из ивовых прутьев. Прутья срезают, вымачивают в озерной воде, очищают от коры и плетут из них замысловатые изделия. Большая часть мастеров живет в поселке Камаша, примерно километрах в двенадцати от Фуншала

Хижина у поселка Сантана. Настоящая и в то же время игрушечная. Настоящая, потому что в ней живет крестьянская семья. Игрушечная, потому что построена она фирмой, обслуживающей туристов. А к другим хижинам автобусу не подойти. Просто туда нет дороги

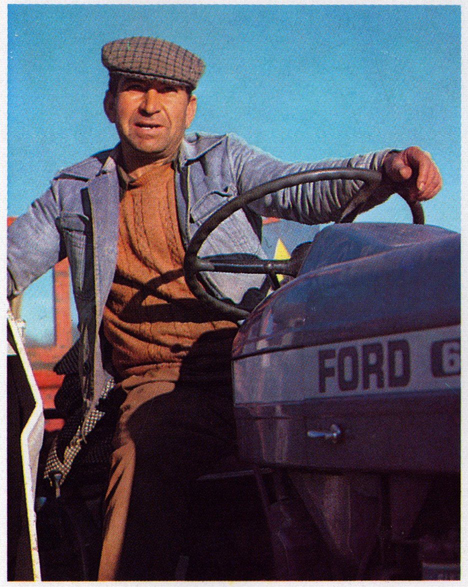
Рыбацкие шлюпки стоят на якорях. Суденышки побольше вытащены на берег. Вдали, на набережной, белые флаги с красными крестами. Сегодня у рыбаков праздник. В честь святого, покровителя их профессии



Подходит к концу наше фотопутешествие по Португалии, стране самобытной, интересной, красивой.

Всегда, заканчивая работу над очередной книгой, задаешь себе вопрос: «Доволен ли ты сам сделанным?» На этот раз для меня невозможно дать однозначный ответ, потому что так много еще хотелось бы показать и рассказать.

Посмотрите еще раз на портреты людей, о которых шла речь в альбоме. Таких, как они, на португальской земле живет около десяти миллионов. Принимаясь за работу, я ставил перед собой скромную задачу: удовлетворить желание советских читателей поближе познакомиться с этой страной и ее народом. Если вы скажете, что замысел удался, то я считаю, что кое-что и мной вложено в копилку, где хранятся и преумножаются хорошие отношения между советским и португальским народами



ПОРТУГАЛИЯ

Фотоальбом

Автор текста и составитель
О. ИГНАТЬЕВ

Фото
О. ИГНАТЬЕВА

Художник
Б. УШАЦКИЙ

Рецензент
Э. Ковалев

Главный редактор Главной редакции общественно-политических, оперативных и специальных фотоизданий
А. Порожняков

Редактор
Э. Аристова

Художественный редактор
Н. Ушацкая

Технический редактор
Т. Хлебнова

Корректор
Н. Коршунова

ИБ № 736

Сдано в набор 9.08.83. Подписано в печать 27.04.84. А03466. Изд. № 4/2-4643. Формат 60×90/8. Физ. п. л. 21. Усл. п. л. 21. Уч-изд. л. 28,032. Усл. кр.-отт. 97,25. Тираж 17 000. Цена 6 р. 10 к. Зак. 2003. Гарнитура таймс. Печать офсет. Бумага мелованная 115 г/$м^2$ Издательство «Планета». Москва, Петровка, 8/11

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28

Д $\frac{4911020000-188}{027(01)-84}$ 5-84

НОВАЯ ЦЕНА
2 р 40 к